

85.125

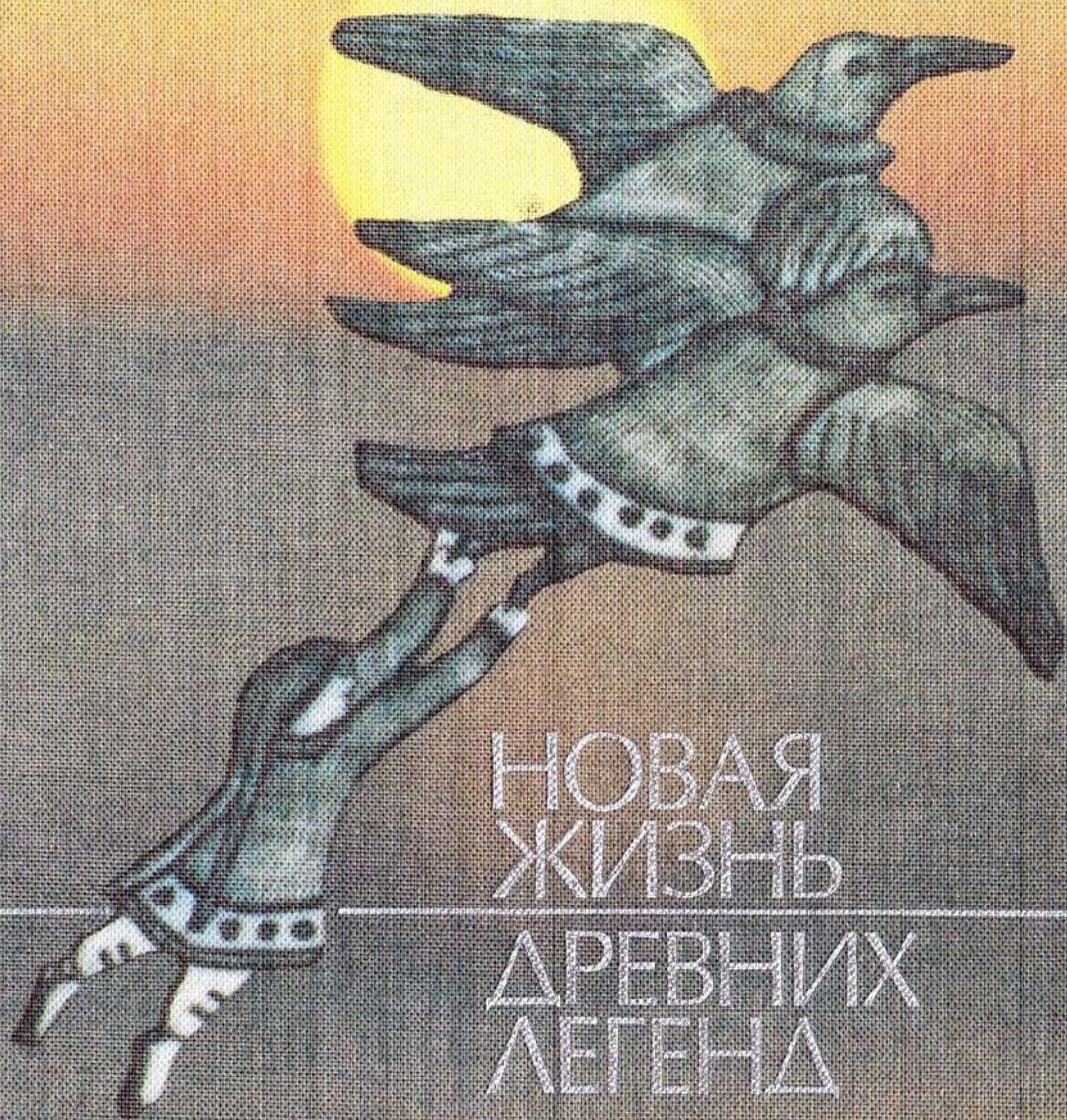
472

НОВАЯ
ЖИЗНЬ

ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД

ЧУКОТКИ

НОВАЯ
ЖИЗНЬ

ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД

ЧУКОТКИ

ЛЮДИ РАССВЕТА,
МЫ ПОМНИМ,
ЮНЫЕ, МЫ НЕ
ЗАБЫЛИ
НАШИ ИСТОКИ И
КОРНИ,
НАШИ ЛЕГЕНДЫ И
БЫЛИ.

ЮРИЙ АНКО

СКАЗКИ ЧУКОТКИ РИСУЮТ И РАССКАЗЫВАЮТ:

Вера
ЭМКУЛЬ

Галина
ТЫНАТВАЛЬ

Елена
ЯНКУ

Василий
ЕМРЫКАИН

Мая
ГЕМАУГЕ

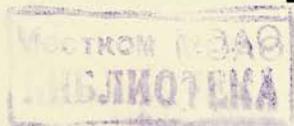
22914, 0879

НОВАЯ
ЖИЗНЬ

ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД

ЧУКОТКИ

МАГАДАН · 1987

Центр искусства резьбы по кости — Уэлен расположен на узкой галечной косе, протянувшейся от высоких прибрежных скал до сопок, зажатой между морем и лагуной. Здесь, на самом берегу моря, стоит недавно построенный новый дом, откуда по всему свету расходятся произведения подлинно народного искусства. Здесь в Уэленской мастерской имени Вуквола работают резчики и граверы — чукчи и эскимосы. Из окон мастерской они видят море — синее или покрытое ледяными торосами — и тундру — в снегу или в зелени трав и цветов.

Жизнь моря и тундры органично проникает в жизнь народа - художника, обладающего точным знанием своего мира, не отделяющего себя от природы, малейшие изменения которой фиксируются выработанным в течение тысячелетий коллективным опытом. Естественные ритмы природы — смена времен года, теплые и холодные ветры, туманы, пурги, приход и уход льдов, прилет птиц, появление моржей, китов — все это слито с жизнью людей, их душевным состоянием, настроением, с их внутренними импульсами к действию, к творчеству.

Связи и отношения человека с природой естественно переходят в искусство. Мы имели счастье наблюдать репетиции песенно-танцевального ансамбля, поражались, с каким самозабвением, серьезностью, чувством ответственности перед своим народом танцуют и поют участники ансамбля — жители поселка.

Музыка, танцы, устное и изобразительное творчество являются естественными, органичными видами жизнедеятельности народа, необходимыми для утверждения себя на этой суровой земле. В настоящее время резьба по кости сохраняет характер традиционного художественного ремесла, каждый охотник способен резать по кости, может с легкостью сменить профессию строителя, милиционера, моториста, матроса, вездеходчика на профессию резчика по кости.

Сегодня передача навыков традиционного художественного ремесла идет по нескольким руслам: в семье, обучение у старшего мастера, на уроках в общеобразовательной школе и в специальной школе искусств, недавно открытой в Уэлене.

Уэленская школа искусств! Стоит вдуматься в эти слова. На самом краю суровой чукотской земли создана специальная школа, где дети чукчей и эскимосов учатся резьбе и гравировке по кости, живописи, рисунку, скульптуре.

Школе искусств отведено специальное помещение в доме Уэленской мастерской. Дети могут наблюдать за работой резчиков и граверов, изучать изделия и фотоматериалы, собранные в богатейшем методическом фонде мастерской. Часто можно увидеть, как открывается дверь и несколько ребятшек прямо в пальто, с улицы, разгоряченные после гулянья, входят в мастерскую и тихо пристраиваются около какого-либо мастера. Это привычно для всех. Детские глаза внимательно следят, как резчик выпиливает фигурку медведя, моржа или оленя, как гравер точными движениями наносит только ему заметные углубления на поверхность клыка или раскрашивает свои рисунки.

Мастера с любовью смотрят на маленьких посетителей. Они знают — это смена, в руках которой судьба древнего и молодого национального искусства.

Творчество косторезов-художников Чукотки многообразно. Гравировка на сюжеты народных чукотских и эскимосских сказок — одно из направлений самобытного национального искусства. Это уникальное художественное направление необычайно жизненно, сказки живут в памяти народа, еще во многих семьях сохранился обычай рассказывать их детям.

В течение многих лет мы записывали со слов мастеров сюжеты народных сказок, которые получили претворение в гравировке по кости. Слушая рассказ мастера, рассматривая этот сюжет в рисунках, мы каждый раз поражались единству двух видов народного творчества — устного и изобразительного, единству, основанному на общих истоках мировосприятия.

85.125

Н 72

Н 49004000000 — 002

М — 149(03) — 87 47—87

© Магаданское книжное
издательство, 1987

Надо пояснить, что гравировка по клыку моржа представляет своего рода рассказ в рисунках. Такая особенность гравировки и обусловила в большой мере плодотворность в этом виде национального искусства сюжетов народных чукотских и эскимосских сказок. „Читая“ эти выразительные миниатюрные рисунки, мы узнаем о проделках хитрого ворона, о ките, помогающем людям, о великане, спасшем охотников, заблудившихся среди торосов.

Отражение в искусстве гравировки фольклорных мотивов — уникальное явление, не имеющее аналогий в современном многонациональном советском искусстве.

О косторезном искусстве Чукотки издан ряд книг, альбомов, статей, брошюр. Однако об искусстве гравировки на сюжеты народных сказок рассказывается впервые.

Авторами и героями нашей книги являются ведущие художники-граверы, представители старшего поколения, в чьем творчестве нашли наиболее яркое отражение сюжеты народных сказок: Вера Эмкуль, Елена Янку, Галина Тынатваль, Василий Емрыкаин, Мая Гемауге. Это значительные творческие личности, обладающие своеобразием человеческих характеров, художественных почерков, ярким, индивидуальным восприятием природы. Вслед за ними в этом виде искусства начали работать другие, не менее талантливые граверы, тогда еще молодые, — Лидия Тютина, Татьяна Печетегина, Елена Илькей, Галина Иргутегина.

В первой главе читатель сможет прочесть чукотские и эскимосские сказки, рассказанные мастерами, рассмотреть гравированные рисунки на эти же сюжеты, узнать о мастерах-рассказчиках и художниках, авторах гравированных композиций на сюжеты народных сказок.

Чтобы постигнуть своеобразие и художественную ценность этого народного творчества, надо познакомиться, хотя бы коротко, с культурой северного народа, его фольклором, неразрывно связанным с особенностями жизни охотников на морского зверя, познакомиться с искусством сюжетной гравировки по кости, а также современным состоянием чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости. Об этом расскажет вторая глава нашей книги.

Книга не претендует на исчерпывающую полноту показа работ на мотивы народных чукотских и эскимосских сказок.

Основываясь на творчестве ведущих мастеров старшего поколения, мы постарались выбрать наиболее интересные работы, отражающие традиционные фольклорные сюжеты.

Наша книга не получила бы жизни, если бы не искреннее стремление художников Уэлена помочь нам, рассказать, поделиться, перевести с чукотского или эскимосского. Им наша великая благодарность. Мы выносим также благодарность сотрудникам музеев Ленинграда (Государственный музей этнографии народов СССР, Музей антропологии и этнографии). Эти люди с исключительной доброжелательностью и знанием дела помогли нам в отборе материалов по искусству резной кости. Мы считаем своим долгом выразить особую благодарность сотруднику Музея народного искусства, работы из собрания которого составили основной иллюстративный материал.

**ВЕРА
ЭМКУЛЬ**

Член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина

Вера Эмкуль — первая чукотская женщина, посвятившая себя профессии художника-гравера по кости. По традиции резьбой и гравировкой по кости занимались мужчины. Талант чукотских и эскимосских женщин проявлялся в основном в художественной обработке меха.

И вот пятнадцатилетняя Вера Эмкуль берет в руки коготок-вагыльхын, осваивает профессию гравера по кости, проявляя при этом незаурядные способности. Ее примеру следуют другие женщины Уэлена. И гравировка на многие годы становится областью творчества преимущественно женщин. На общем фоне мастеров, свободно изображающих в гравировке свои впечатления о жизни, о природе, Эмкуль выделялась точным и выразительным рисунком. Она нашла в себе мужество преодолеть устоявшуюся традицию и вырасти в подлинного художника. Цельный, сильный характер Веры Эмкуль сказывается и на ее творчестве.

Первая работа Эмкуль в технике гравировки необычна. А. Д. Горбунков вспоминает, что это был клык с национальным орнаментом. Ведь чукотские и эскимосские женщины знали множество узоров, которые они вышивали на торбасах, ковриках. С этой работы начала свой более чем сорокалетний путь в искусстве гравировки Вера Эмкуль. За эти годы она создала множество оригинальных композиций, разнообразных по сюжетам, и не только в технике гравировки, но и рельефной резьбы. По ее работам можно проследить развитие искусства гравировки, увидеть различные художественные направления.

Вера Эмкуль родилась в 1919 году в Уэлене, в семье резчика по кости. Ее отец Аромке — один из первых мастеров, основателей Уэленской мастерской. Аромке вырезал из кости скульптуры животных, бусы, мундштуки, владел техникой рельефной резьбы. Он очень любил свое дело и даже будучи тяжело больным продолжал резать по кости.

Детство Веры Эмкуль было насыщено сказками, которые она слышала от своей матери Киунеут и запоминала, чтобы потом рассказывать своим дочерям.

Долгие годы Эмкуль жила в маленьком деревянном домике, возле которого стояли нарты, упряжка собак. Муж Веры Эмкуль — Теютин, охотник и резчик по кости. Вся их долгая совместная жизнь связана с охотой, с суровой природой Чукотского побережья, в борьбе и единении с которой человек испытывает свои силы, закаляет свою волю. Эта семья являлась хранителем старого уклада жизни, старых традиций: Теютин охотился, Эмкуль разделявала нерп, кормила собак, шила для себя и мужа национальную одежду.

С раннего детства Эмкуль жила в мире сказок, в мире традиционной чукотской семьи. Поэтому она стала как бы хранительницей чукотского фольклора.

На работах Эмкуль учились три поколения мастеров, многие из которых стали талантливыми художниками. Среди них Галина Тынатваль и Елена Янку, удостоенные званий заслуженных художников РСФСР.

С Эмкуль советовались, ее авторитет среди мастеров был очень велик. Дело Эмкуль продолжают ее дети. Дочери Лида и Таня пошли по стопам матери, они — талантливые граверы.

Лида Теютина — один из ведущих художников в коллективе Уэленской мастерской. Сын Эмкуль — Виктор Теютин — резчик. Ему принадлежит немало интересных скульптур из клыка моржа, а также из кости кита. Лида Теютина и Виктор Теютин — члены Союза художников СССР, неременные участники выставок народного декоративного искусства.

В этом издании вы увидите только три работы Веры Эмкуль на темы народных сказок. Они ярко отражают многообразие почерка художницы, прошедшей большой творческий путь.

В своих произведениях Вера Эмкуль проявляет высокое мастерство композиции, свободное владение рисунком, осмысленное отношение к цвету, все это умело соединяя с сюжетом сказки в единую образную систему словесного и изобразительного повествования.

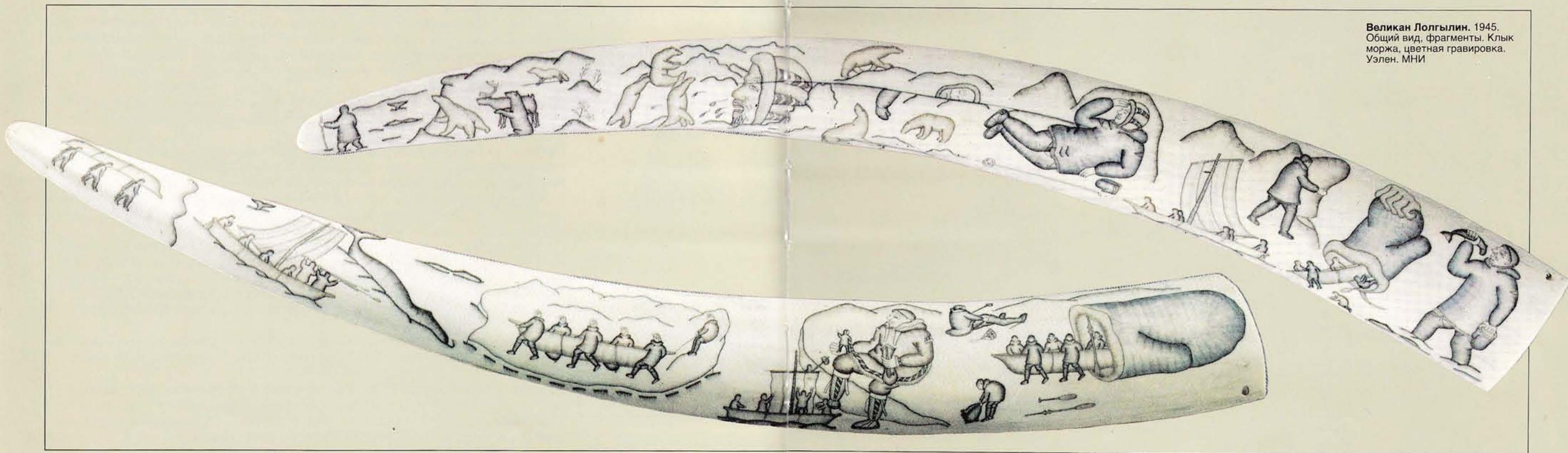
Вера
ЭМКУЛЬ

ВЕЛИКАН ЛОЛГЫЛИН

Посмотрите, какой силой, величественностью веет от восседающего на утесе великана. Веришь, что он способен упрятать в свою рукавицу байдару с охотниками, мимоходом проглотить кита, как мелкую рыбешку. Гравированные рисунки монументальны, свободно расположены на клыке, каждый из них поражает точностью силуэта. Много белого фона, воздуха и простора в этой работе. Ясная простота

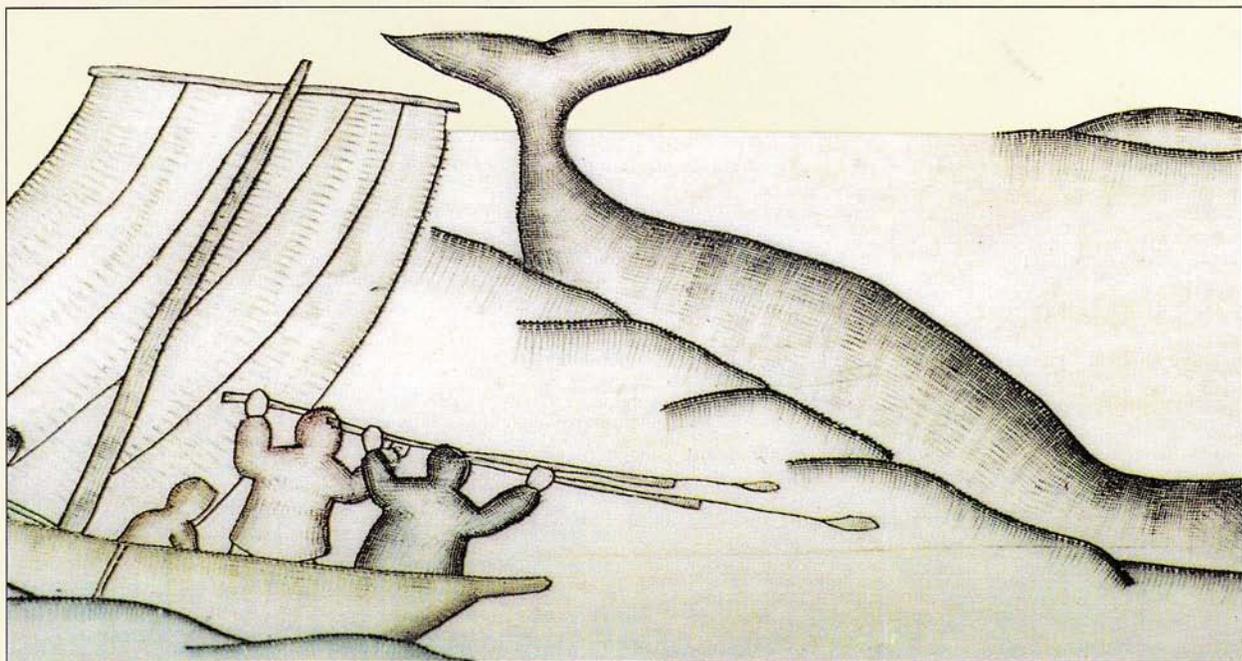
композиции, сдержанный колорит — все это создает образ моря, скованного льдами, и органично связывается с сюжетом сказки. Эпический характер работы присущ творчеству Эмкуль. В основе композиции рассказ Рыпхыргина. Уэлен, 1940 год¹.

¹ Записана И. П. Лавровым в 1940 году. Остальные публикуемые в книге сказки записаны И. Л. Карахан и Т. Б. Митлянской в 70–80-е годы со слов мастеров.

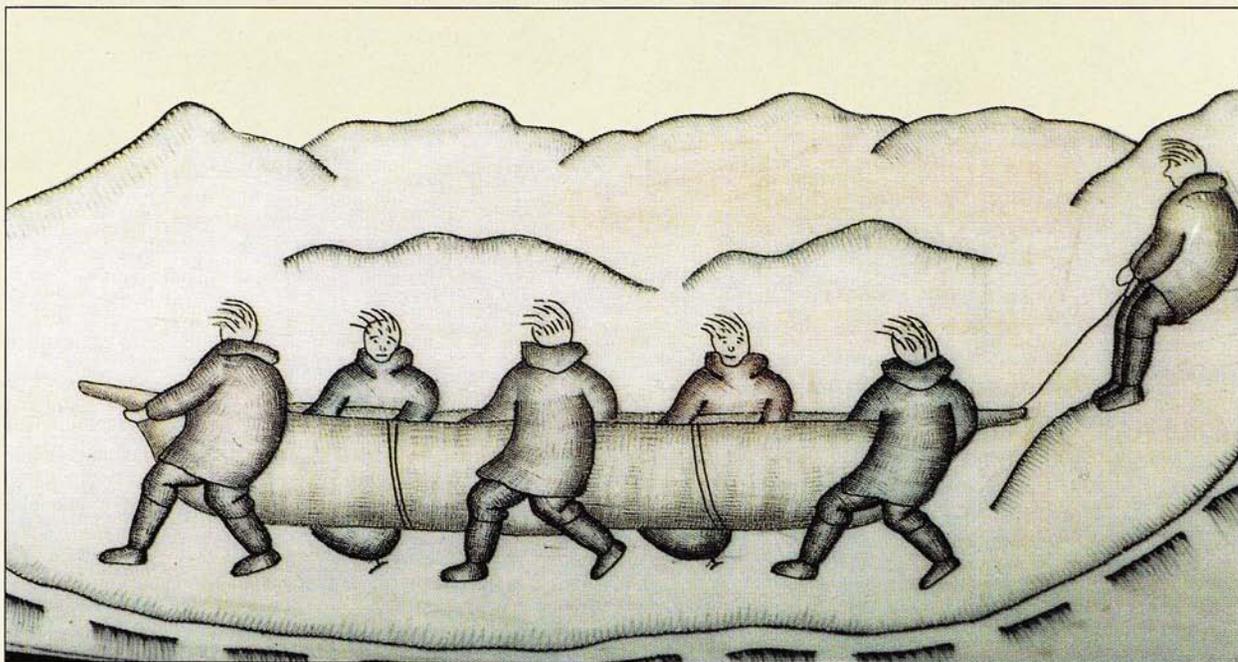
Великан Лолгылин. 1945.
Общий вид, фрагменты. Клык
моржа, цветная гравировка.
Уэлен. МНИ

Отправились охотники в море, загарпунили кита. И потащил он байдару в море. Далеко утащил.

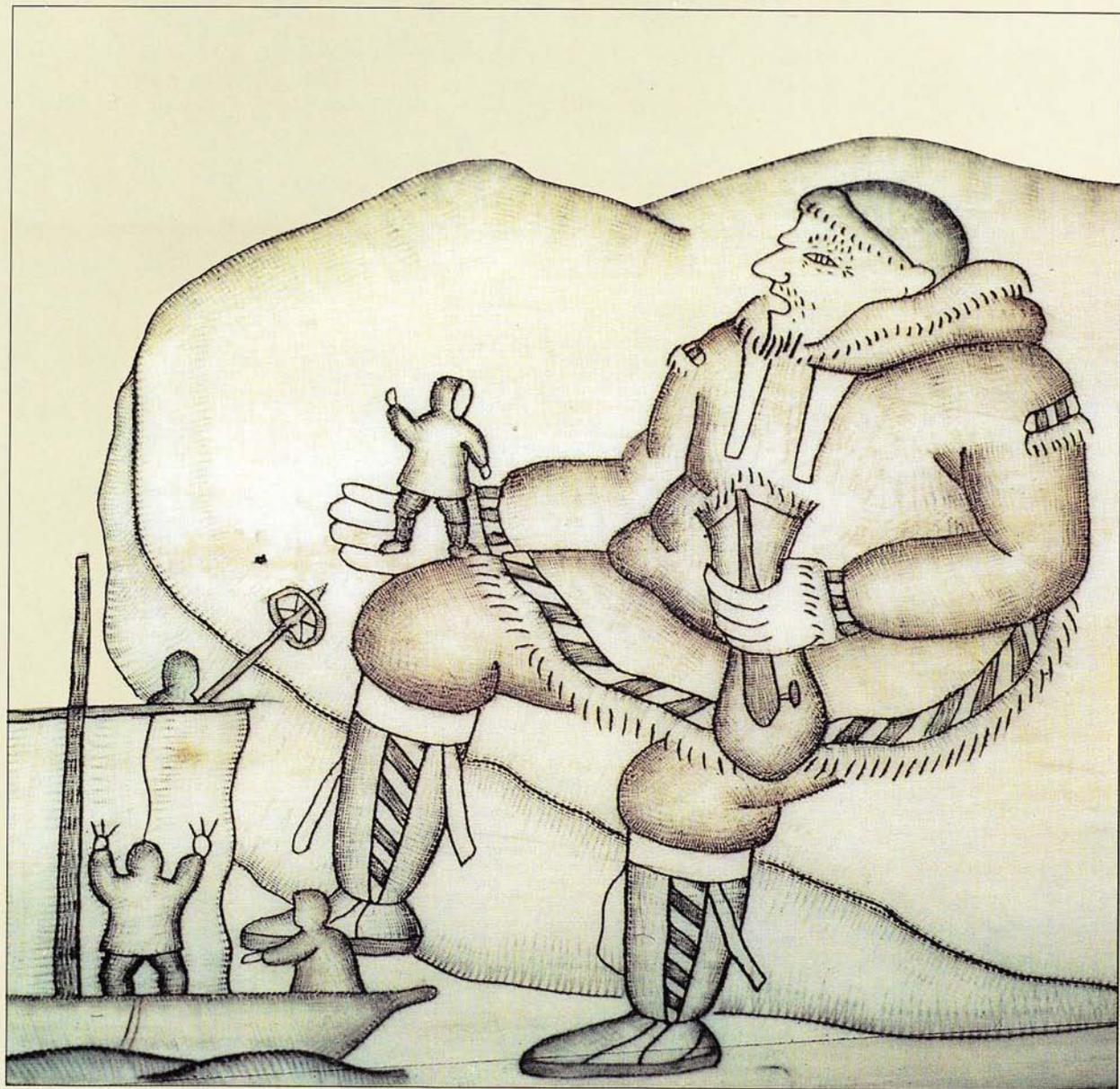

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Тут поднялся шторм. Увидели охотники большую льдину — вы-
садились на нее. Погнал ветер льдину неведомо куда.

Вера
Эмкуль
ВЕЛИКАН
ЛОЛГЫЛИН

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Вдруг землю увидели. Долго плыли вдоль берега — никак высадиться не могли.

Смотрят, человек сидит — ноги свесил до воды. Очень большой человек сидит, трубку курит. Подошла байдара близко к берегу, а великан ее не замечает. Охотники кричали, кричали, даже голос потеряли. Наконец услышал их великан, помог выбраться на берег.

Предложил великан охотникам переночевать в своей рукавице. Охотники втащили байдару в рукавицу, а сами забрались в напальчник.

Вера
Эмкуль
ВЕЛИКАН
ЛОЛГЫЛИН

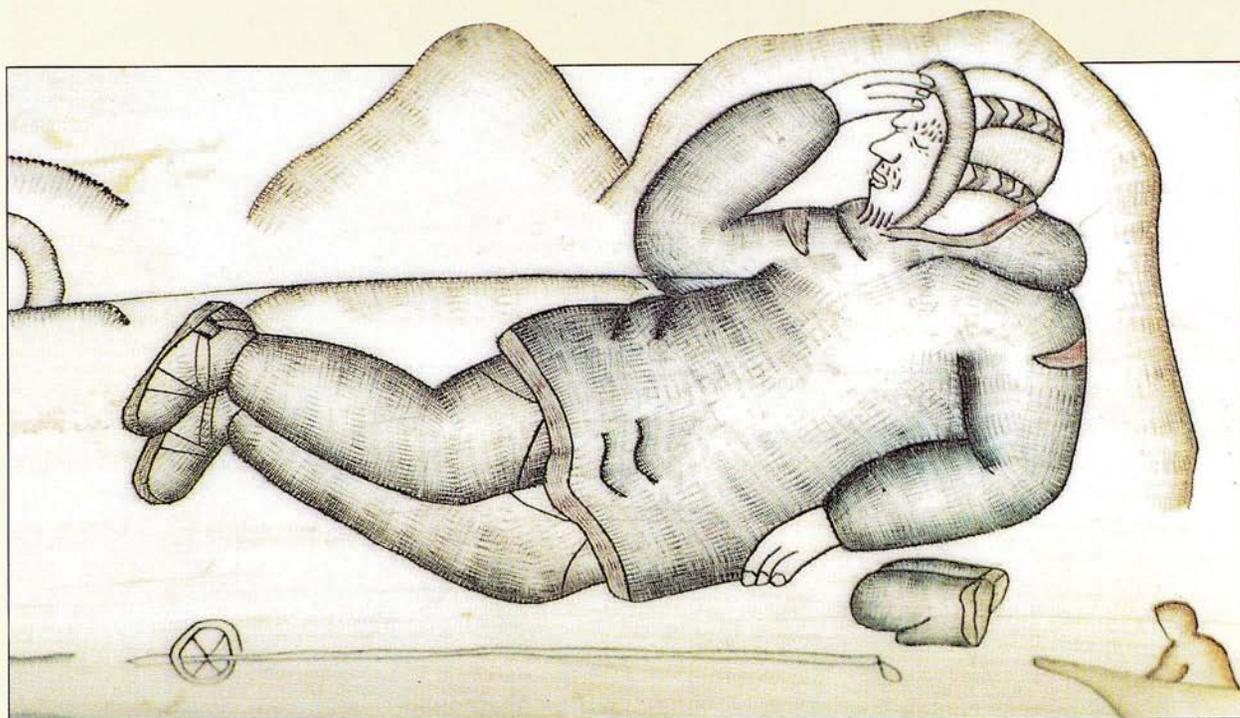
Долго спали.

Надоело великану ждать, говорит: „Домой отправляйтесь, я вас провожу“. Надел длинные торбаса и побрел по морю. По пути подхватывал великан китов и отправлял в рот.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

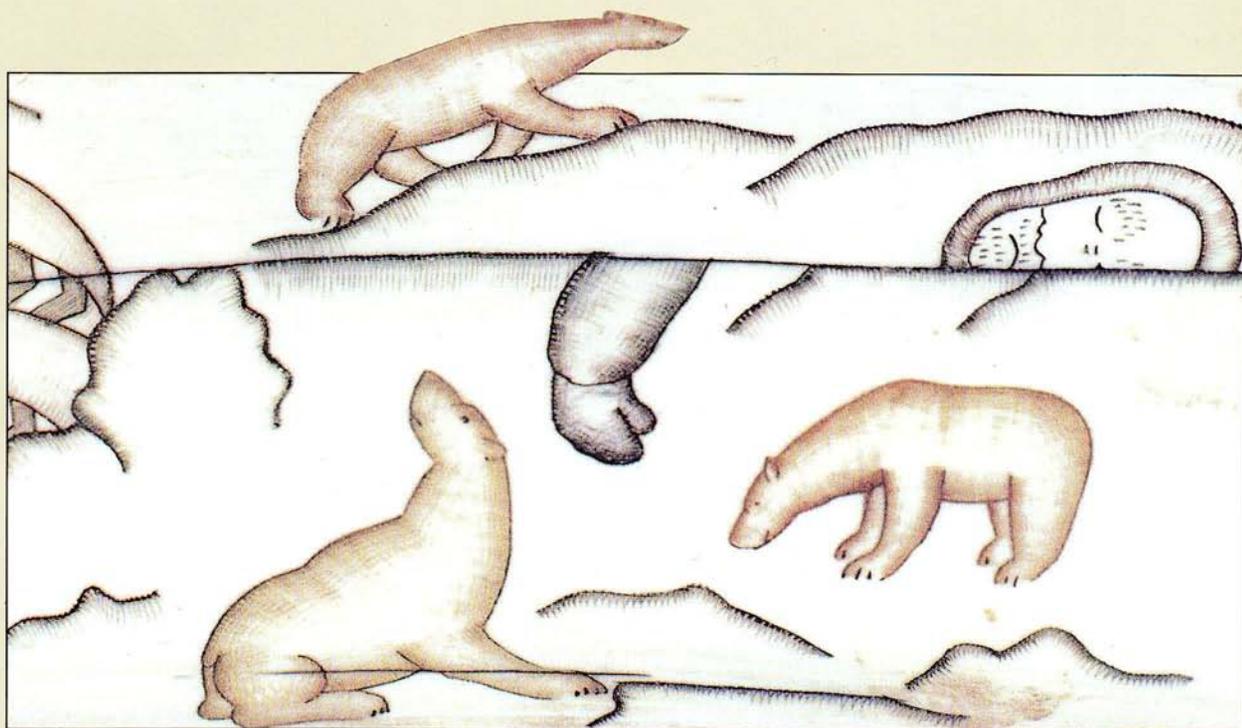
Так довел он охотников до родной земли. Вытряхнул он их из
рукавицы, шагнул к горе, сдвинул ее с места.
Лег отдыхать — устал, видно.

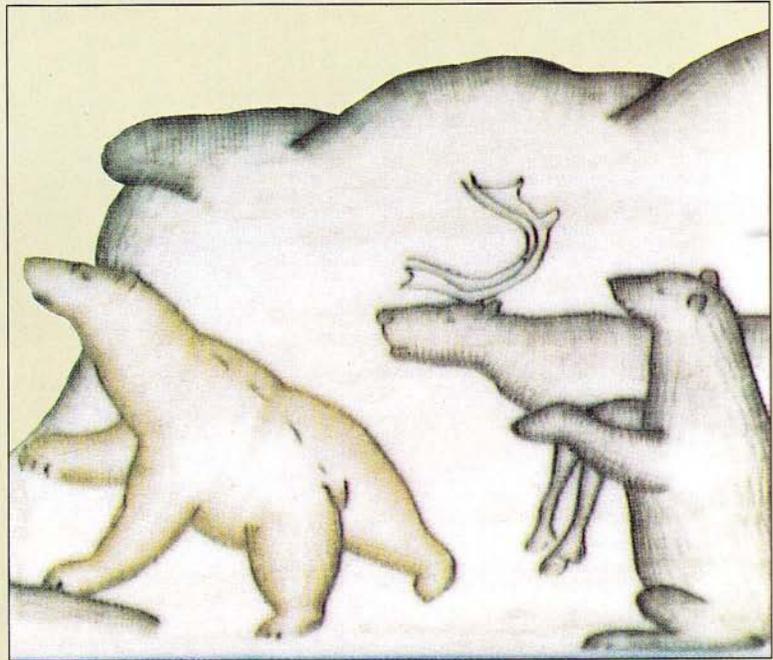
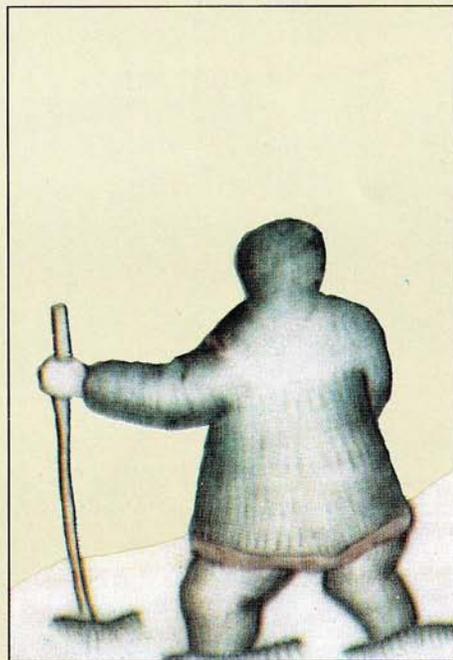
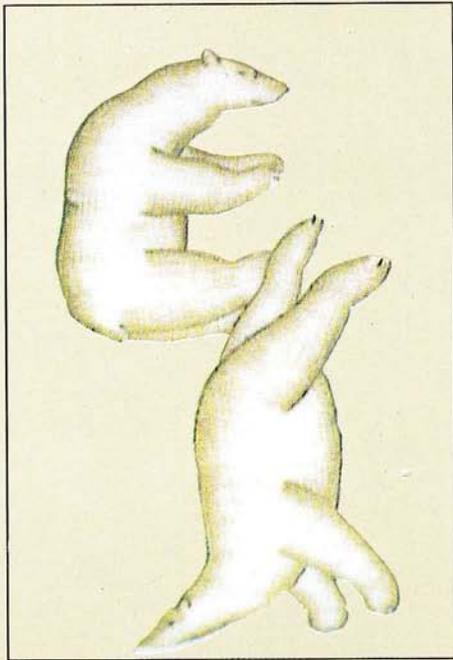
Вера
Эмкуль
ВЕЛИКАН
ЛОЛГЫЛИН

Всю зиму проспал великан. Занесло его снегом. Весной пришли звери, а любопытный медвежонок даже в ноздрю к великану забрался.

Чихнул великан, звери разлетелись в стороны. Проснулся великан, встал, побрел обратно на свою землю. Долго смотрели ему вслед удивленные звери.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

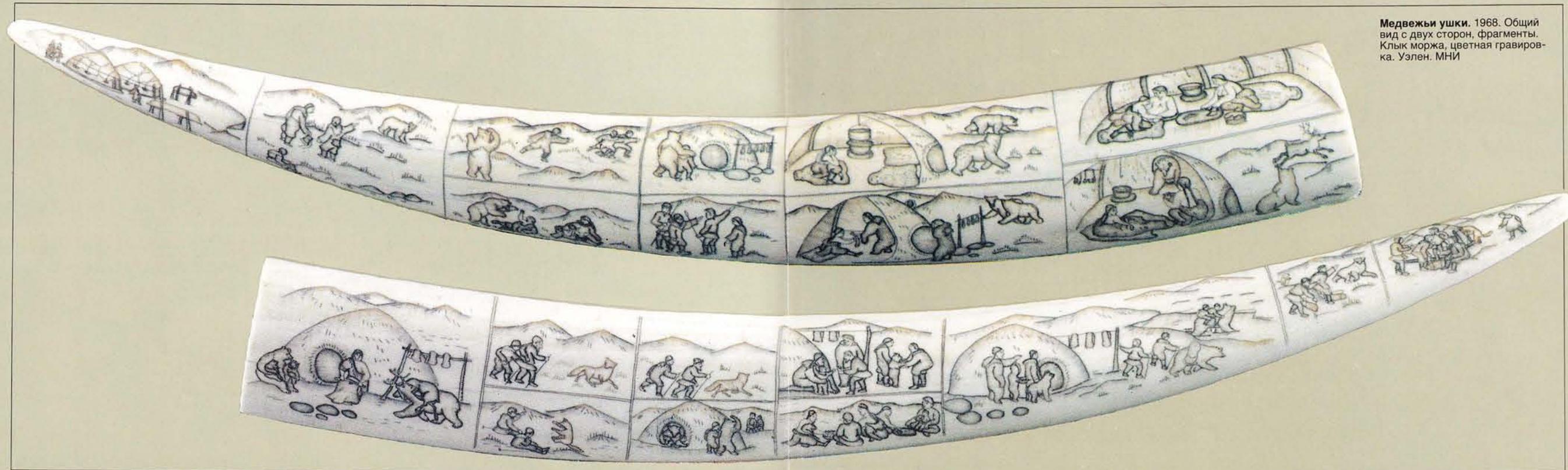

Вера
ЭМКУЛЬ

МЕДВЕЖЬИ УШКИ

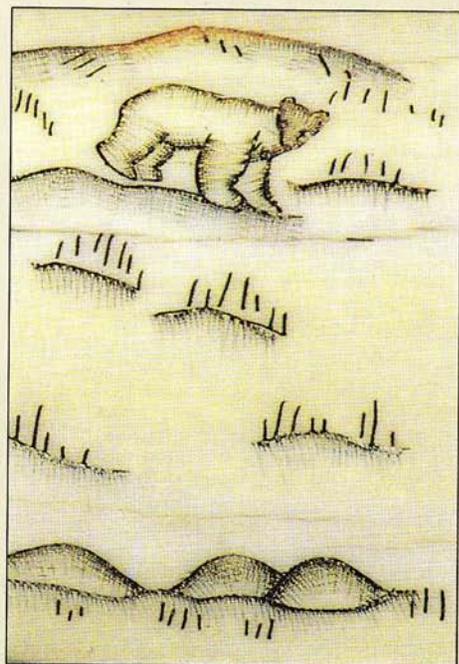
Перед нами один из сюжетов, в котором говорится о близости человека и медведя, об их перевоплощении. Эта работа Веры Эмкуль решена иначе, чем предыдущая. Сюжет здесь передается подробно, эпизоды сказки представляют как бы кадры, заключенные в рамку и последовательно раскрывающие действия героев. Поверхность клыка насыщена мелкими рисунками, каждый из которых поражает своей убедительностью. Ра-

боту отличает цельность колорита, основанного на сочетании приглушенных желто-коричневых тонов. От нее веет запахами осенней тундры. Мягкий колорит создает умиротворенный фон для спокойного повествования. Рассказала Вера Эмкуль, слышала от своего отца Аромке. Перевела с чукотского дочь Эмкуль — Лидия Теютиня. Уэлен, 1970 год.

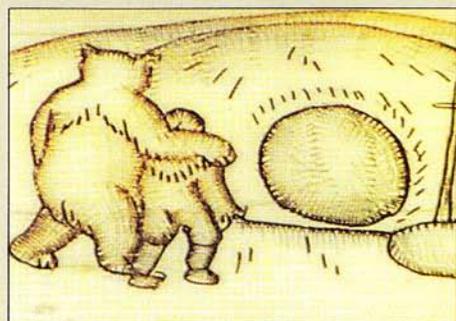
Медвежьи ушки. 1968. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

Пошли женщины за растениями в тундру. Далеко ушли. Стали выкапывать корешки, собирать растения. Увидели медведицу.

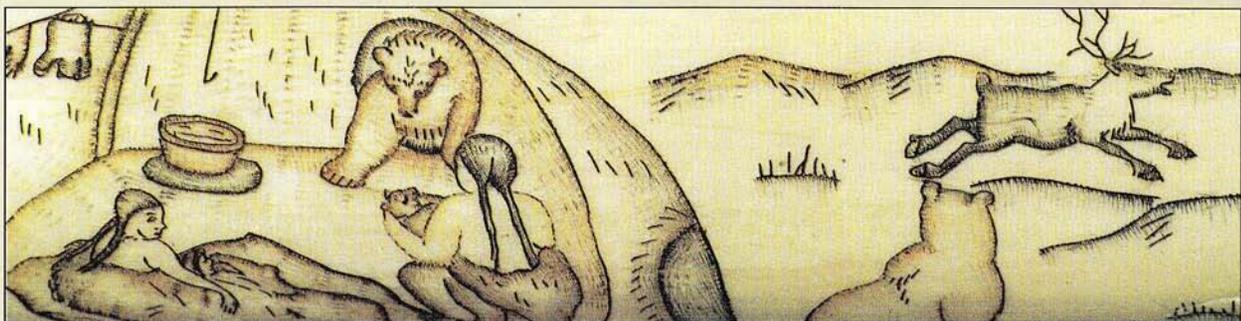
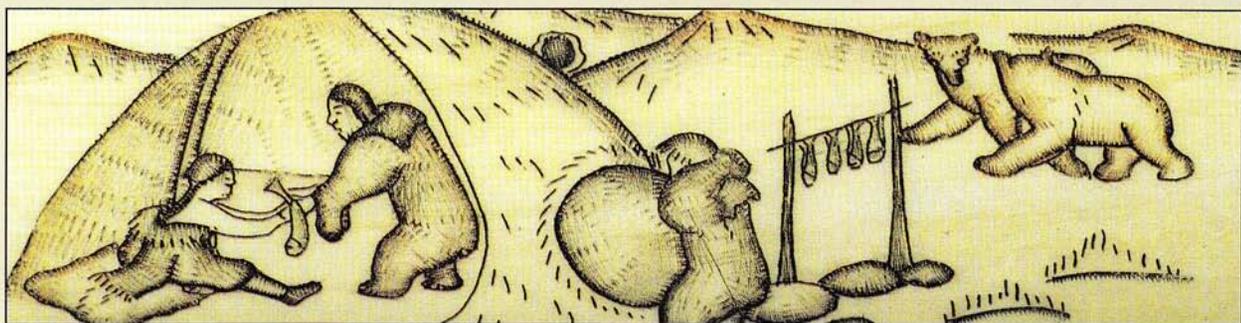
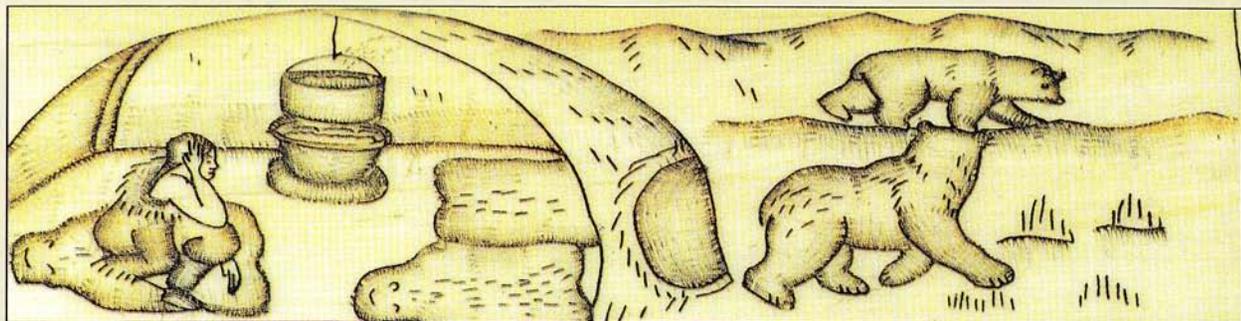

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Подошла к ним медведица, испугались женщины, побежали. Одна девушка не успела убежать. Медведица повела ее в берлогу-ярангу. Женщины прибежали домой, рассказали, как девушку увел медведь. Охотники пошли искать ее, но не нашли.

Вера
Эмкуль
**МЕДВЕЖЬИ
УШКИ**

Оставила медведица девушку в берлоге-яранге, а сама пошла за братом-медведем, привела его.
Стали они жить вместе. Женщины хозяйством занимаются, еду готовят. Муж-медведь на охоту ходит. Родился у них медвежонок, а потом сын с медвежьими ушками.
Живут дружно. Женщина шкуры выделывает, детей растит. Медведица во всем ей помогает. Муж-медведь охотится, семью кормит.

Вера
Эмкуль
**МЕДВЕЖЬИ
УШКИ**

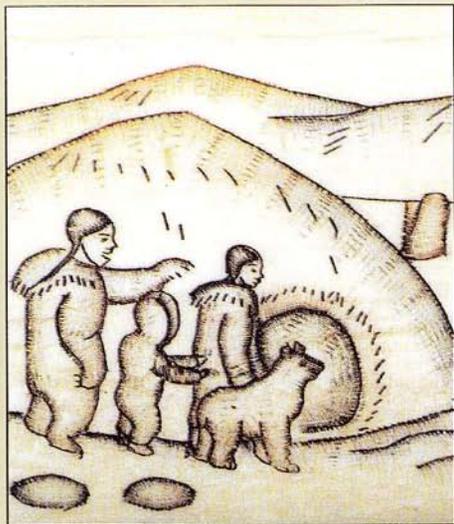
Пошли искать дочь старые родители. Найти не могут. Встретили лисичку, все ей рассказали. Она обещала помочь. Пошли за лисичкой старики, привела она их к берлоге-яранге. Дочь и муж-медведь встретили их.

Хорошо встретили медведи стариков, покормили. Повидали они дочь, внуков, погостили недолго и собрались домой. Медведь пошел их проводить, довез до дому.

Лисичка пошла с ними. Около поселка старики простились с медведем, взяли подарки и пошли домой. Рассказали всем, что видели. Лисичка осталась с ними жить.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

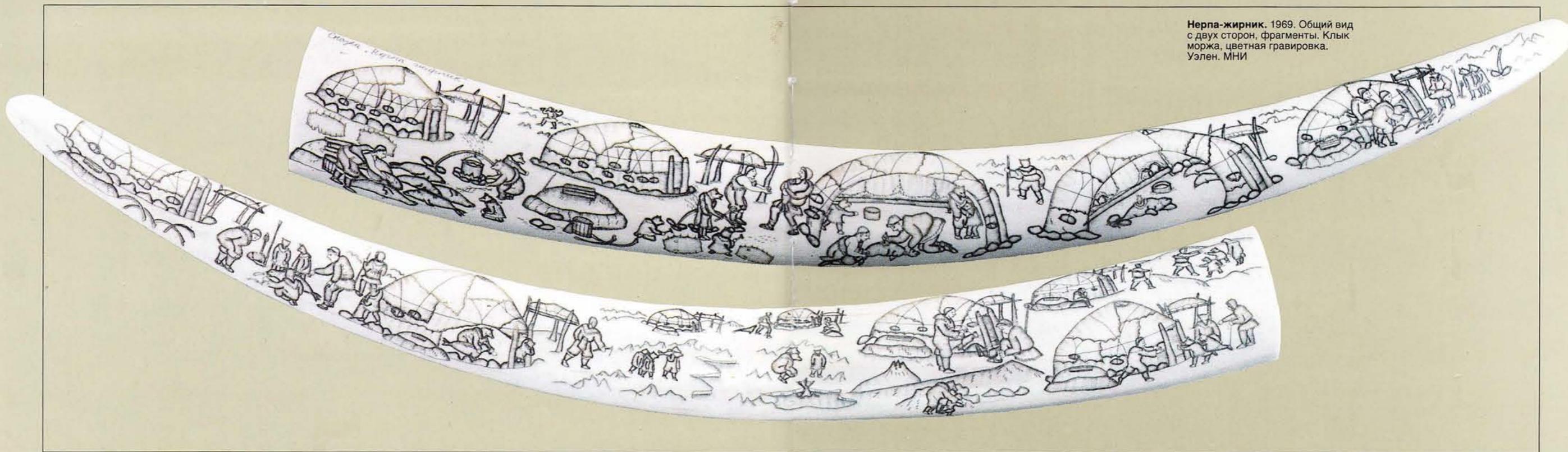
Вера
ЭМКУЛЬ

НЕРПА- ЖИРНИК

В гравировке на сюжет этой сказки снова другое решение.

Здесь крупный масштаб изображений, суровый колорит, в котором преобладает черный цвет. Рисунок Эмкуль приобретает в этой работе черты строгости. Здесь главное — контур изображений, выразительный и скупой, слегка обогащенный штриховкой. С большим мастерством ху-

дожница располагает изображения по горизонтальной форме клыка, точно находя соотношение рисунков и протоков фона — естественного цвета кости. Спокойные, строгие ритмы пронизывают эту многофигурную композицию. Рассказала Вера Эмкуль, слышала от своего отца Аромке. Перевела с чукотского дочь Эмкуль — Теютина. Уэлен, 1970 год.

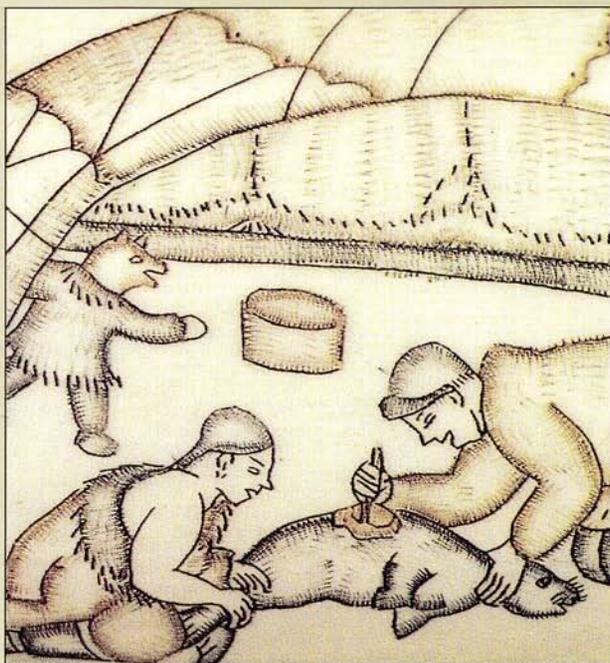
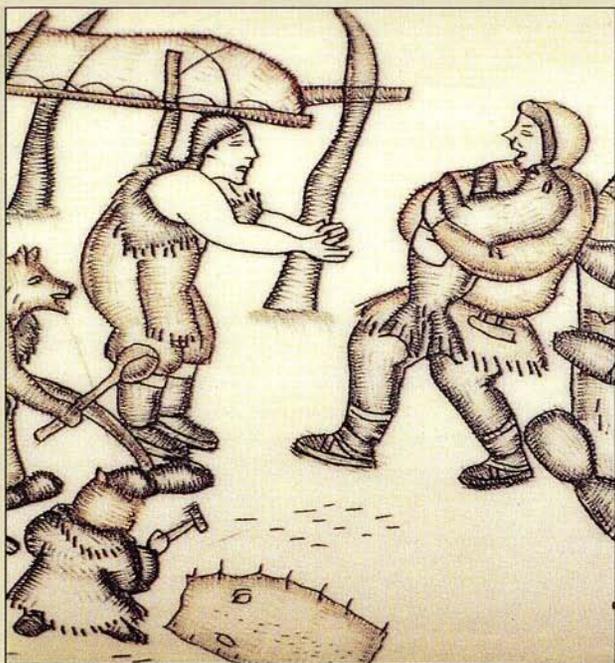
Нерпа-жирник. 1969. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

Жили береговые люди — старик со старухой. Детей у них не было. Муж очень хорошим охотником был, много нерпы приносил. Жили у них собаки, помогали людям по хозяйству.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Однажды старик пошел на охоту и увидел живую нерпу. Взял ее и принес домой. Внес в ярангу и сделал жирник — на спине у нерпы.

Вера
Эмкуль
НЕРПА-
ЖИРНИК

Днем тушили жирник, ночью опять зажигали. Однажды, когда старики заснули, нерпа-жирник попросила у собак поесть. Собаки пошли ловить рыбу. Наловили и накормили нерпу-жирник.

Назавтра старик пошел на охоту. Старуха отправилась собирать растения.

Когда все ушли, собаки пожалели нерпу-жирник и понесли к морю.

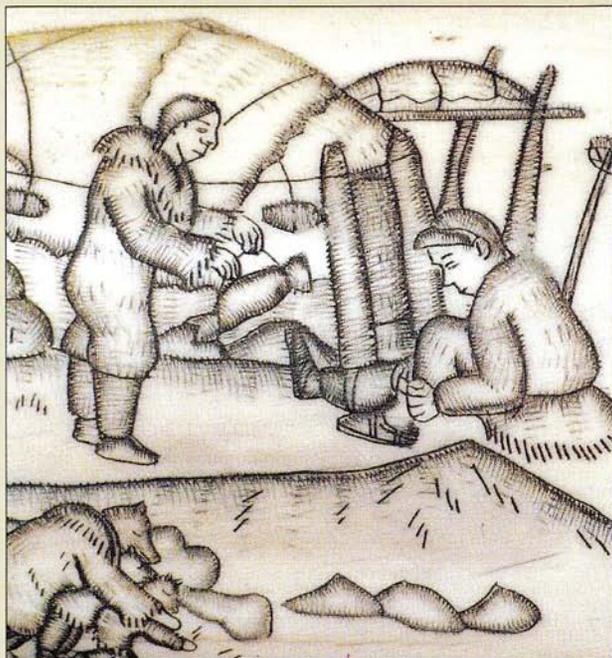

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Увидели полынью и пустили ее в воду. Потом испугались, что отпустили нерпу-жирник без ведома людей и ушли в тундру. Стали жить там, бродяжничать. Вернулись люди домой — нет ни нерпы, ни собак. Старики стали искать собак. Долго искали, наконец нашли, привели домой. Стали опять вместе жить. Всё.

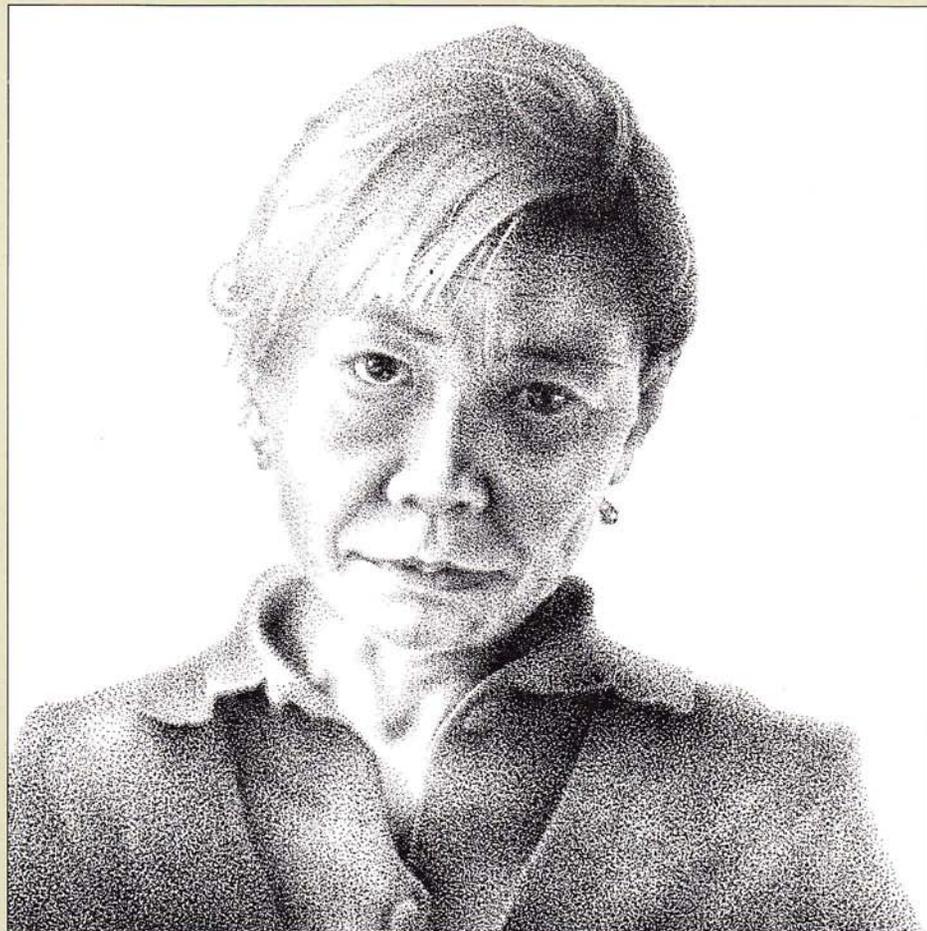

Вера
Эмкуль
НЕРПА-
ЖИРНИК

ГАЛИНА ТЫНАТВАЛЬ

Член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина

Галина Тынатваль — дочь Вуквутагина, известного резчика, заслуженного художника РСФСР, одного из основателей Уэленской мастерской, ее бессменного заведующего.

Тынатваль росла в семье, члены которой активно включились в новую жизнь, приняли непосредственное участие в организации косторезного промысла, проявили себя талантливыми мастерами.

Хальмо — брат отца Тынатваль, также резчик по кости, — один из первых пришел работать в Уэленскую мастерскую. Другой брат — Тегрынкеу был первым инструктором исполкома, по рассказу Туккая, — одним из основателей Уэленской мастерской.

Тынатваль родилась в 1930 году в Уэлене. Здесь она окончила семь классов. Училась вместе с Еленой Янку и Юрием Рытхэу — известным чукотским писателем. Уже в школе у Галины проявились способности к рисованию. Непосредственным учителем, конечно, был отец. Девочка любила

смотреть, как он работает. „Любила копаться в его рисунках для скульптур северных животных“, — говорит она. Несмотря на то, что отец был резчиком-скульптором, дочери нравилось рисовать, а не вырезать из кости. В 1945 году пятнадцатилетней девушкой Галина Тынатваль приходит в мастерскую. Здесь в это время работала гравером Эмкуль, у которой училась Галина Тынатваль.

В своих воспоминаниях о первых годах работы в Уэленской мастерской Тынатваль отмечает, что большое впечатление на нее производила работа двух мастеров-граверов — Ренвиля и Онно.

В творчестве этих мастеров, отличных рисовальщиков, четко прослеживалась графическая линия, любовь к контурному рисунку без подцветки, стремление реалистически точно передать изображения людей, животных, пейзаж.

Тынатваль особенно любила смотреть, как работает Ренвиль. Однако своим любимым гравером она считает Вуквола. Интерес к творчеству этого талантливого чукотского художника сохранился у нее на всю жизнь. Сейчас Тынатваль мечтает сделать гравировку, рассказывающую о жизни Вуквола. Она говорит об этом с трепетом и восхищением — настолько дорог для нее образ легендарного чукотского художника.

Вообще Тынатваль очень строго относится к своим работам. „Всегда я своими работами недовольна“, — говорит она.

Галина Тынатваль, как и многие чукотские и эскимосские женщины, прекрасная вышивальщица. Работая в Уэленской мастерской, наряду с гравировкой по кости, она создает сумки, очешники, искусно украшая их вышивкой подшейным волосом оленя, меховой мозаикой.

Многие годы Тынатваль являлась как бы руководителем коллектива граверов, состоящих в основном из мастеров, значительно моложе ее по возрасту. С ней советовались, ей представляли на суд первые самостоятельные работы. На ее глазах выросли в подлинных мастеров своего дела граверы Татьяна Печетегина, Галина Иргутегина, Елена Илькей, Лидия Теютина.

У Галины Тынатваль — большая семья, много детей, внуков. Ее дочь Люба Эйнес стала хорошим гравером, продолжая любимое дело матери.

Тынатваль вместе с другими мастерами неоднократно бывала в Москве и Ленинграде, знакомилась с коллекциями чукотской и эскимосской резной кости, побывала на выставке скульптуры эскимосов Канады.

Творческому почерку этой художницы присуща достоверность, реальная основа, любовное отношение к деталям. Лирический настрой, свойственный характеру Галины Тынатваль, отражается в колорите ее гравировок, в которых преобладают пастельные, слегка приглушенные тона. Искренняя вера в реальность происходящих событий находит отражение в ее творчестве.

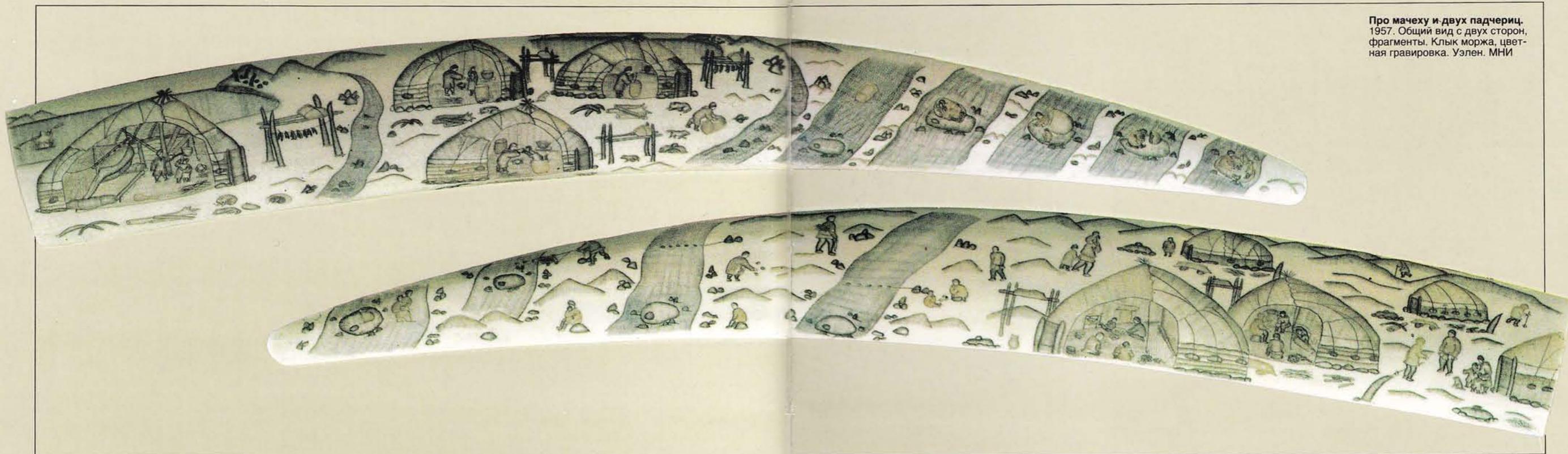
Удивительно было слышать от Галины Тынатваль, что до сих пор существует яма, где росли китенка, и что во время свидания женщины с китом был чудесный летний вечер, когда малиновый шар солнца только касается поверхности моря и поднимается снова. Личностное восприятие сюжета всегда свойственно этой художнице.

Галина
ТЫНАТВАЛЬ

ПРО МАЧЕХУ И ДВУХ ПАДЧЕРИЦ

Сюжет сказки — один из многих вариантов сказок про сирот, бытующих на Чукотском побережье. Этот сюжет выбрала художница не случайно: он определяет ее лирический настрой, любовь к детям. Галина Тынатваль ведет подробное изобразительное повествование. Используя синюю ленту реки, художница превращает ее в интересный компози-

ционный прием, который сообщает ритмичность всей гравировке. Мягкость, цельность колорита, построенного на сочетании приглушенных серо-коричневых тонов с сине-голубым, придают особую красоту этой работе. Рассказала Галина Тынатваль, слышала от мастера Аю.
Уэлен, 1969 год.

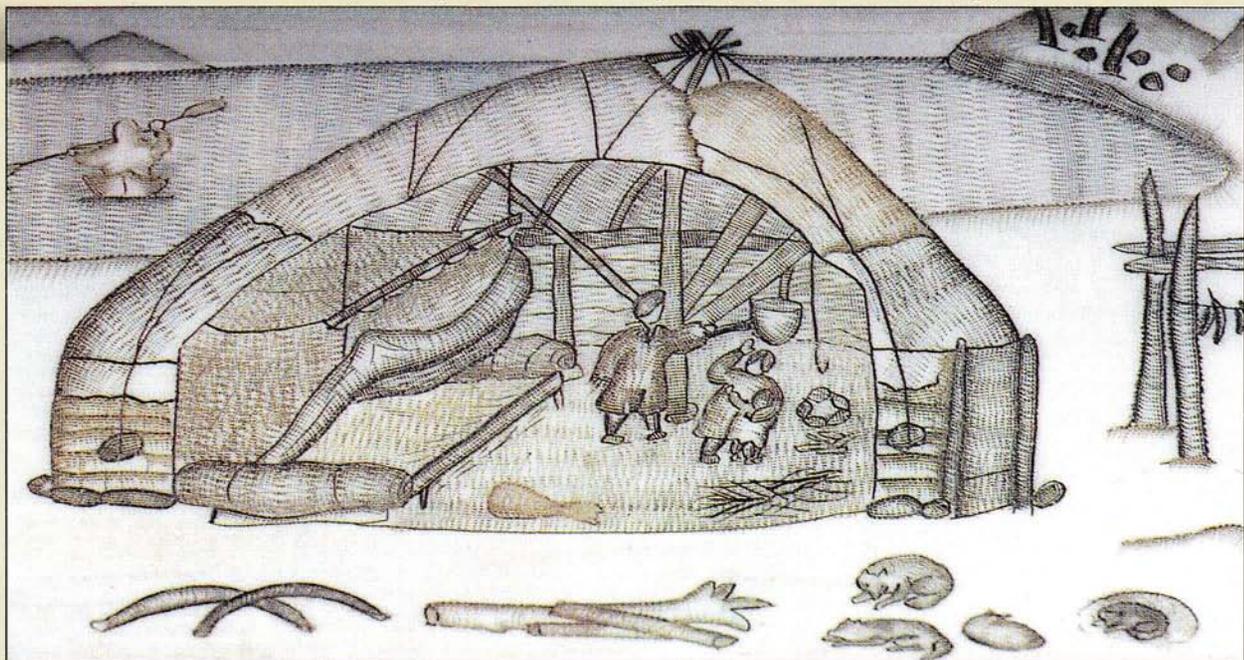
Про мачеху и двух падчериц.
1957. Общий вид с двух сторон,
фрагменты. Клык моржа, цветная
гравировка. Уэлен. МНИ

Ж

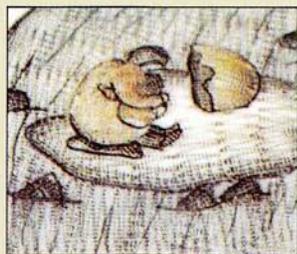
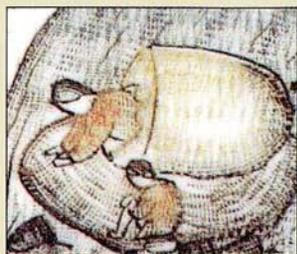
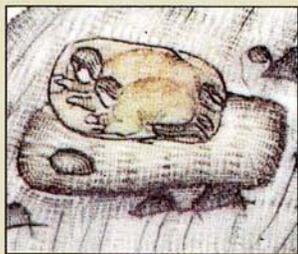
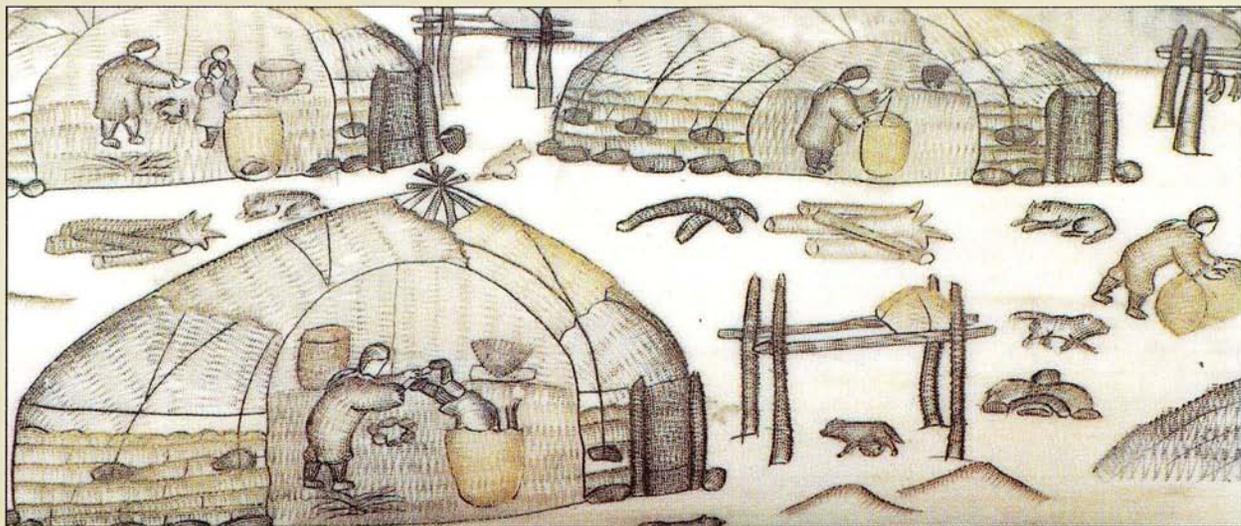
или береговые, охотник и две дочери. Жена умерла у охотника. Взял другую жену. Когда муж был дома, жена относилась к девочкам хорошо. Когда он уходил, обижала их.

Однажды отправился муж в море на байдаре. Сшила жена мешок из шкур, положила на дно кусочек китовой кожи и позвала девочек. Когда старшая девочка нагнулась, чтобы достать кусочек кожи, женщина толкнула ее в мешок, потом запихнула туда и младшую сестру. Зашила мешок и покатила к реке. Спустила мешок в реку, и поплыл он.

Долго плыл мешок по воде, наконец наткнулся на что-то твердое — к острову приплыл. Проковыряли девочки дырку в мешке, смотрят: они на острове, кругом вода. Вдруг слышат голос:

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

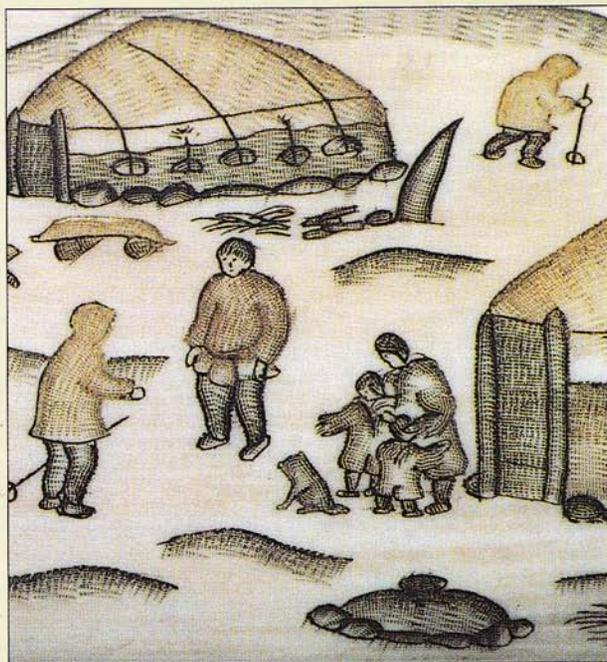
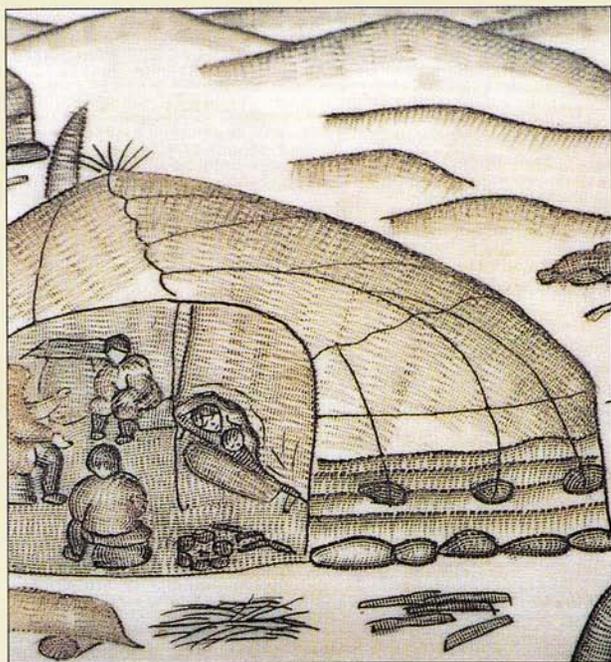

„Закройте глаза, не смотрите. Я вас понесу“. Девочки так и сделали и полетели куда-то. Прилетели. Голос говорит: „Откройте глаза“. Открыли девочки глаза, а они у самого берега. Выбрались сестренки из мешка. Перебрались на берег. Смотрят — сеть стоит. Девочки подошли к этому месту и нашли немного рыбы. Стали есть — голодные очень были. Пришел человек к берегу сети проверять. Увидел девочек, забрал к себе жить — детей у него не было. Стали жить вместе: он, жена и девочки. Хорошо живут.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Вернулся отец девочек домой и спрашивает: „Где дочери?“
Жена говорит: „Не знаю, ушли куда-то“. Ждал отец — не дождался. Пошел искать. Долго искал. Наконец пришел к яранге.
Нашел там девочек и мужа с женой.
Стал звать дочерей обратно. Они не пошли. Всё.

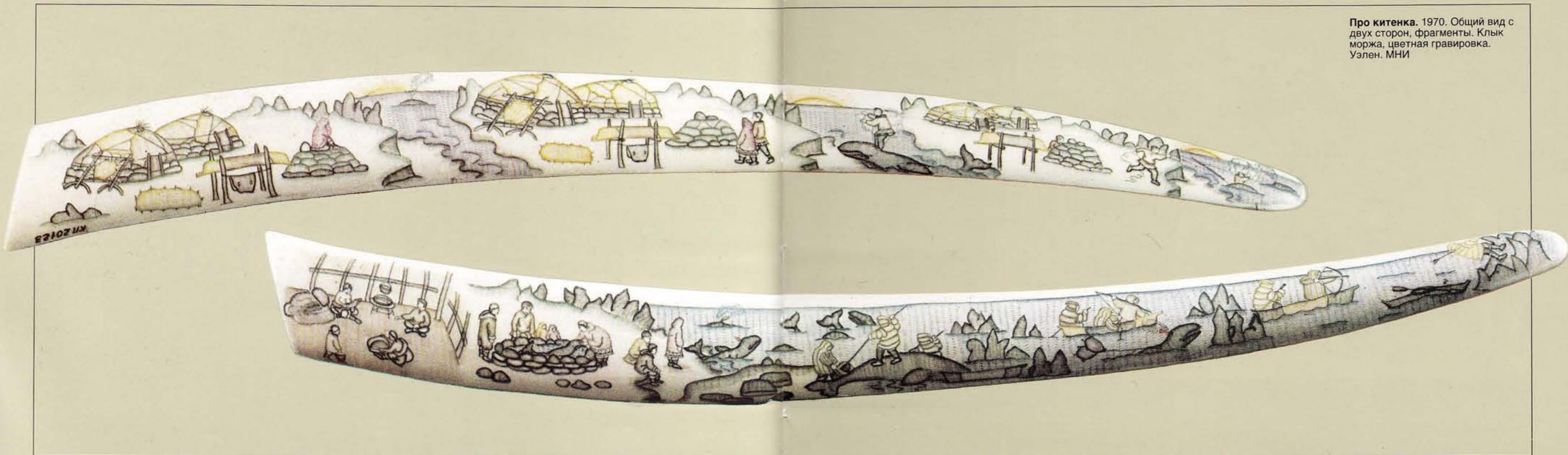
Галина
Тынатваль
ПРО МАЧЕХУ И ДВУХ
ПАДЧЕРИЦ

Галина
ТЫНАТВАЛЬ

ПРО КИТЕНКА

Галина Тынатваль ведет подробный рассказ в гравированных рисунках о встрече женщины с китом, рождении и воспитании китенка, о его гибели. Художница придает большое значение изображению пейзажа, создающего эмоциональный настрой этой гравированной композиции. Активную роль в образной передаче сюжета играет

цвет: радостные тона — в сценах встречи женщины с китом, мрачные — в сценах убийства кита охотниками из чужого селения. Сказывается искренняя вера художницы в происходящее, в близость человека и животного. Рассказала Галина Тынатваль, слышала от своего мужа Нутека. Уэлен, 1971 год.

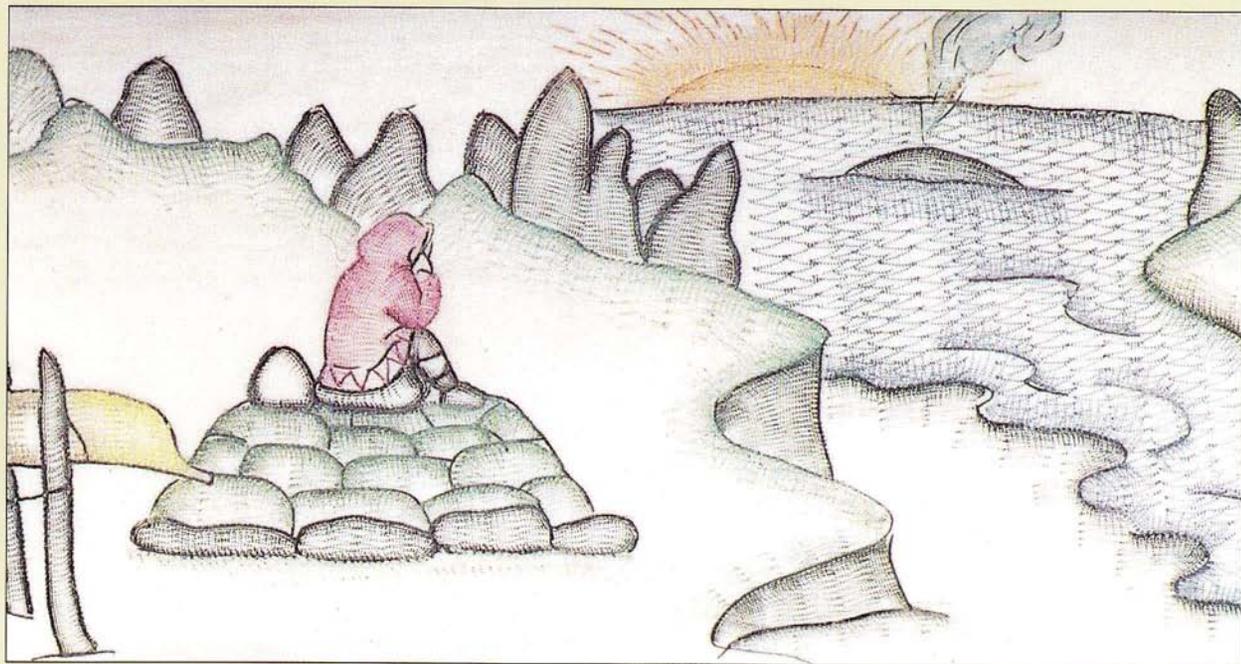

Про китенка. 1970. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

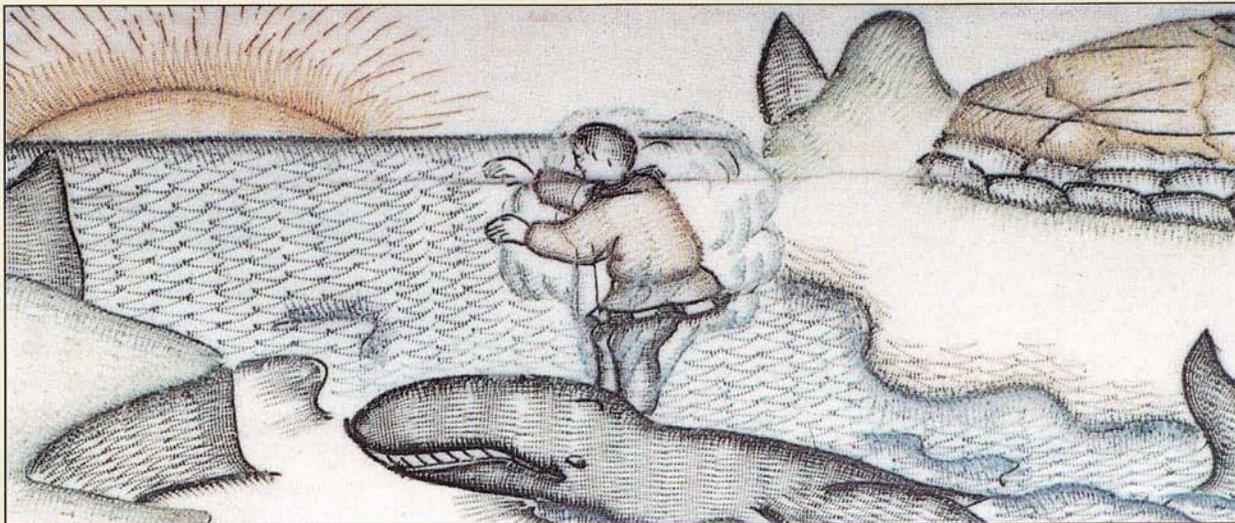
Ж

ил охотник, у него две жены было. У одной дети, а у другой, которая помоложе, детей не было. Муж все время с той, у которой дети. Другой скучно. Стала она выходить на берег моря белыми ночами. Однажды вышла, села на яму, где мясо хранят, и начала петь. Смотрит: на горизонте фонтанчик показался. Вот он все ближе и ближе к берегу.

Вдруг всплывает кит большой прямо перед ней. Из него выходит молодой мужчина, к ней идет. Она его приняла. И так было каждую ночь. Перестала женщина выходить из яранги днем, притворяясь больной, а выходила только по ночам.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Галина
Тынатваль
ПРО
КИТЕНКА

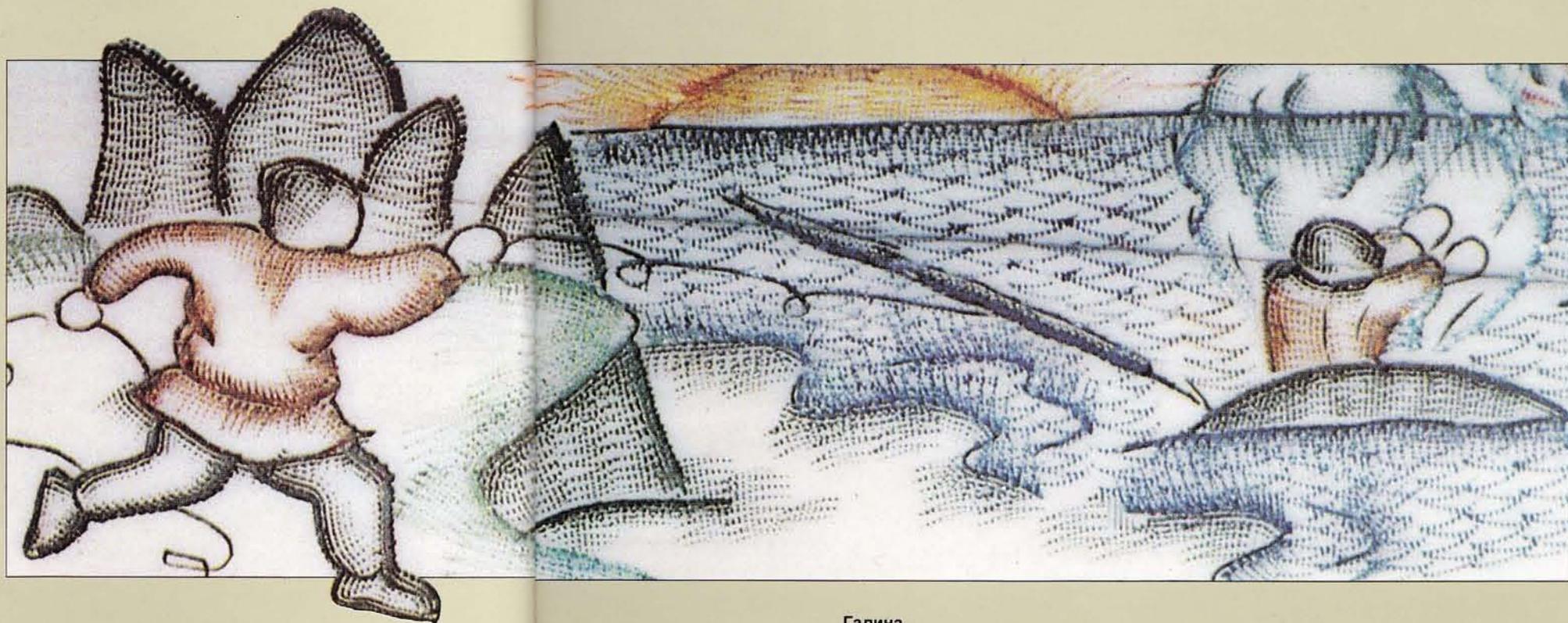
Муж стал подозревать ее. Подкараулил, когда она на свидание вышла. Смотрит: кит опять всплывает, выходит на берег, и они идут в ярангу. Только начала женщина угощать кита, он забеспокоился — что-то почувствовал.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

60

Побежал на берег, где оставил шкуру. Только успел войти в свою шкуру, муж загарпунил его. Кит уплыл раненый, кровавый фонтан пускал. Больше не приплывал.

Галина
Тынатваль
ПРО
КИТЕНКА

61

А женщина осталась беременной и родила китенка. Держали его в кожаном ведре с морской водой. Как подрастал, ему побольше ведерко делали. Когда невозможно стало держать его в яранге, на улице вырыли большую глубокую яму, щели жиром замазали, стены камнями обложили. Наполнили водой яму и пустили туда китенка — большой уже стал. Пожил он там немного — еще больше вырос. И решили его пустить в море. Прежде чем отпустить кита в море, на голове между дырами, откуда бьет фонтан, привязали красный лоскут из шкурки белька. Когда кит пускал фонтан, лоскуток тоже поднимался и был далеко виден.

Первое время китенок все не отплывал от берега, поблизости плавал. Приплывал к берегу, мать кормила его грудью, потом в море подкармливался.

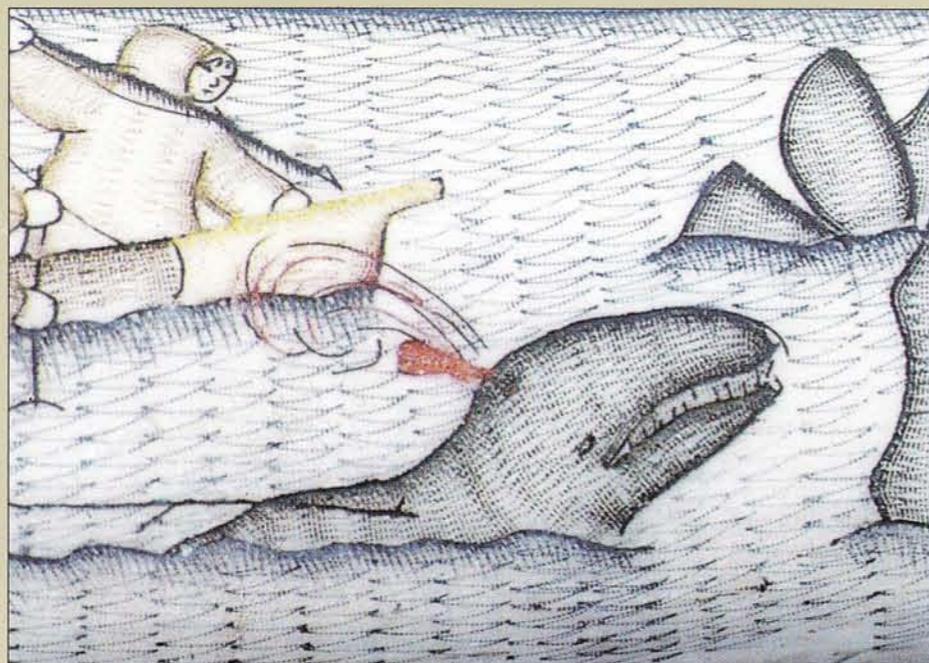
НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Однажды осенью уплыл он с китами, а весной приплыл с большим стадом. Стали нунагмитцы славиться тем, что добывают много китов: это китенок приводил их, играя с ними. А люди били китов и зимой были сыты. Соседи-мамрохпагмитцы начали завидовать им. Однажды они подстерегли китенка и убили. Куда-то в гости ездили нунагмитцы, смотрят, что-то разделяют мамрохпагмитцы. Спрашивают: „Что это там у вас?“ Они отвечают: „Белуху убили“. А сами загорделиво добычу, чтобы не видели, что кит убит.

Галина
Тынатваль
ПРО
КИТЕНКА

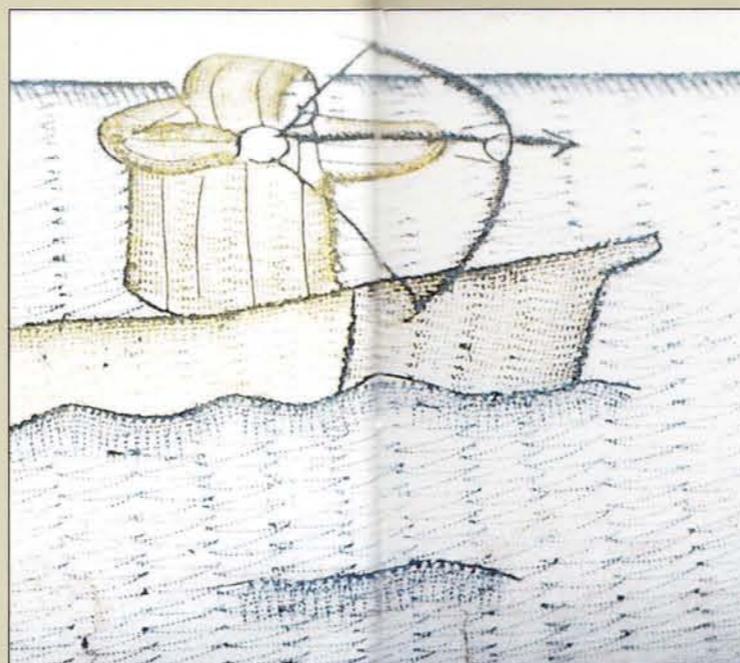
Ждут китенка весной нунагмитцы, а он не приплывает. Потом все равно узнали, что соседи убили кита. И решили им отомстить. Подкараулили самого сильного, храброго человека — на каяке охотился один — и начали его преследовать.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

64

Нагнали, когда он причалил к скалам и стал взбираться по ним. Выстрелили из лука и убили. С тех пор стали враждовать между собой соседи. До сих пор мамрохпагмитцев дразнят обманщиками. А в Нунаке, говорят, есть ров, где держали китенка. Всё.

Галина
Тынатваль
ПРО
КИТЕНКА

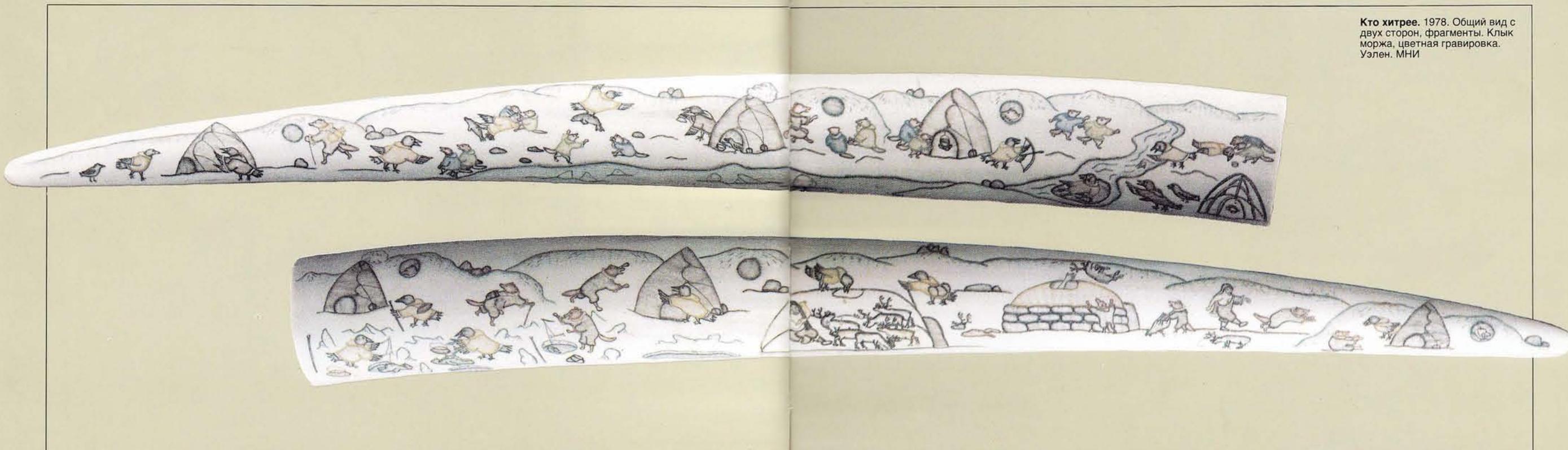
65

Галина
ТЫНАТВАЛЬ

КТО ХИТРЕЕ

Работа интересна прежде всего тем, что художница объединила в одну сказку несколько сюжетов, хранящихся в памяти народа. Это свидетельствует о свободном владении устным и изобразительным творчеством. Сюжеты трех сказок связаны действиями популярного в чукотском и эскимосском фольклоре героя — ворона, который выступает то в роли хитреца, обманщика, то сам становится жертвой обмана.

В соответствии с народными представлениями, животные — герои сказки — изображаются очеловеченными, действуют как люди. Мягкие пастельные тона, типичные для творчества Галины Тынатваль в целом, проявляются и в этой гравировке. Рассказала Галина Тынатваль, слышала от В. К. Итевтегиной. Уэлен, 1980 год.

Кто хитрее. 1978. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

Ж

ил ворон с воронихой и детьми, а рядом лиса жила с лисятами. Однажды нашли лисята на берегу нерпочку. Только хотели нести ее домой, ворон увидел, прибежал. Лисята сели на нерпочку, собой закрыли. Спрашивает ворон:

- Что это у вас?
- Так, бревнышко, — лисята отвечают.
- А разве у него есть голова и глазки?
- А это комель.
- У него и лапки есть?
- Есть.

Стал ворон просить лисят, чтобы почистили ему перышки. Ворон лег, и они стали чистить ему перья.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

А он схватил вдруг нерпochку и полетел. Закричали, заплакали лисята.

Принес ворон добычу домой, жена разделала нерпochку, наварила мяса. Наелись вороны, легли спать. Прибежали лисята домой, рассказали, как их ворон обманул.

Лиса говорит:

— Вот уснут сейчас они, вы съешьте мясо, а в котел положите земли.

Сделали так лисята. Съели все мясо, досыта наелись. Проснулись вороны, посмотрели, а мяса нет. Рассердился ворон, схватил лук и побежал мстить лисятам. Увидели они ворона, побежали в тундру. Догнал он лисят, а они ему кричат:

— Вот он, наш дедушка, давай мы тебе опять перышки почистим!

Обрадовался ворон, согласился, лег. Чистили, чистили ему лисята перья — ворон и заснул. Тогда разрисовали лисята ему лицо татуировкой, как у женщины, потом разбудили. Сказали, чтобы шел к реке воды попить. Подошел он к реке, наклонился и увидел свое отражение. Смотрел, смотрел, а на него из реки женщина глядит. Удивился ворон:

— Какая красавица! Почему я раньше ее не видел? — Подумал, что это невеста пришла.

Опять заглянул в воду, видит — женщина тоже смотрит на него.

— Она, кажется, влюбилась! Надо жениться на ней!

Прибежал ворон домой, говорит:

— Старуха, я хочу жениться!

— На ком? А как же я, дети? — спрашивает жена. А сама смеется — увидела, как лисята разрисовали ворона.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Дала она ему с собой свадебные подарки и полог от яранги. Отправился ворон жениться. Подошел к реке, бросил подарки в воду невесте, а сам завернулся в полог и поплыл.

Однажды зимой вышел ворон из яранги. Пошел на берег, стал ловить сайку. Вдруг услышал в воде плач. Что-то тяжелое попало на крючок. Потянул он удочку и вытащил чудище — все в тине, голова огромная, как на ребенке комбинезон с завязками. Развязал ворон завязки, набрал рыбы, а чудище опять бросил в море. Принес улов домой, всех накормил.

Думает лиса: „Как это он рыбу ловит? Пойду сама попробую“. Как только ворон заснул, взяла она удочку и пошла по следу к проруби. Опустила крючок в лунку и ждет, а рыба не попадает. Вдруг слышит плач. Вытащила удочку, а там огромная голова показалась. Испугалась лиса и убежала домой.

Галина
Тынатваль
КТО ХИТРЕЕ

Утром смотрит ворон — нет удочек. Рассердился, что лиса ему все портит, и пошел в тундру. Видит — большая землянка. Заглянул в дымоход, а внутри олени по кругу ходят, посреди женщина сидит, волосы расчесывает. Смотрит — маленький олень внизу проходит. Плюнул ворон на оленя, он и сдох. Женщина его выбросила. Ворон освежевал оленя и понес домой.

Однажды, когда ворон заснул, лиса по его следу пошла. Видит — огромная землянка. Взобралась на нее, смотрит в дымоход — сидит женщина, волосы расчесывает, а вокруг олени ходят. Когда самый большой проходил — плюнула лиса. Упал олень. Женщина и его выбросила. Лиса взвалила оленя на спину, а встать не может. Кричит: „Эй, хозяйка, помоги!“ Вышла женщина, сказала: „Вот кто моих оленей убивает!“ — И лису пинками прогнала.

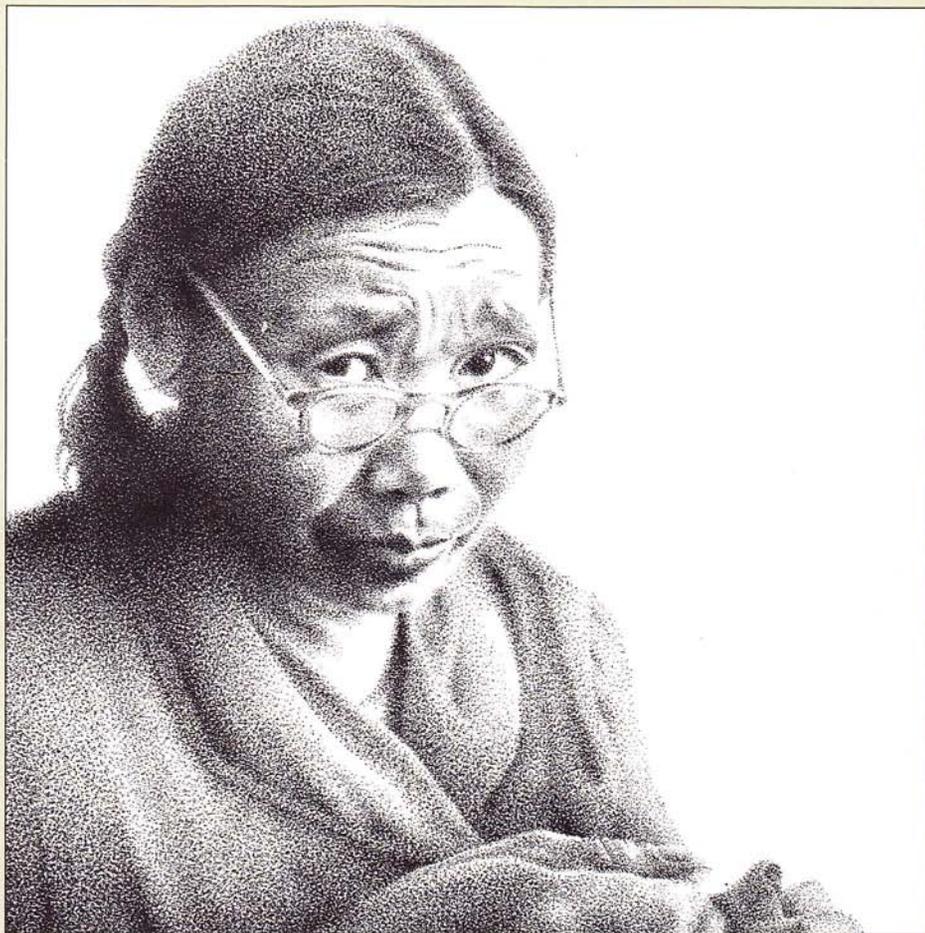
НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

**ЕЛЕНА
ЯНКУ**

Член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР

Елена Янку — яркая личность в коллективе граверов. Она пользуется особой любовью среди молодежи. Возможно, с молодежью ее роднит жизнерадостность, любознательность. Янку постоянно интересуется всем, чем живет сегодня современный чукотский поселок. Каждое жизненное наблюдение, привычное, традиционное, и новое, что появляется в меняющемся облике Севера, — все это подмечается Янку, получает своеобразную эмоциональную окраску. Но особенно любит Янку народные сказки. Она знает их множество и с удовольствием рассказывает молодежи, придумывая при этом новые события, детали, импровизируя. „Очень интересно она рассказывает, — вспоминает Тынатваль, — добавляет к сказкам смешные истории, фантазирует. Ее любят. В мастерской скучно без нее. Когда Янку в отпуске или болеет долго, все говорят: „Где Янку? Вот бы Янку пришла!“

Для Елены Янку характерно особое отношение к миру, в котором причудливо переплетаются реальность и фантазия.

Янку родилась в 1930 году в Инчоуне, маленьком поселке недалеко от Уэлена. Вскоре родители переехали в Уэлен, поставили ярангу на краю поселка. Тынатваль вспоминает, как они девочками играли вместе, а когда приезжали гости, то ходили по ярангам, допоздна слушали сказки. „Я засну, — говорит Тынатваль, — а она все слушает“.

Шестнадцатилетней девушкой Янку приходит в Уэленскую мастерскую. Там уже работает Вера Эмкуль. У нее и учится молодая художница. Муж Янку — Эйгук работал в 30-е годы гравером по кости в Уэленской мастерской. В течение долгих лет совместной жизни он был постоянным советчиком и наставником Янку.

Необычный талант Елены Янку, ее блестящее мастерство рисунка ярко проявляются почти в каждой работе. Интересен и творческий процесс, типичный для этой художницы. Каждая новая композиция складывается в ее голове, проникает в душу и сразу без предварительных набросков получает изобразительное претворение в гравировке. „Сразу делает, быстро, никогда не переделывает, рассуждает редко“, — говорит о ней Тынатваль.

В памяти Елены Янку хранится множество сказок. В гравированных рисунках они окрашены яркой фантазией художницы, сказочные персонажи полны чувства доброго юмора, присущего творческому почерку Янку. Художнице свойственно особое чувство меры в сочетании рисунка и фона, в соразмерности изображений и клыка. Выразительный контур каждого рисунка помогает создавать живые, полные непосредственности образы.

Племянница Янку — Наташа Гоном тоже пошла по ее стопам, работает гравером в Уэленской мастерской, уже создает самостоятельные творческие работы.

Елена Янку к тому же и искусная вышивальщица. Еще в детстве она помогала матери шить одежду, украшать ее вышивкой подшейным волосом оленя. И теперь она шьет быстро, чисто и изящно.

Всю жизнь Елена Янку безвыездно живет в Уэлене, не уставая смотреть на любимые ею море, сопки, тундру.

У Янку выразительное, словно вычеканенное из бронзы лицо, большие печальные и вместе с тем лукавые глаза. Не случайно этот образ привлек внимание писателей и художников. Ленинградский художник Юрий Яковлев в своей книге „Какомей“ поместил написанный им маслом портрет Янку. Писатель Борис Василевский, который несколько лет прожил в Уэлене, работая учителем в школе, посвятил Елене Янку один из своих маленьких рассказов „Цвет и линия Севера“. В нем он говорит о близости Янку к суровой природе, неиссякаемом стремлении отображать ее в своих многочисленных работах.

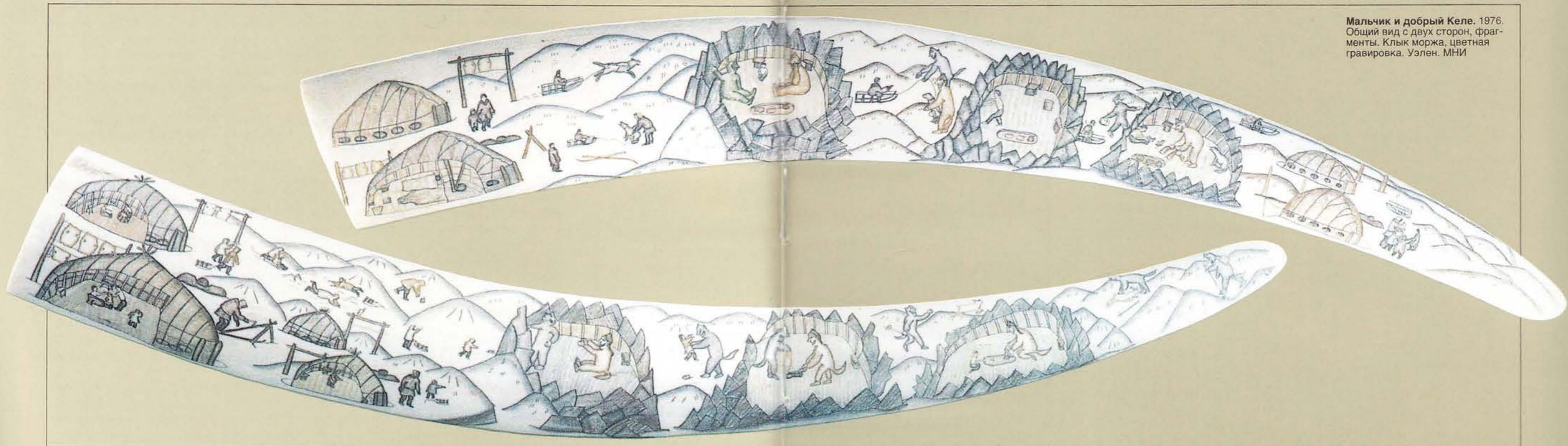
Всемирно известный художник и общественный деятель Рокуэлл Кент, которому преподнесли в день восьмидесятилетия работу Елены Янку, написал ей письмо, в котором выразил глубокое восхищение искусством чукотской художницы.

Елена
Янку

МАЛЬЧИК И ДОБРЫЙ КЕЛЕ

Елена Янку любит изображать фантастических духов Келе, все они у нее добрые. Посмотрите, с какой искренностью и убедительностью передан Келе в рисунках Янку! Каждое движение Келе полно наивной выразительности, передает его эмоциональное состояние. В этой работе выделяется по своей красоте изображение пещеры, в которой живет Келе. Мягкий цвет, узорные

очертания привлекают художницу, и, повторяя это изображение несколько раз, она придает своей композиции музыкальный ритм. Уже в этой ранней работе Янку отразились присущие ей фантазия и доброе отношение к героям своих изображительных повествований. Рассказала Елена Янку. Перевела с чукотского Галина Тынатваль. Уэлен, 1976 год.

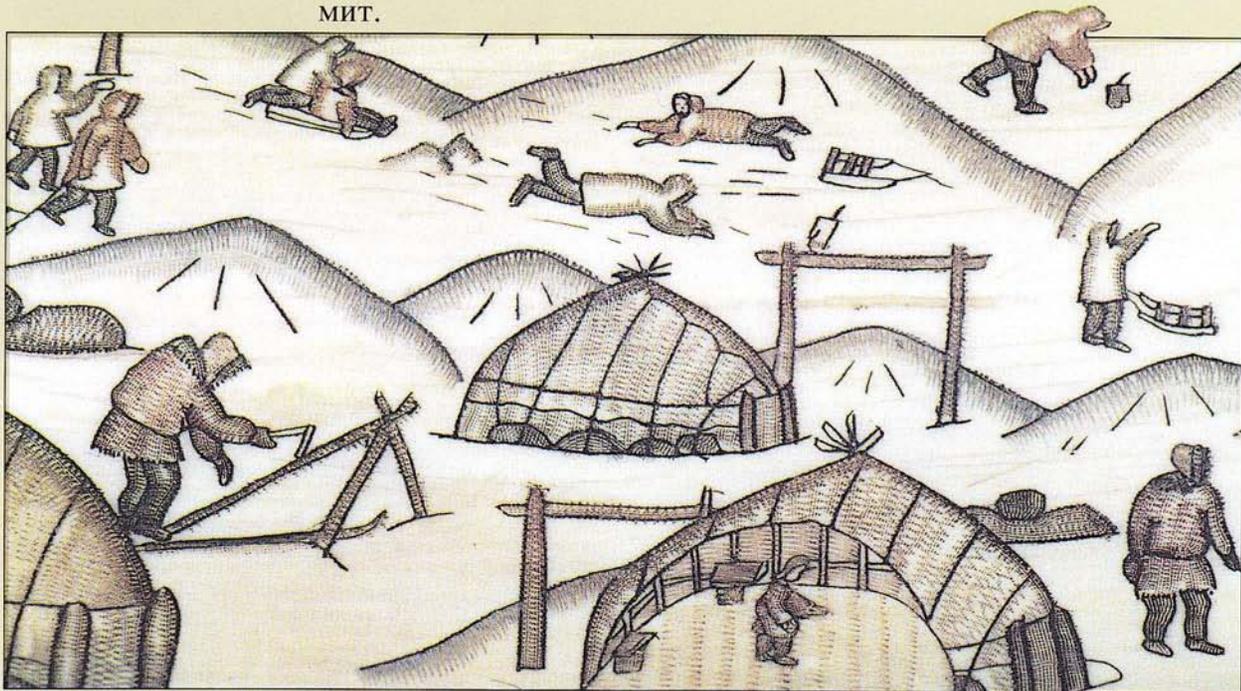

Мальчик и добрый Келе. 1976.
Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

Ж

или в селении два мальчика. Они очень любили кататься на саночках. Однажды, пока катались с горки, один из них выронил рукавичку, и понесло ее ветром. Побежал мальчик за рукавичкой, только догонит ее, а она катится все дальше и дальше. Мальчик остановится — и рукавичка остановится. Мальчик побежит — и рукавичка катится дальше.

Не заметил мальчик, как ушел далеко от родного селения. Уже сопки близко, а там пещера, где жили Келе — муж с женой. Увидели они мальчика, обрадовались. Вышел из пещеры Келе, схватил мальчика и притащил к себе. Стали жить вместе. Келе охотится, оленей приносит. Жена дома еду варит, мальчика кормит.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Родители все искали мальчика и не могли найти. Собрали они шаманов со всего поселка, чтобы узнать, где их сын, но и это не помогло.

Жили в этом селении бабушка с внучкой. Однажды девочка сказала, что все ищут мальчика неправильно, а она могла бы его найти. Бабушка рассказала об этом родителям мальчика. Они стали уговаривать девочку показать, где находится их сын, бить в ярар и просить духов, но она отказывалась. Потом девочка велела отцу мальчика сделать из льда саночки, привязать к ним старую белую собаку на длинном ремне, а после ее и собаку убить. Ярар она просила не убирать, пока не вернется. Отец мальчика не соглашался убивать девочку, но она объяснила, что останется жива — так нужно на время.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Отец мальчика сделал все, как она сказала: смастерил саночки из льда, привязал к ним за длинный ремень старую белую собаку, потом убил ее и девочку.

Был вечер, отец ушел спать. Через некоторое время он услышал скрип полозьев удаляющейся нарты и пение. Это девочка поехала в сторону пещеры, где был мальчик.

Жена Келе говорит: „К нам приехали гости“. Вышли Келе из пещеры, увидели девочку. Очень понравилась им собака и ремень. Келе начал хвалить ремень, а жена его — собаку.

Келе поняли, что приехали за мальчиком и согласились поменять его на ремень и собаку. Мальчик быстро оделся, сел на саночки. Девочка запела, и под звуки песни они поехали домой. Въехали прямо в ярангу отца. Родители обрадовались. Дети были ровесниками, росли вместе, дружили, потом поженились.

Елена
Янку
**МАЛЬЧИК
И ДОБРЫЙ
КЕЛЕ**

Елена
Янку

ХИТРЫЙ ВОРОН

В работе на сюжет этой сказки проявляется тонкое чувство цвета, присущее художнице. Удивительно красив колорит, построенный на строгом сочетании серо-синих тонов с черным. Крупный масштаб изображений, выверенность каждого силуэта, четкое соотношение рисунков с фоном — естественным цветом кости — все свидетельствует о мастерстве Янку-рисовальщицы. Образ ворона, обманщика и плута, перехитрившего оленеводов, передан Янку со свойственным ей чувством юмора. Рассказала Елена Янку. Перевела с чукотского Галина Тынатваль. Уэлен, 1977 год.

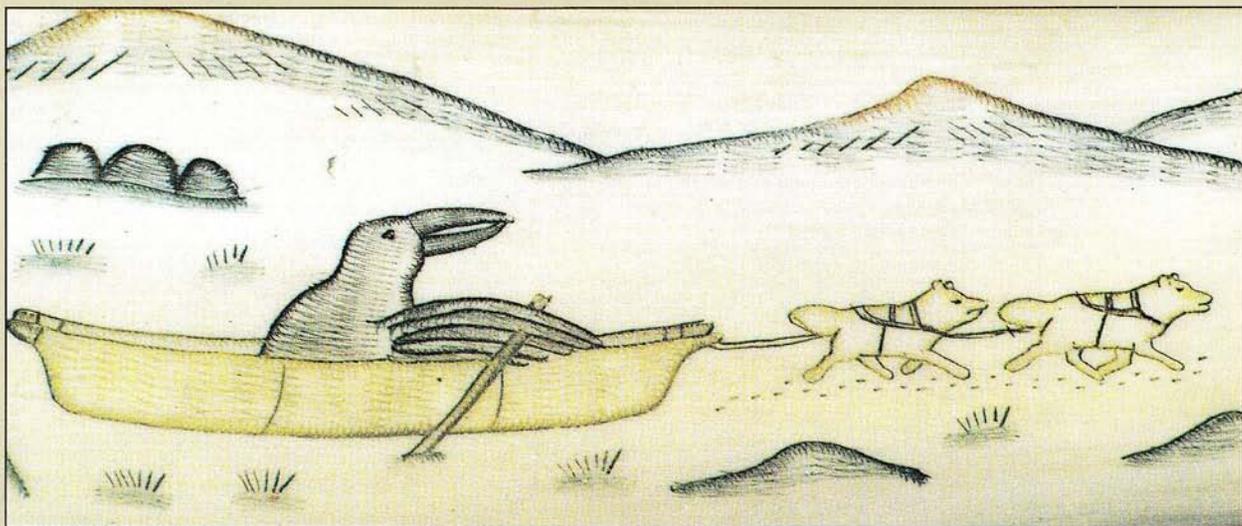
Хитрый ворон. 1977. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

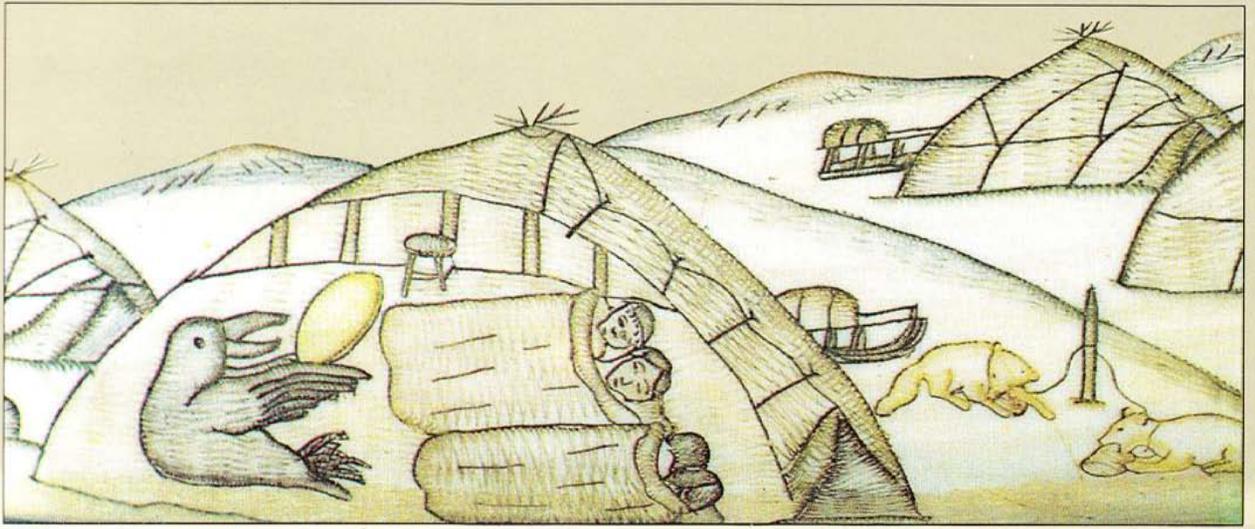
Жил ворон со своей женой и вороненком. Однажды ворон говорит: „Сейчас поеду в тундру к оленеводам“. Принес старую байдару, починил ее и стал звать зверей в упряжку. Прибежали два медведя, два волка, два зайца и два песца. Поймал двух песцов, запряг, а остальных разогнал на все стороны: они, мол, слабые.

Поехал ворон к оленеводам. Увидели его оленеводы, говорят: „Смотрите, смотрите, ворон едет!“ и смеются над ним. Говорят между собой, что вечером нужно попросить его шаманить, а утром подшутить над ним: нагрузить много всего в байдару и посмотреть, смогут ли песцы сдвинуть ее.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

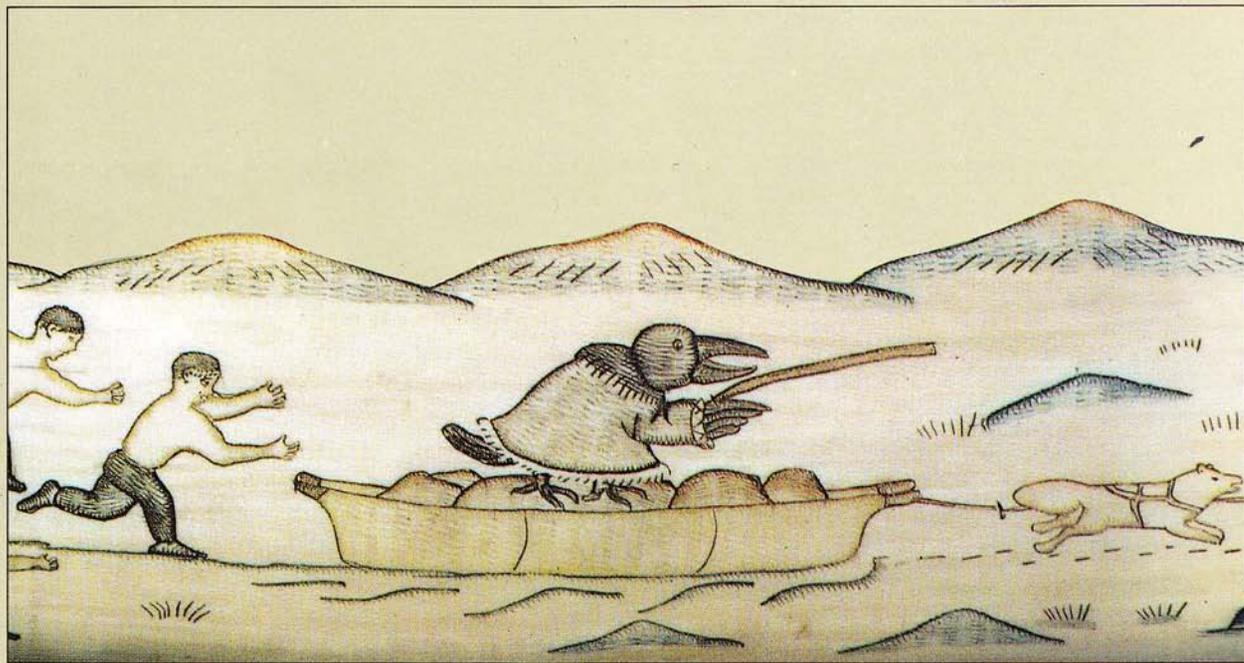

Вот приехал ворон. Встретили его оленеводы хорошо, а вечером попросили побить в бубен. Наутро ворон говорит: „Аттау, поеду“.

Запрягли опять его песцов. Нагрузили ему вместо подарков полную байдару мяса, шкур, одежды. Начали даже стягивать с себя кухлянки, думали: два песца не потянут такой груз, и они посмеются над вороном. А ворон делает вид, что не может сдвинуть свою байдару.

Потом ворон незаметно шепнул своим песцам, чтобы они сразу трогались. Снял остол, крикнул песцам, и они быстро поехали. Люди кричат ворону вслед, гонятся за ним, а он себе едет и покрикивает на песцов.

Поднялась пурга, вернулись люди. А ворон приехал домой, все привез, и зажили они хорошо. А люди остались без одежды.

Елена
Янку
**ХИТРЫЙ
ВОРОН**

Елена
ЯНКУ

ПОХИЩЕНИЕ ОХОТНИКА ОРЛОМ

В гравировке на сюжет этой сказки преобладает графический подход. Здесь особенно четко видно, что художнице свойственно большое чувство меры в сочетании рисунка и белого фона. Точный, безошибочный рисунок Янку передает действия людей и животных. Фантазия художницы ярко проявляется в изображении орла – гигантской птицы,

уносящей охотника. Особенно выразительна фактура оперения птицы, которая воспринимается как своеобразный узор. Колорит этой работы отличается строгой красотой, что в целом типично для творчества Елены Янку. Рассказала Елена Янку. Перевел с чукотского А. П. Нестеров. Уэлен, 1971 год.

Похищение охотника орлом.
1971. Общий вид с двух сторон,
фрагменты. Клык моржа, цветная
гравировка. Уэлен. МНИ

Жили береговые люди — охотник с женой и собака. Детей у них не было — одни жили. Были у них еще соседи. Муж охотится — нерпу убивает. Собака первая домой приходит — нерпу тащит, а хозяин налегке возвращается. Жена разделывает нерпу, с соседями делится. Однажды утром, пока хозяйка кормила собаку, охотник один ушел на охоту. Только солнышко появилось, вдруг что-то его закрыло. Это был орел. Он полетел за охотником.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Схватил орел охотника и понес к своей яранге. Собака успела увидеть это.

Орел, оказывается, был человеком. Подлетел он к своей яранге. Жена орла потащила человека в полог. Пока орел раздевался, с человека сняли одежду, посадили в жирник, и жирник подвесили. Сами стали есть, а человеку только по одному кусочку кладут прямо в рот.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

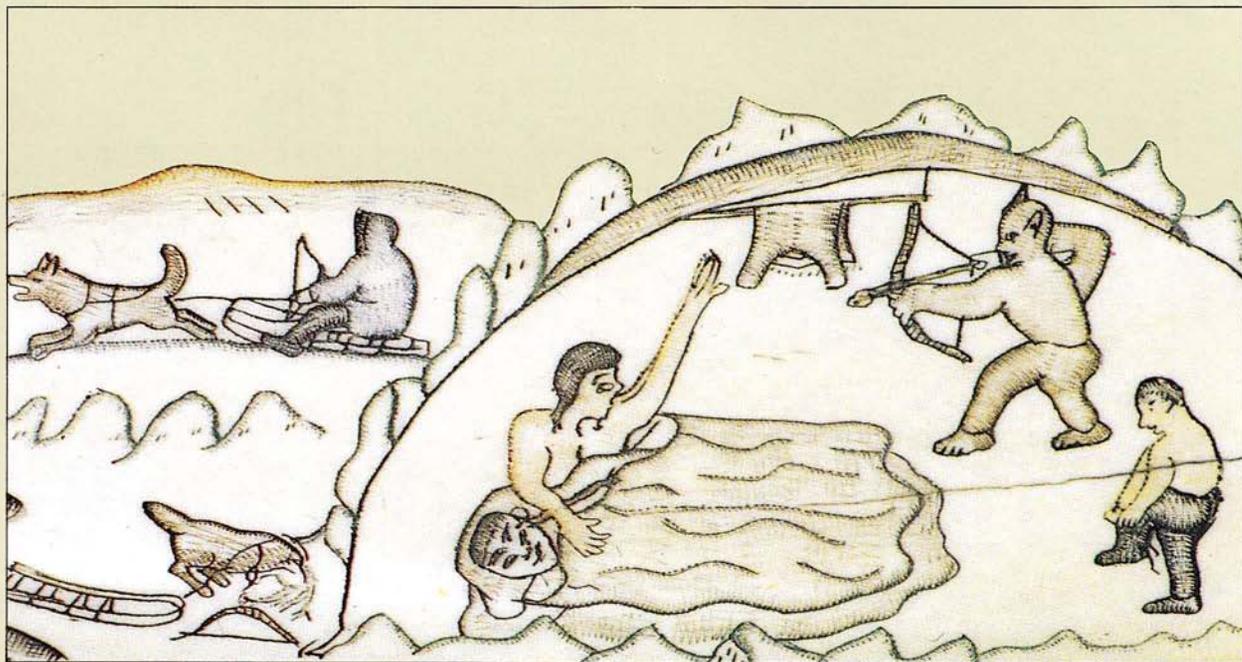
И вот собака пришла домой и рассказала о случившемся с хозяином. Оказывается, собака тоже была человеком. И решила она спасти хозяина. Пошла собака к старушке-соседке просить нарты, лук со стрелами. Дала старушка все, что просила собака, и отправилась собака-человек искать своего хозяина.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Долго бежала собака. Вдруг увидела она место, залитое льдом. Начала царапать, разрывать лед и добралась до жилища орла. Вошла в полог и увидела спящих: орла, человека и орлицу. Собака стрелами убила сначала орла, а потом его жену — орлицу. Разбудила хозяина, он оделся, сел на нарту, и они поехали домой.

Стали жить вместе. Всё.

Елена
Янку
ПОХИЩЕНИЕ
ОХОТНИКА
ОРЛОМ

ВАСИЛИЙ ЕМРЫКАИН

Член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина

Все творчество этого художника связано с жизнью морских охотников. И это не случайно. Ведь Василий Емрыкаин — эскимос из древнего селения Наукан. Это селение еще в начале нашего столетия было центром эскимосской культуры, неразрывно связанной с жизнью охотников на морского зверя.

Родился Емрыкаин в 1925 году, рос в большой семье, где было одиннадцать детей. Отец его Теин, отважный морской зверобой, возглавлял бригаду охотников. Емрыкаин вспоминает про отца: „Рано встает, поздно приходит, такой маленький, а много добычи несет“. Мать, тихая, трудолюбивая, кормила и одевала всю большую семью, шила летние и зимние торбаса, кухлянки. Брат отца Аттукин был сказочником. Когда погода не позволяла выходить на охоту, люди собирались вместе и слушали его сказки. Эти сказки и остались в памяти Емрыкаина.

Наукан был родиной многих эскимосских сказок, легенд, неразрывно

связанных с бытом охотников на морского зверя. Жизнь, полная опасностей, требовала особой выносливости, физической закалки. С детства, как вспоминает Емрыкаин, тренировались в спортивных играх, беге, поднимании тяжестей, помогали взрослым тащить добычу, играли в охоту на белого медведя, а уже с пятнадцати лет принимали участие в настоящей охоте.

В 1945 году Емрыкаин начал работать в косторезной мастерской поселка Наукан. Рядом с ним, тогда двадцатилетним юношей, создает свои скульптуры Хухутан — один из лучших резчиков, Жиринган — мастер рельефной резьбы, его брат Яхтан, талантливые граверы Ульгун, Унук, Ненетеин. Как вспоминает Емрыкаин, учился он у Ненетеина и Унука; их изящный графический почерк, строгое сочетание черного и белого проявились и в его работах. С молодых лет определилась его любовь к гравированному рисунку.

Затем жизнь сложилась так, что Емрыкаин долгое время не занимался гравировкой. Только в 1974 году он приходит в коллектив уэленских мастеров. Удивительно, что столь долгий перерыв будто и не отразился на творчестве Емрыкаина. Умудренный жизненным опытом, он стал работать сразу необычайно интересно, самобытно, выделяясь ярко выработанным своеобразием.

Обычная биография Емрыкаина свидетельствует о глубинной традиции национального искусства, не угасшей в течение многих лет и давшей художнику новые творческие импульсы.

Случаи из жизни морских охотников, воспоминания о жизни в родном Наукане — все это органично, естественно отражается в работах Василия Емрыкаина. Он говорит, что не задумывается над композицией своих гравировок, не раздумывает, куда поместить то или иное изображение: „Сразу нахожу место на клыке для каждой фигуры“.

Все работы этого художника выполнены в одном стилистическом ключе, им свойствен один, глубоко своеобразный творческий почерк. Мы видим крупный масштаб изображений, большие протоки нетронутого рисунком естественного цвета кости.

В работах Емрыкаина преобладает графичность, основную роль играет контур, скупой и выразительный. Рисунок приобретает черты монументальности. Подцветка почти отсутствует. Иногда художник дает строгие однотонные внутренние разделки.

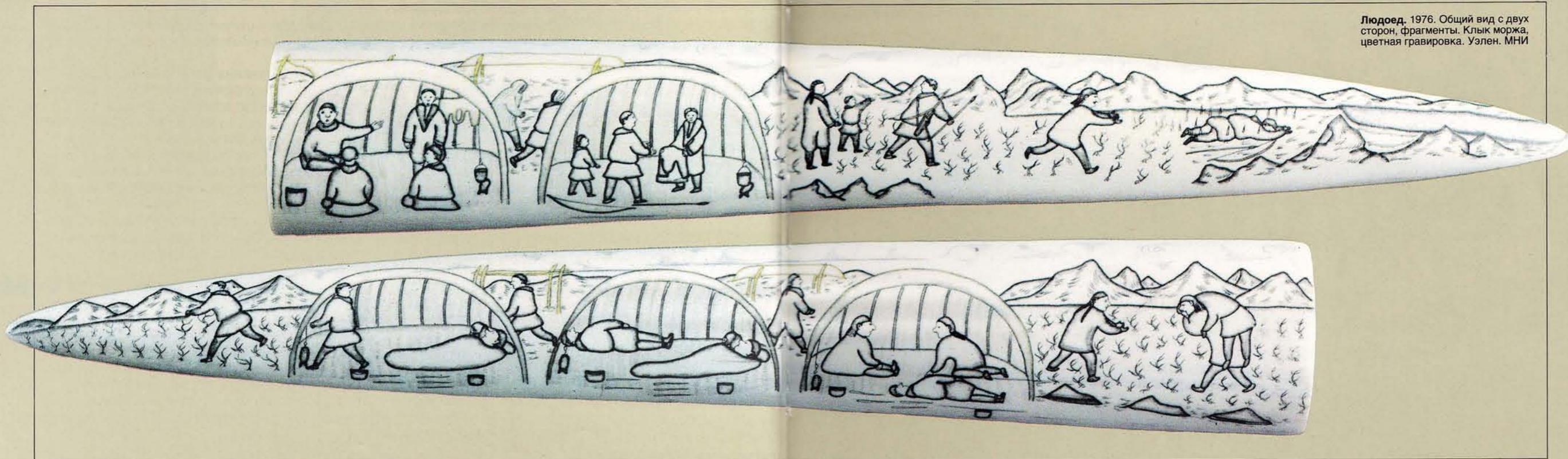
Емрыкаин живет в маленьком деревянном домике, на берегу моря. Встает в пять часов утра — привык вставать рано — и сразу садится за работу. Под тихую музыку, льющуюся из радиолы, — художник очень любит музыку — гравировает он свои вариации на одну и ту же излюбленную тему: море, охота на байдарках, под парусом или выслеживание зверя среди торосов. Строгой, величественной чередой движутся лодки с охотниками, полны достоинства и спокойствия изображения людей и животных.

И каждый раз из-под руки мастера появляются рассказы в рисунках о мужественных людях, жизнь которых превращается в легенду, а легенда порой становится реальностью.

Василий
ЕМРЫКАИН

ЛЮДОЕД

В этой работе особенно ярко проявился талант В. Емрыкаина — графика, рисовальщика. Здесь все построено на контрасте черных силуэтов и белого фона. Силуэты строги и выразительны. Подцветка отсутствует. В отличие от других своих работ, тоже скупых в цвете, здесь художник пользуется только черным. Несмотря на это создается впечатление колористического богатства. Строгие, величественные ритмы пронизывают эту немногословную композицию. Рассказал Василий Емрыкаин. Слышал в детстве в Наукане от своей матери Накаюк. Уэлен, 1976 год.

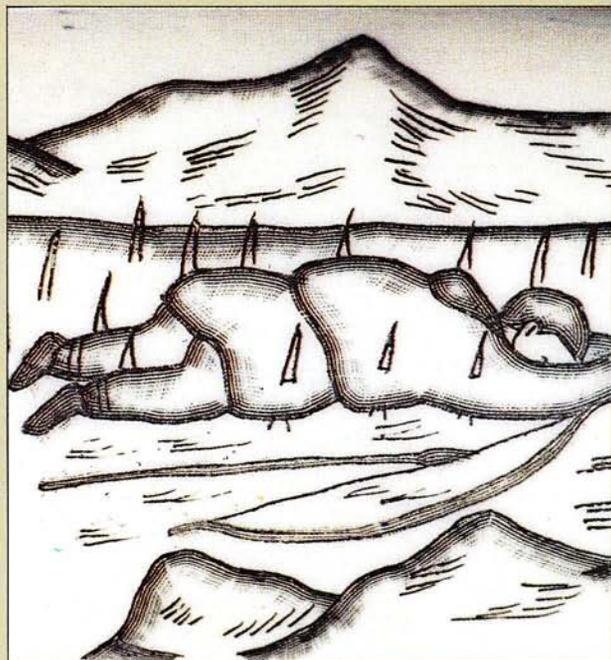
Людоед. 1976. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

Жили береговые — охотники. Заметили они, что одно место опасно: когда уходили туда охотиться, то не возвращались. Старшим пришлось запретить охотникам ходить в ту сторону. Но один охотник попросил разрешения пойти на это место и узнать, почему там пропадают люди.

Взял он лук, стрелы, копьё и отправился туда. Жена проводила его до этого места. Охотник увидел ловушку — там были острые камни.

Он шел осторожно, чтобы не задеть эти камни. Потом лег, притворился мертвым и стал ждать хозяина. Он пришел. Оказывается, это был людоед, который охотился за людьми. Увидел он неподвижно лежащего человека и сказал: „Я нашел его!“

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Взял людоед человека и понес к себе. Охотник лежал неподвижно, как мертвый.

Василий
Емрыкаин
ЛЮДОЕД

Принес его домой. Жена людоеда встретила их, говорит: „Завтра разделаю, суп будем варить“.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Охотник лежит, как мертвый. Людоеды заснули. Человек тихо встал и убежал домой. Рассказал всем о людоедах, и охотники больше не пропадали.

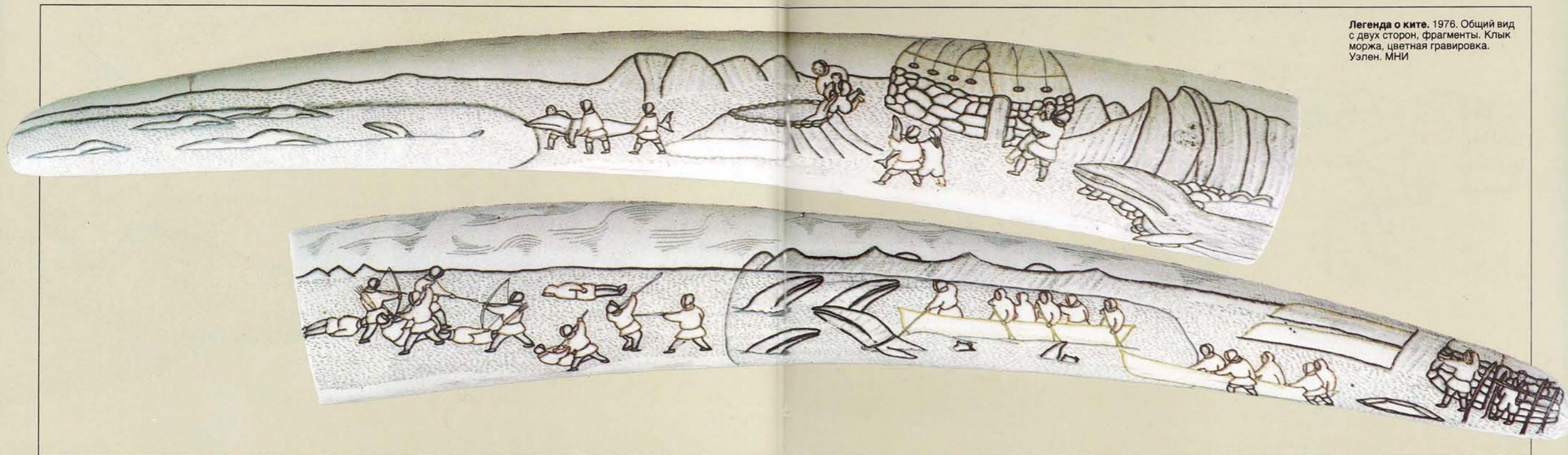

Василий
Емрыкаин
ЛЮДОЕД

Василий
ЕМРЫКАИН

ЛЕГЕНДА О КИТЕ

Сюжет, излюбленный на Чукотском побережье. Мы уже рассказывали о работе Галины Тынатваль на аналогичный сюжет. Однако восприятие сюжета и интерпретация его в гравировке у Василия Емрыкаина имеют другой настрой, другую эмоциональную окраску, наполнены другим чувством и, естественно, имеют другое изобразительное претворение. Подробный лирический рассказ, активный цвет у Тынатваль, и немногословная композиция Емрыкаина, суровый колорит, подчеркнутая графичность, особый лаконизм и мужественная простота рисунка. Рассказал Василий Емрыкаин.
Уэлен, 1980 год.

Легенда о ките. 1976. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

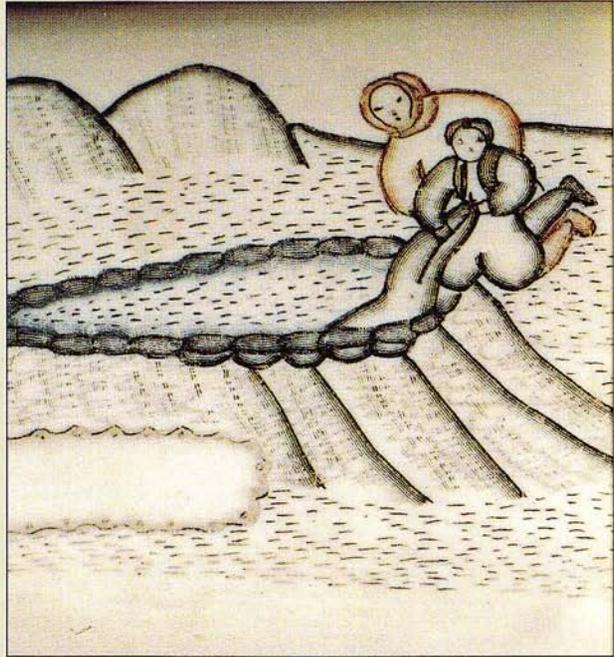
В

селении Нунак жила женщина. Однажды к ее яранге приплыл кит, из него вышел человек и пошел к женщине в ярангу. И так было каждый вечер. Прошло время, и у женщины родился сын-китенок. Люди кормили его, заботились о нем. Жил он в яранге, в кожаном ведрке с водой.

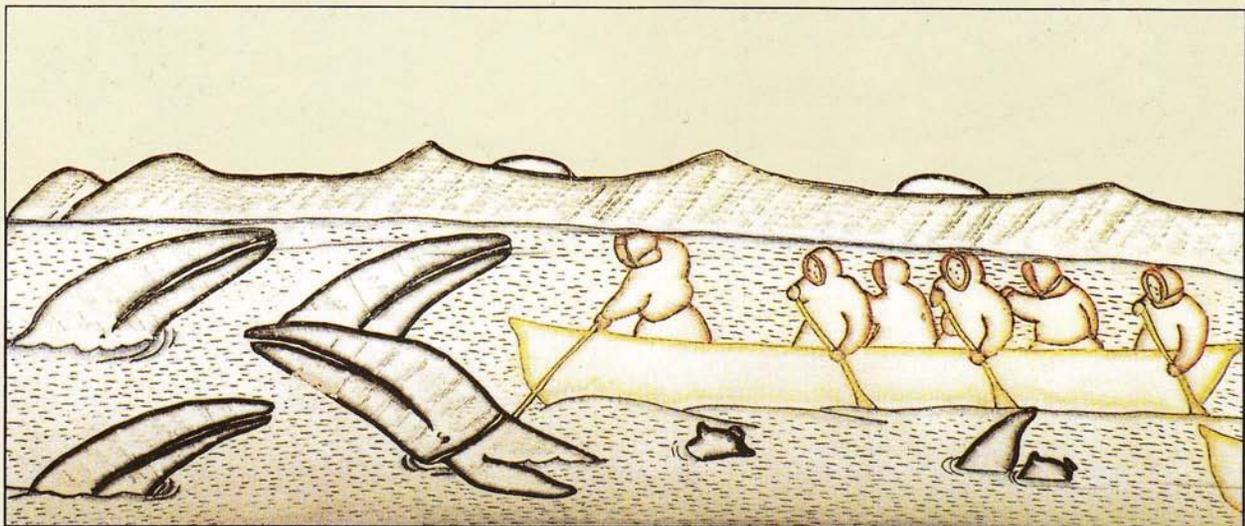

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Когда китенок подрос, муж женщины выдолбил в скале ванну, и они пустили туда китенка. Там китенок плавал. Мать ходила кормить его. А китенок все рос и рос, наконец вырос с белуху и перестал помещаться в каменной ванне.

Василий
Емрыкаин
ЛЕГЕНДА
О КИТЕ

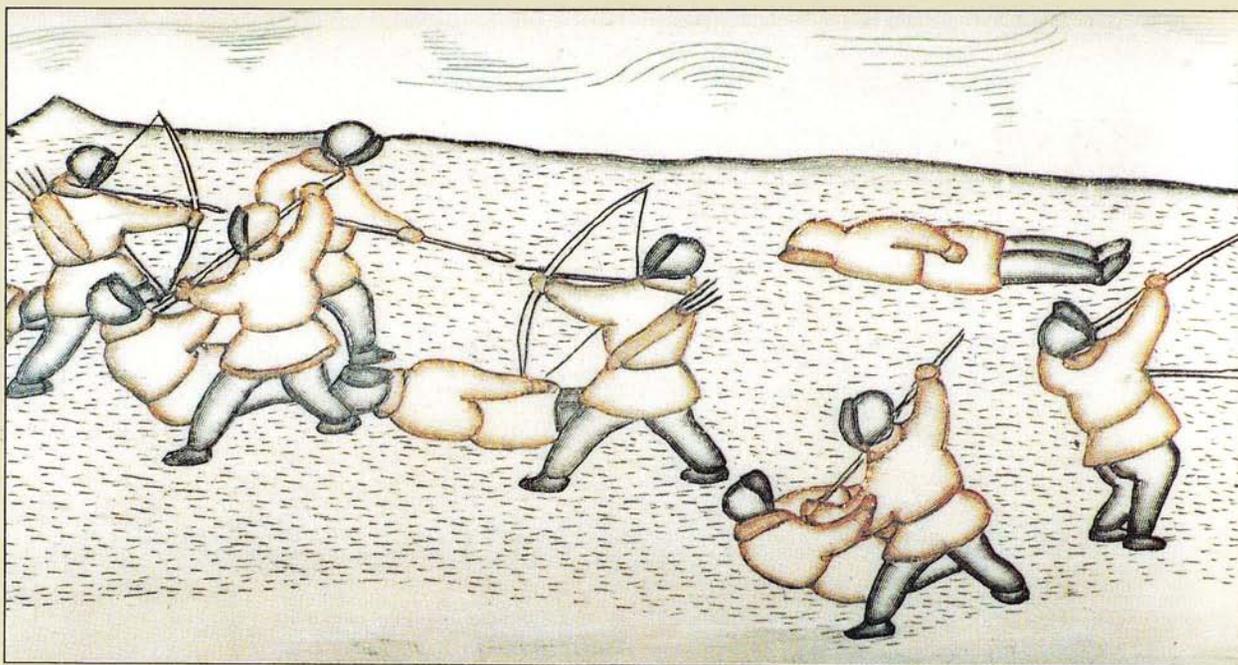
НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Люди собрались, взяли шкуру моржа, положили на нее китенка и перенесли его на берег. Привязали на шею ремешок, чтобы случайно не убить во время охоты, и пустили в море.

С тех пор китенок каждый раз приводил китов к поселку, и люди в Нунаке не знали голода. Прошло время, китенок стал взрослым китом, но все так же пригонял китов к поселку.

Люди из соседнего поселка Мемрепен стали голодать, так как все киты приходили только к соседям. И решили они убить этого кита. Однажды выследили его и убили.

Очень рассердились люди из поселка, где родился кит, и началась с тех пор вражда между жителями поселков. Мемрепенцы, говорят, уничтожили весь поселок Нунак.

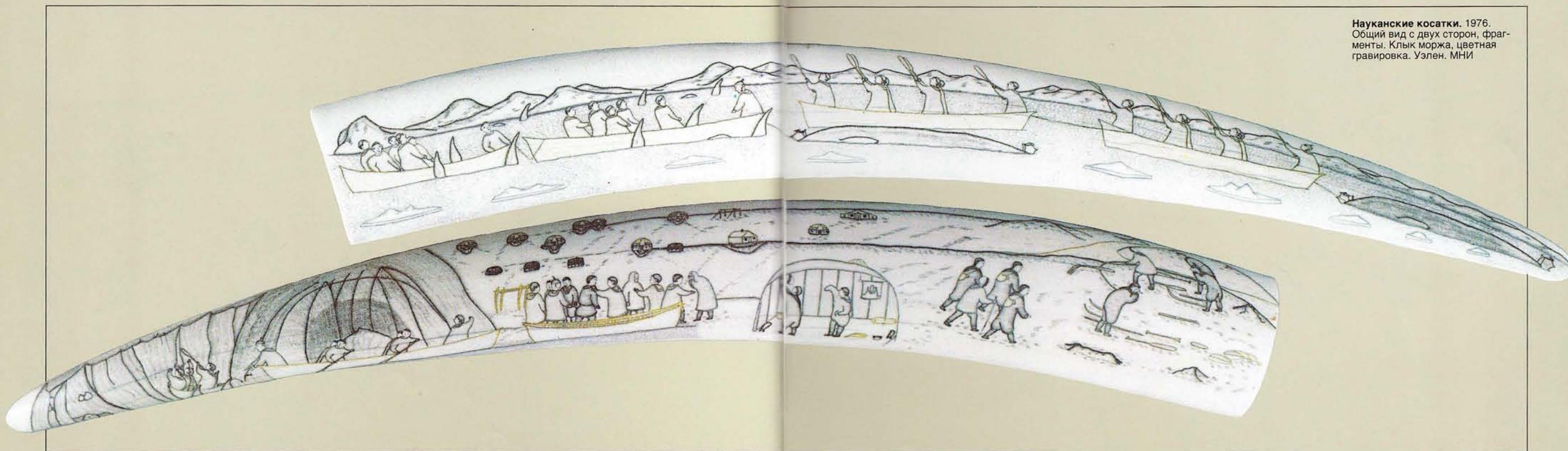

Василий
Емрыкаин
ЛЕГЕНДА
О КИТЕ

Василий
ЕМРЫКАИН

НАУКАНСКИЕ КОСАТКИ

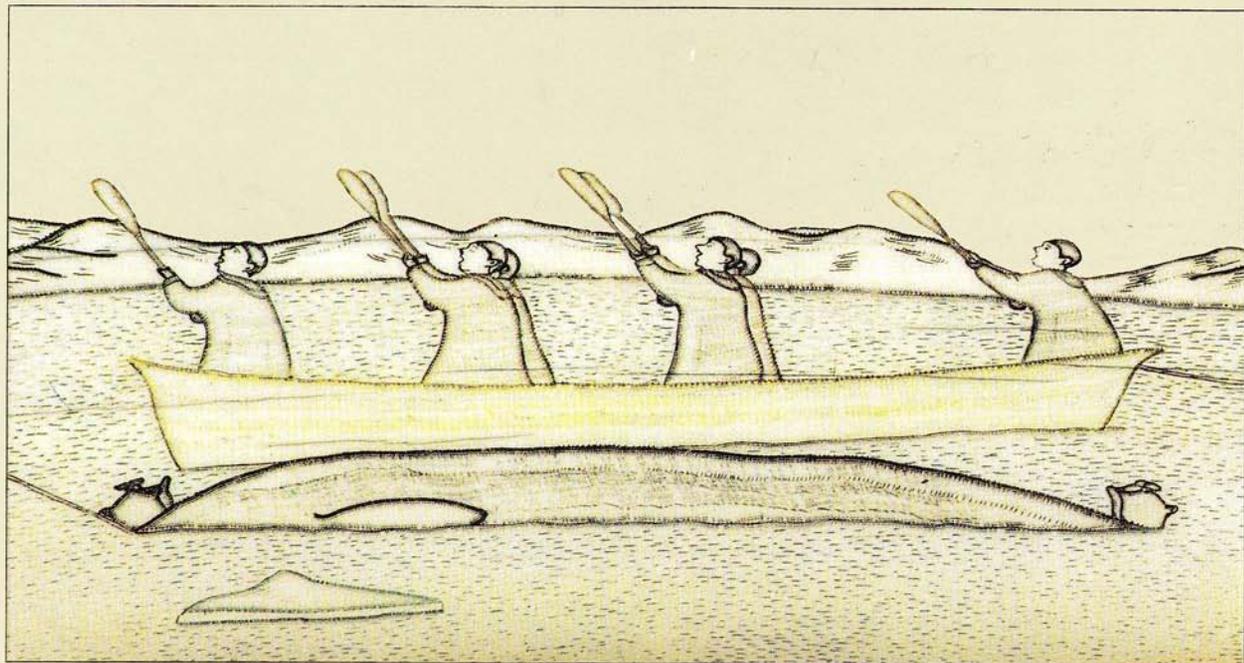
В этой работе особенно ярко проявляется умение художника создавать строгие ритмы и его пристрастие к крупному масштабу изображений, свободному расположению их на поверхности клыка. Сюжет этой работы В. Емрыкаин рассказывает как событие, происшедшее когда-то в Наукане. Он убежденно говорит, что так и было и что пещера, куда косатки затащили байдару с охотниками, находится вблизи от его родного селения. Рассказал и записал Василий Емрыкаин.
Уэлен, 1976 год.

Науканские косатки. 1976.
Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

В летнее время охотились эскимосские охотники на байдаре с парусами и веслами. Орудиями лова на китов и моржей были гарпуны и длинные копья. Иногда охотники погибали от крупных зверей.

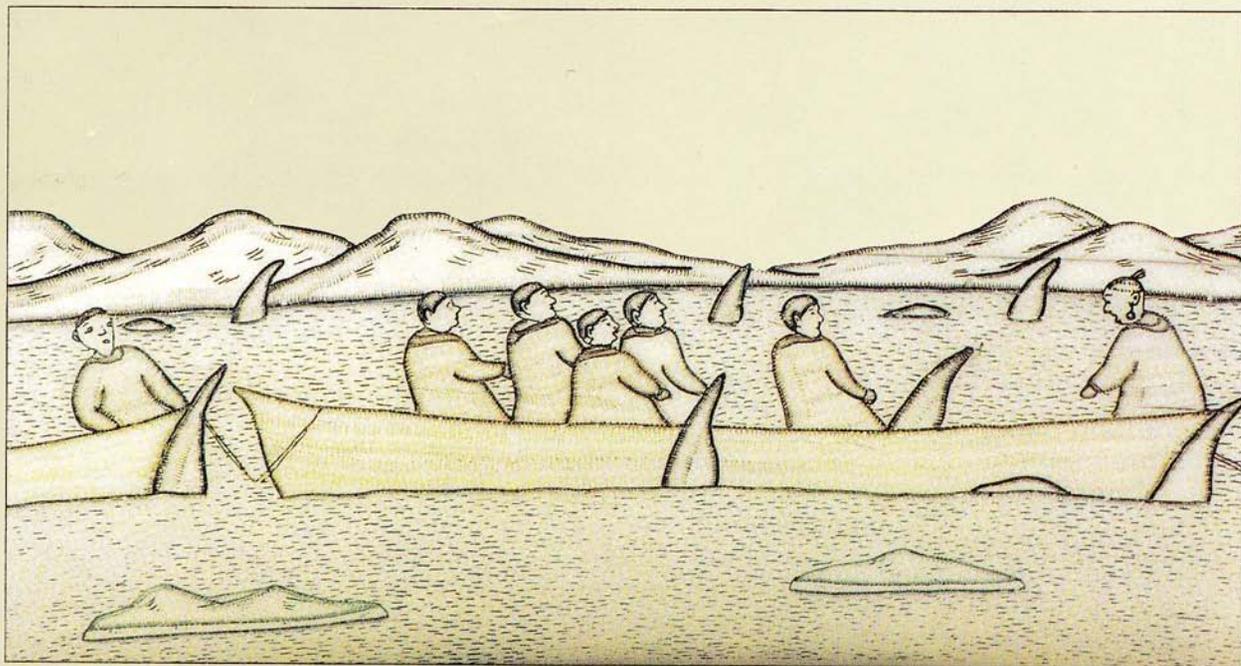
Однажды добыли охотники кита. Буксируют его на двух байдарках, кричат по обычаю: „Оок, оок, оок!“ У бригадира второй байдары в ушах серьги — он шаманом был. Это по его команде кричали люди: „Оок, оок, оок!“

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Пока охотники буксировали кита, откуда-то внезапно напали косатки и погнали обе байдары с добытым китом на берег. Охотники испугались: косаток было много, и они могли перевернуть байдары — потому ничем их не кололи. Только шаман второй байдары стоял ближе к косаткам и шептал на их языке. А косатки все равно не уходили.

Уже и берег близко. А рядом с Науканом была пещера, куда заплывали косатки в летнее время. Вот они и гнали байдары к входу в эту пещеру. Некоторые косатки уже заплыли в пещеру и стали затаскивать туда первую байдару с охотниками. Бригадир никак не мог отрезать ремень, который связывал кита и байдару с охотниками. Самая большая косатка уже толкала байдару в глубь пещеры. Люди хватались руками за камни, но их все равно затащило в пещеру.

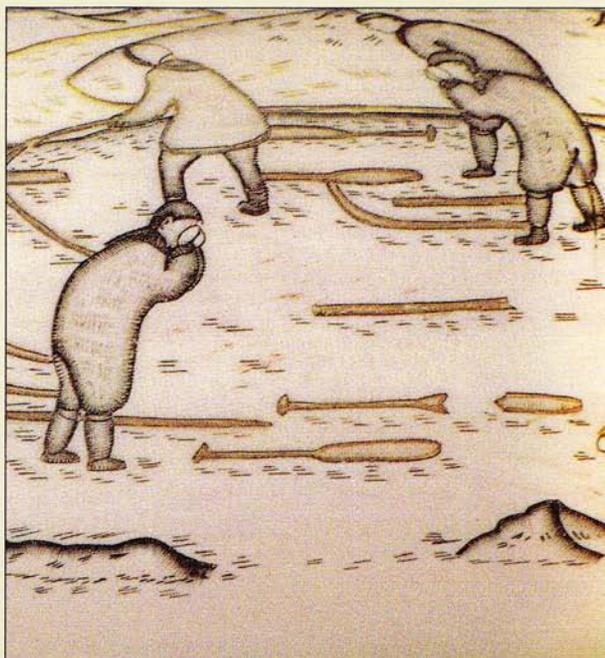
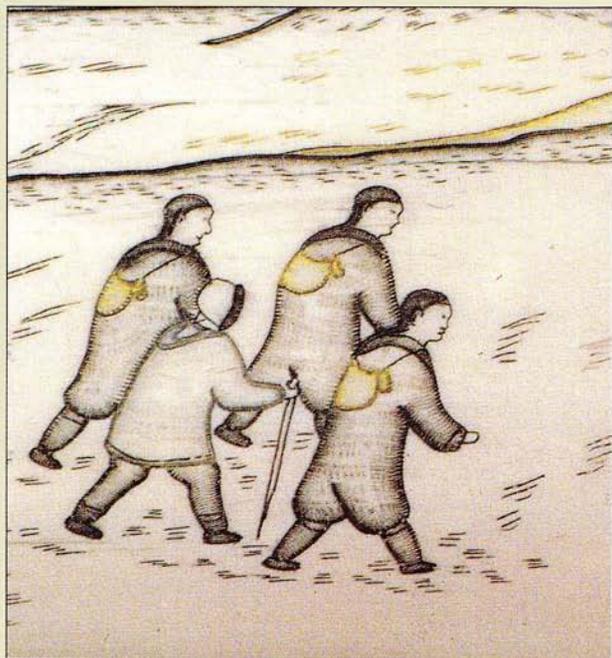
Василий
Емрыкаин
НАУКАНСКИЕ
КОСАТКИ

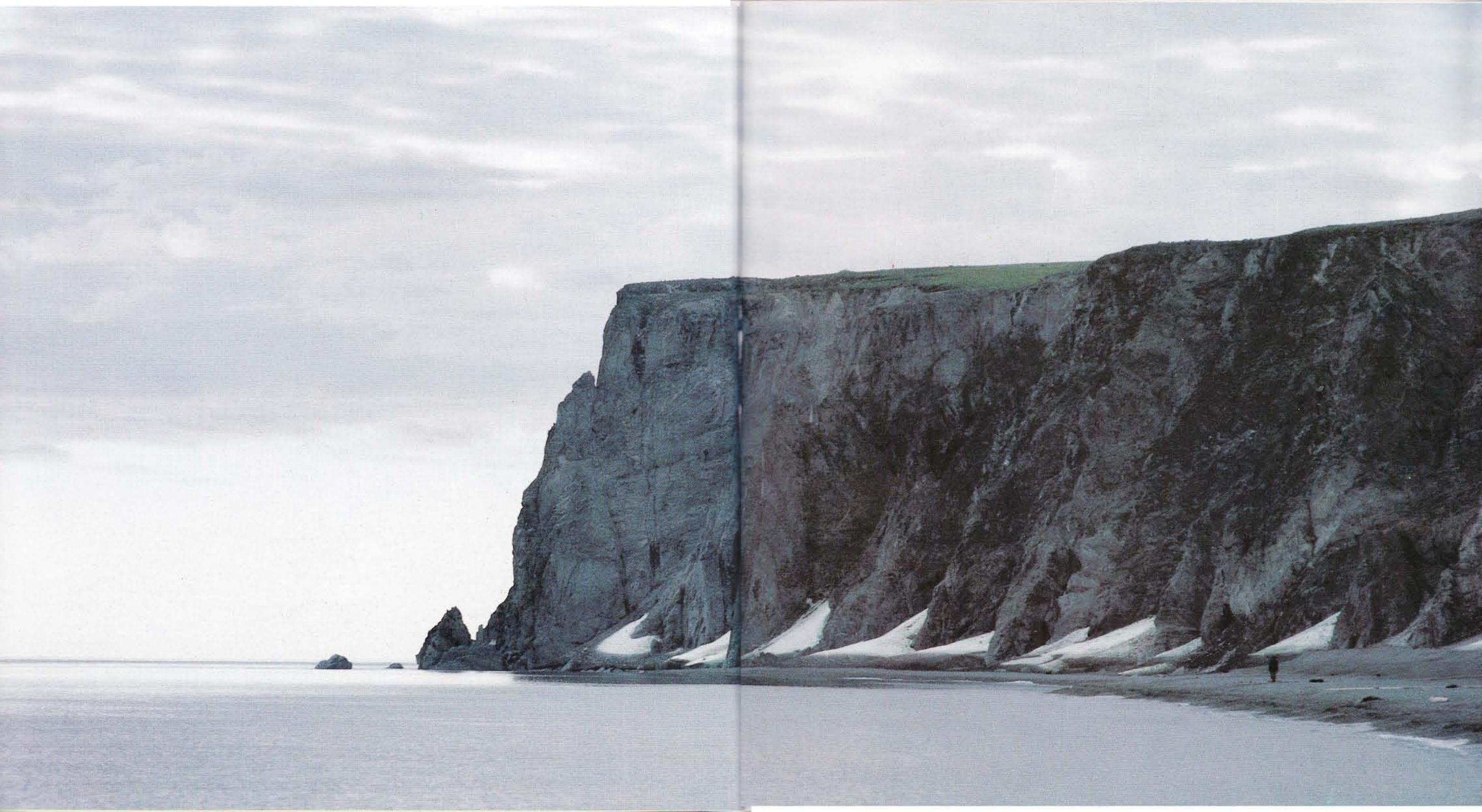
НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Бригадир второй байдары, что был шаманом, снял свои серьги и бросил в море. После этого он легко разрезал ремень ножом, и байдара быстро отплыла от берега. Все остались живы. Вернулись в поселок.

Однажды три женщины и мужчина пошли за растениями. Они высоко поднялись на гору и вдруг увидели переломанные куски байдары. Они сразу догадались, что это пропавшая байдара, которую косатки затащили в пещеру, а потом выбросили на самую высокую гору. Люди смотрели и плакали.

Василий
Емрыкаин
НАУКАНСКИЕ
КОСАТКИ

МАЯ ГЕМАУГЕ

Член Союза художников СССР, лауреат премии Ленинского комсомола

Мая Гемауге была единственным ребенком, оставшимся в живых в большой многодетной семье. Мать ее, эскимоска, умерла, когда девочке было три года. Отец сам воспитывал дочь и, не решаясь оставлять на попечение родственников, брал с собой на охоту.

Мая вспоминает, как однажды — это было около острова Ратманова — мужчины оставили ее на льдине: поставили примус, над ним на шестах подвесили котел и ушли охотиться. А Мае наказали, чтобы помешивала, когда будет кипеть в котле. Осталась девочка одна, страшно ей стало. И вдруг слышит: кто-то по снегу бьет. Смотрит, а это огромный морж, старый кеглючин. Девочка от страха как закричит. Охотники услышали — ветер в их сторону дул — быстро причалили к льдине и убили моржа. Мая рассказывает тихо, хриловатым голосом, волнуясь. И картины детства, сопряженной с вечной опасностью жизни встают перед глазами.

Другой раз, вспоминает Мая, отправились на охоту на байдаре (тогда вельботов еще не было), а тут началась буря, сильные волны поднялись. Охотники стали хмурыми, одна Мая ничего не понимает, смеется: ей нравятся ветер и волны. А охотники всю добычу за борт побросали. „Мы могли погибнуть, — вспоминал через много лет отец — старый Гемауге, — но никто об этом тогда ничего не сказал“.

Отец Май до глубокой старости вырезал шхуны из клыка моржа, китового уса. Искусные руки мастера как бы наполняли тугим ветром белоснежные паруса красавиц шхун.

Мая родилась в Уэлене в 1935 году. Она начала заниматься гравировкой по кости сравнительно поздно. После окончания семилетней школы работала поваром в детском саду, потом в больнице. И только в 1966 году пришла в Уэленскую мастерскую.

В первых работах Гемауге фигурки людей и животных были очень мелки, раскраска отличалась излишней яркостью. Всего лишь через год работы в мастерской, в коллективе талантливых граверов Мая Гемауге стала настоящим художником, со своим творческим почерком и эмоциональным строем.

Мая Гемауге выбирала сюжеты таких сказок, где рассказывалось о человеческих взаимоотношениях, о сложных приключениях героев, выходящих победителями из трудных жизненных и фантастических ситуаций.

Сюжет каждой сказки не просто обдумывался Маей Гемауге, он переживался, наполняясь личным, эмоциональным отношением автора.

Миниатюрный, ювелирно отточенный рисунок типичен для творческого почерка этой художницы. Удивительно, как при таком размере Мае Гемауге удавалось передавать энергичные, стремительные движения героев своих сказок. Каждая поза полна жизни и выразительности. Это касается в равной мере изображений людей и животных.

В этих гравированных миниатюрных рисунках можно почувствовать ассоциации с образом автора. Маленькая изящная Мая Гемауге, с большими черными печальными глазами, всегда аккуратно, со вкусом одетая — такой она запомнилась.

Душевный склад Гемауге, любовь к природе, удивительное стремление ко всему новому находили отражение в лирическом строе ее работ.

Жизнь этой талантливой художницы рано оборвалась. Но дело ее продолжают дети. Дочери учились у матери. Им нравились ее изящные, миниатюрные рисунки и музыкальная ритмичность композиций. Сейчас Зоя и Лиля художницы, работают в Уэленской мастерской. Обе прекрасно рисуют, гравировать по клыку.

Мая
ГЕМАУГЕ

ЧЕЛОВЕК В КРАСНОЙ КУХЛЯНКЕ

Миниатюрные яркие рисунки, словно цветы, художница рассыпает по горизонтали клыка. Однако в расположении рисунков есть свой ритм и красота, что и создает гармоничную композицию. Маленькая стремительная фигурка человека в красной кухлянке, равномерно повторяясь, возникает то тут, то

там, сражаясь на копьях, поражая врагов. В этой работе цвет имеет большое значение. Мы видим преобладание алого цвета, усиливающего эмоциональный строй всей композиции. Рассказала Мая Гемауге по сказке Ако. Перевела с чукотского Галина Тынатваль. Уэлен, 1976 год.

Человек в красной кухлянке. 1969. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

Ж

ил оленевод с двумя сыновьями и дочкой. Братья очень любили заниматься спортивными играми. Отец, заметив их увлечение, стал делать им копья. Копья быстро ломались. Он делал их еще толще. Наконец сделал копья толще своих и почувствовал, что сыновья стали сильными. Однако посоветовал он им не ходить одним к морю и в тундру.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Братья обещали, а на утро собрались и ушли в тундру. Недолго шли. Прошли сопку и видят: много женщин и один мужчина в красной кухлянке ловят рыбу. Младший брат хотел вернуться. Старший говорит:

— Пойдем убьем мужчину и женщин возьмем себе.

Старший взял лук и стал стрелять в мужчину, пуская стрелы одну за другой. Мужчина подпрыгивал, и стрелы не попадали в него, а падали в воду.

Мая
Гемауге
ЧЕЛОВЕК
В КРАСНОЙ
КУХЛЯНКЕ

Братья испугались и побежали. Мужчина в красной кухлянке поймал их и говорит:

— Зачем убегаете? Пойдемте ко мне.

Братья не хотели идти, но он уговорил их, пошли. Мужчина крикнул женщинам, чтобы готовили еду.

Две женщины пришли, приготовили еду, накормили братьев. Мужчина в красной кухлянке спросил старшего, есть ли у него жена, и предложил поменяться женами. Старший брат не захотел. Мужчина обиделся. Спрашивает младшего:

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

— У тебя есть жена?
Младший отвечает:
— Нет.
— Значит, ты один живешь?
— Нет, нас четверо: отец, мать, брат и сестра.
Мужчина спрашивает:
— Отдашь мне сестру?
Младший брат согласился:
— Если понравится — возьми.

Мая
Гемауге
ЧЕЛОВЕК
В КРАСНОЙ
КУХЛЯНКЕ

А старшему мужчина говорит:

— Давай сражаться. Сначала ты попробуй меня убить.

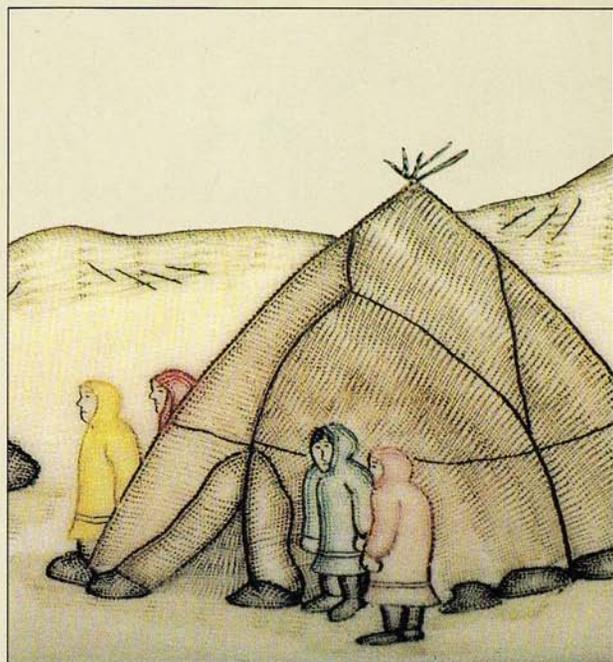
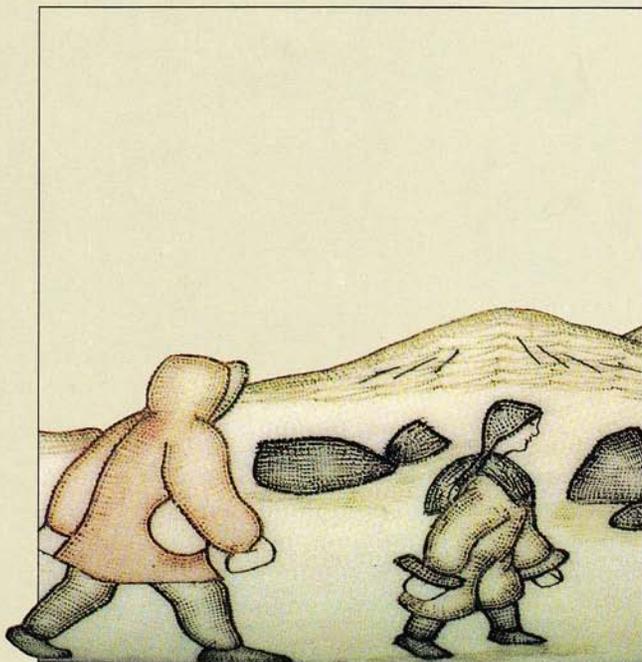
Обиделся он сильно на старшего брата. Стал брат из лука стрелять: мужчина прыгает, и стрелы не попадают в него. Потом старший брат встал, и мужчина убил его сразу. Младший брат заплакал. Мужчина говорит:

— Не плачь, я буду тебе во всем помогать.

Похоронили старшего брата и пошли домой к отцу. Пришли. Мужчина говорит:

— Я пришел к вам как старший сын. Его я убил за то, что он не отдавал мне жену. Младший отдал свою сестру. Собирайся, — сказал ей, — пойдём ко мне. — И увел сестру.

— Вот не слушались меня, — говорит отец, — теперь ты один остался. Не мсти ему — все равно не победишь.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Младший брат стал тренироваться. Говорит отцу:

— Пойду убью его — мне жалко брата.

— Посмотрим, как ты натренировался, — отвечает отец.

Сын побежал быстро.

— Все равно не сможешь победить, лучше не мсти, — сказал отец.

Опять сын тренируется. Прошло время. Сын просится пойти отомстить — тоскует по брату. Отец говорит:

— Давай, посмотрим, как ты бегаешь?

Побежал сын: еле касается земли, так быстро бежит.

— Подожди его здесь, — говорит отец.

Приходит мужчина с подарками. Младший брат говорит:

— Пойду с тобой.

— Правда, пойдем со мной! — обрадовался мужчина.

Мая
Гемауге
ЧЕЛОВЕК
В КРАСНОЙ
КУХЛЯНКЕ

Младший брат повел его к сопкам, где тренировался. Говорит мужчине:

— Давай попробуй, победи меня.

Стали сражаться на копьях. Целый день сражались. Младший брат устал уже, но к вечеру сломал ногу мужчине. Упал мужчина, говорит:

— У меня соскочила обувь. Пойдем, а то поздно.

И они пошли. Мужчина говорит:

— Торопись, уже поздно.

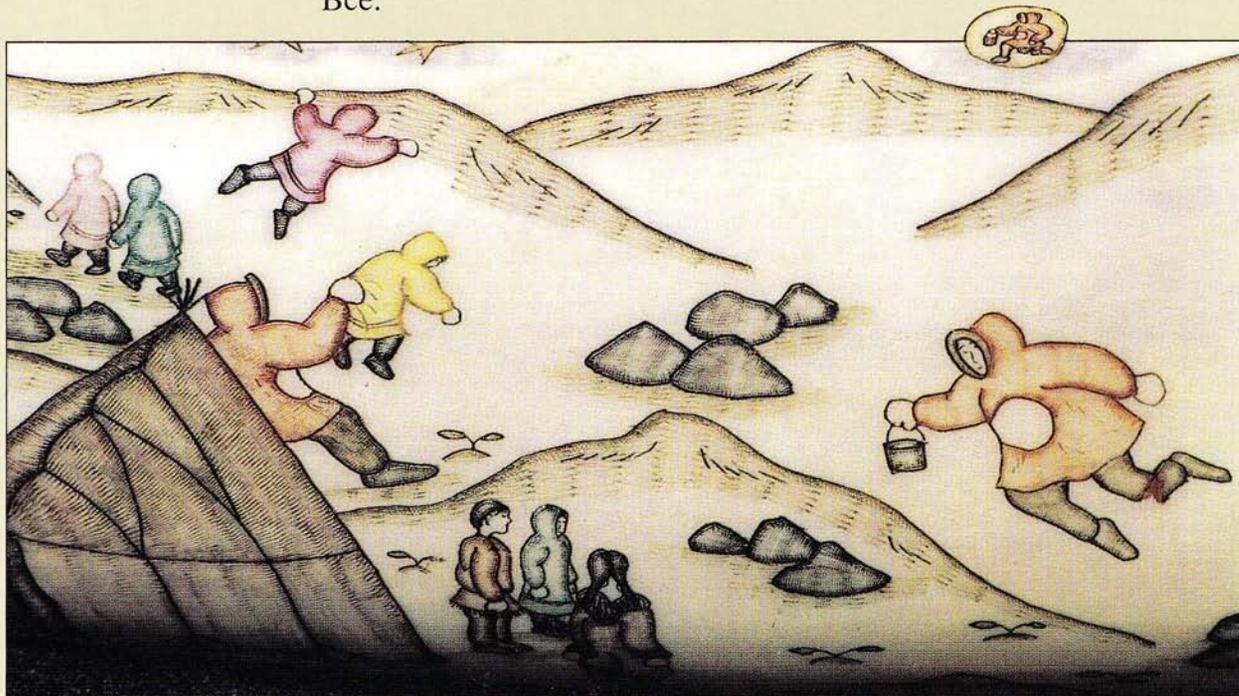
Брат побежал, сколько было сил, оглянулся, а мужчины нет.

Посмотрел — а он сверху над ним с копьем. Опять они начали сражаться. Уставать стал младший брат.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Пришли домой к мужчине. Он говорит:
— Младший брат сломал мне ногу — отомстил за брата. Пусть один поживет, посмотрит. Я вас оставляю. Я не здешний человек. А эти женщины все похищены: одни со звезд, другие здешние, у них тоже есть родственники. Здешних я отпускаю к своим, остальных бери себе и сестру свою тоже возьми с собой. Младший брат взял с собой сестру и одну женщину. Человек в красной кухлянке остальных пораскидал в разные стороны. Взял только кастрюльку маленькую. Попрощался и полетел. Стал маленький. Сначала видны были кончики рук, ног и голова. Потом только белая заплатка на груди, а в ней человек со сломанной ногой и кастрюлькой. И превратился он в луну. С тех пор луна появилась. Всё.

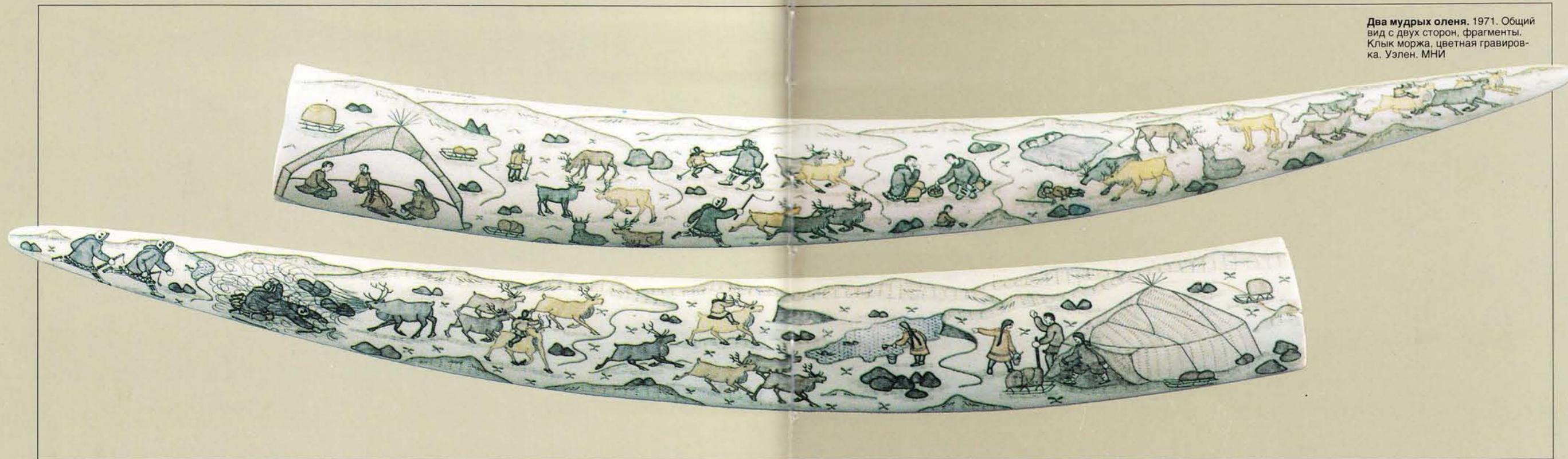
Мая
Гемауге
ЧЕЛОВЕК
В КРАСНОЙ
КУХЛЯНКЕ

Мая
ГЕМАУГЕ

ДВА МУДРЫХ ОЛЕНЯ

Колорит построен на мягких сочетаниях оливковых, желтых, коричневых тонов, свойственных осенней тундре. Каждое изображение заполняется цветом, обрамленным черным контуром. Художница акцентирует соединение черного контура и цветных внутренних заливок, что придает гравировке особую красоту.

В этой работе изысканно сочетание черного с желтыми, зеленоватыми тонами. Интересно передана пурга в виде черного клубка вихрящихся линий. Обратите также внимание, какое разнообразие и выразительность в движениях оленей — героев сказки. Рассказала Мая Гемауге. Уэлен, 1971 год.

Два мудрых оленя. 1971. Общий вид с двух сторон, фрагменты. Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

Ж

ил один человек, и было у него двое детей: сын и дочь. Мальчик постоянно оленей пас.

Однажды пришли враги и забрали оленье стадо и мальчика. Стали кочевать. Была осень, скоро и зима пришла. А мальчик одет в легкие одежды. Враги давали ему есть, а спать заставляли на улице.

Однажды, когда он спал, подошли два оленя — белый и темный. Олени эти были из стада умершего дедушки мальчика. Легли они рядом с мальчиком, чтобы тепло ему было. Так дальше кочевали.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Родные искали мальчика, особенно сестра. Все ходила за сопку, где широкая дорога была.

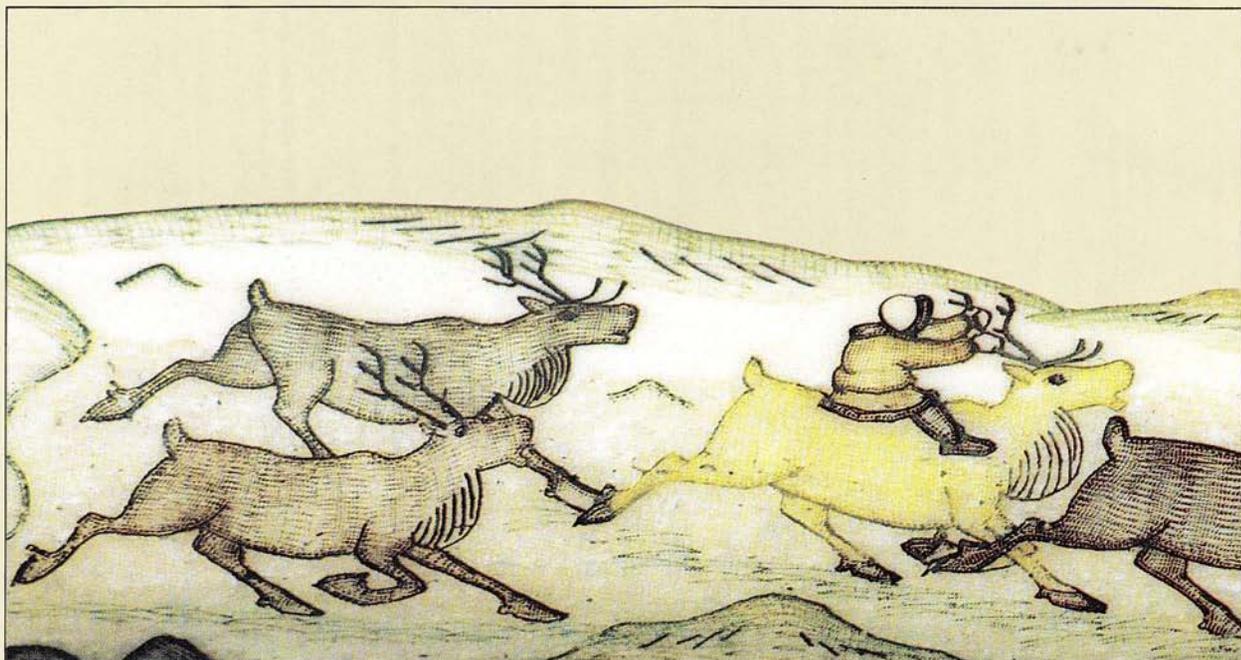
Однажды олень сказал мальчику:

— Завтра утром иди на ту дальнюю дорогу. Когда подойдешь к дороге, остановись, повернись к врагам лицом и стой.

Так он и сделал. Они позвали его, но он не двигался. Они сказали:

— Пусть лучше умрет он!

Стали ловить двух оленей, которые спали с мальчиком. Олени убежали. Обежали вокруг мальчика и наклонили головы. Мальчик прыгнул на белого оленя, и все олени побежали за ними.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

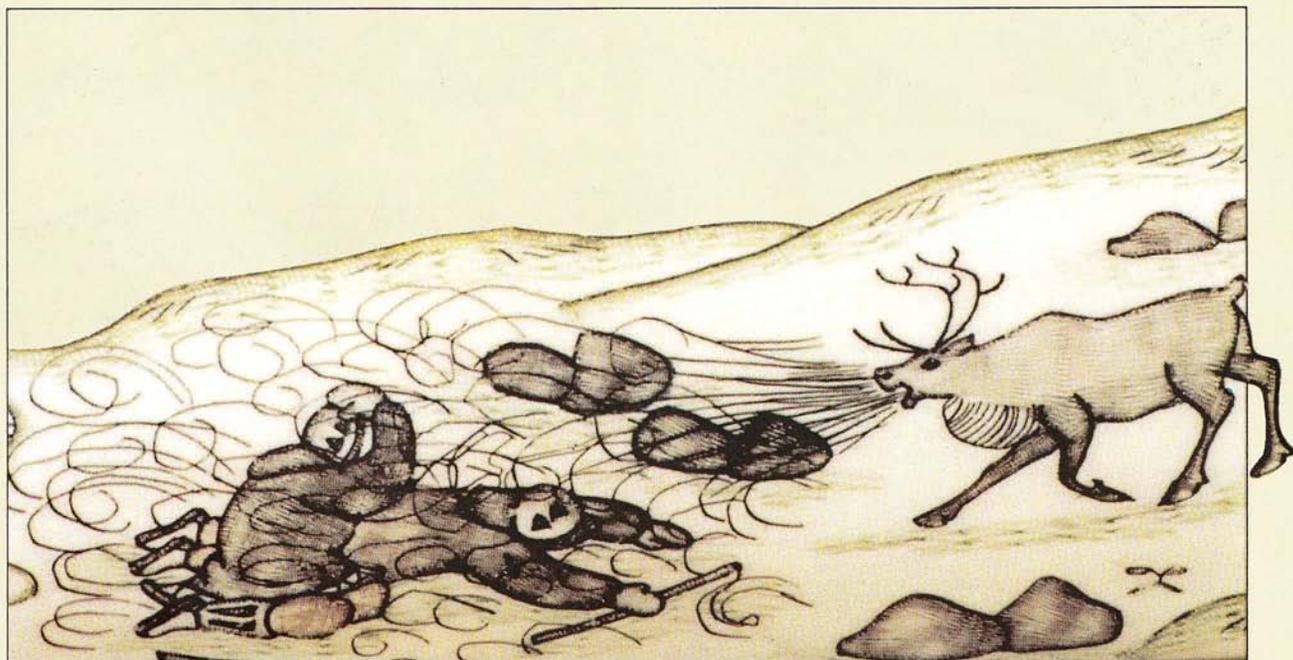
Враги начали их догонять. Второй олень сказал первому:

— Вызови пургу!

Началась пурга, снег, ветер. Позади страшная пурга — впереди хорошо. Замерзли враги.

Олени бегут дальше. Есть захотел мальчик. Олени сказали:

— Убей оленя, поешь.

Мая
Гемауге
ДВА
МУДРЫХ
ОЛЕНЯ

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Так он и делал, и ехал вперед. Вот весна пришла. Важенки отделились. Олень снова сказал:

— Если оленьята рождаются, оставляй их, они нас догонят.

Однажды олень говорит:

— Что это за гора?

Мальчик посмотрел и узнал свою сопку. За сопкой их яранга была.

В это время сестра пошла за водой, оглянулась назад, видит — два оленя показались. Стоит, смотрит. Отец говорит:

— Скорее иди, скажи, что видишь?

Девушка рассказала о том, что видела. Старики вышли из яранги и увидели своих оленей. Людей не было, только мальчик на олене ехал. Узнали его родные, плакали, радовались.

Всё. Конец.

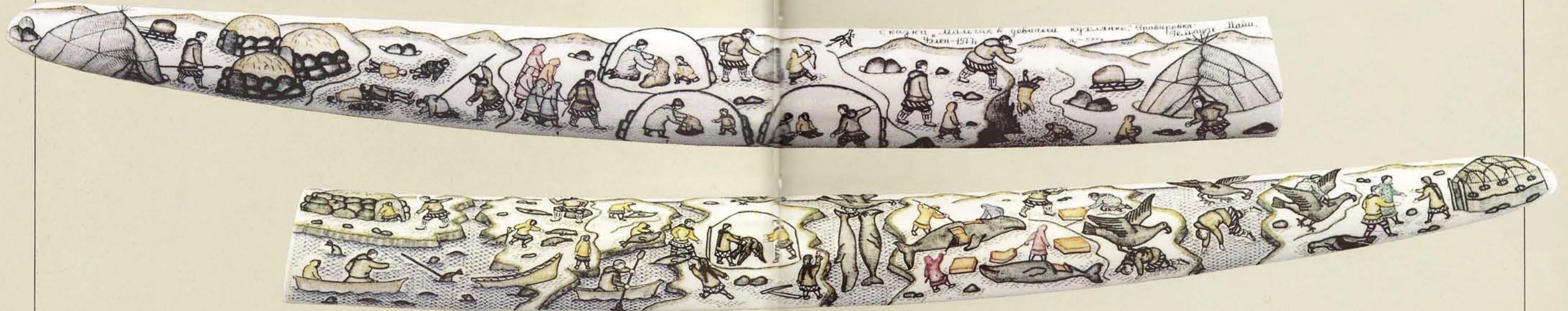
Мая
Гемауге
ДВА
МУДРЫХ
ОЛЕНЯ

Мая
ГЕМАУГЕ

МАЛЬЧИК В ДЕВИЧЬЕЙ КУХЛЯНКЕ

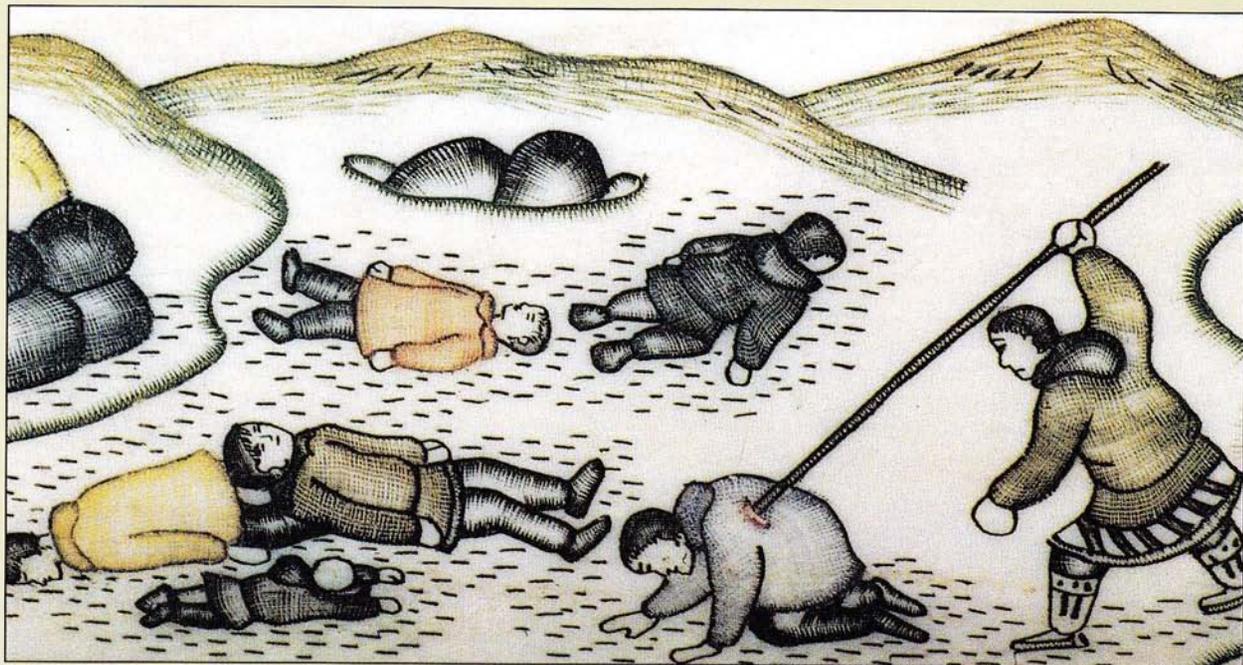
Здесь колорит приобретает насыщенные тона, возрастает наполненность изображениями гравированной композиции. Увеличивается масштаб рисунка. Яркие сочетания синего, малинового, черного придают этой работе повышенную декоративность, даже драматическую напряженность.

Декоративность создают также орнаментальные разделки внутренней части изображений, как, например, в синих протоках воды. Особенно выразительна огромная птица, способная переносить через водные просторы китов и людей. Рассказала Мая Гемауге. Уэлен, 1972 год.

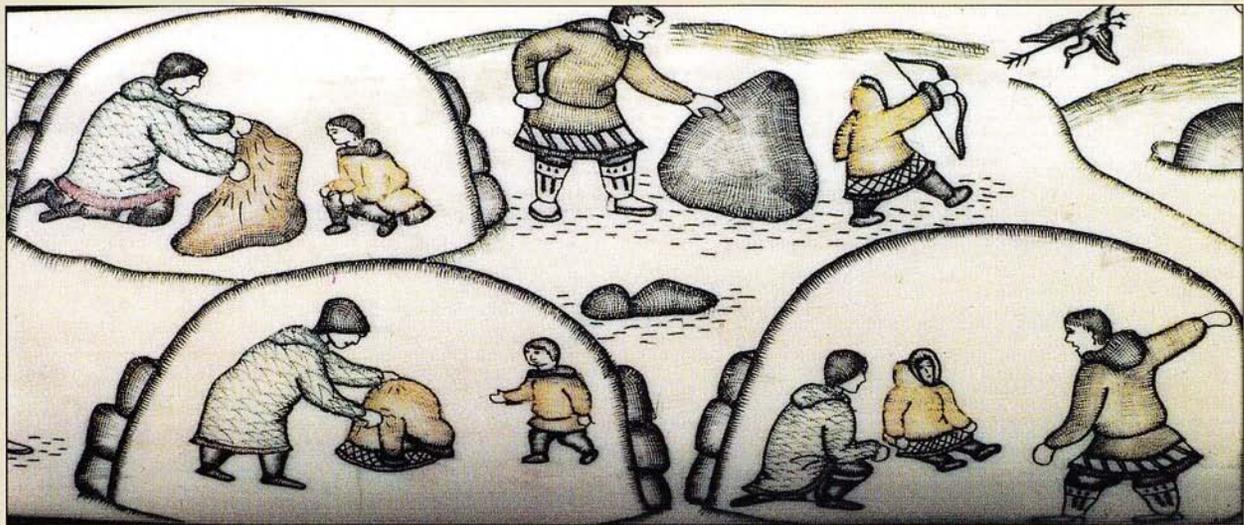

Мальчик в девичьей кухлянке.
1971. Общий вид с двух сторон,
фрагменты. Клык моржа, цветная
гравировка. Уэлен. МНИ

На берегу моря жил силач. Ходил он по селениям и убивал юношей и мальчиков, а женщин уводил, заставлял работать на себя. В одной семье родился мальчик, он остался сиротой — родители погибли. Его подобрала добрая женщина. Чтобы мальчика не нашел и не убил силач, она сшила ему девичью кухлянку. Так и рос он в девичьей одежде. Но однажды увидел силач, как метко девочка стреляет из лука, и догадался, что это мальчик. Решил силач избавиться от него. Повел к высокому берегу и сбросил с обрыва.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

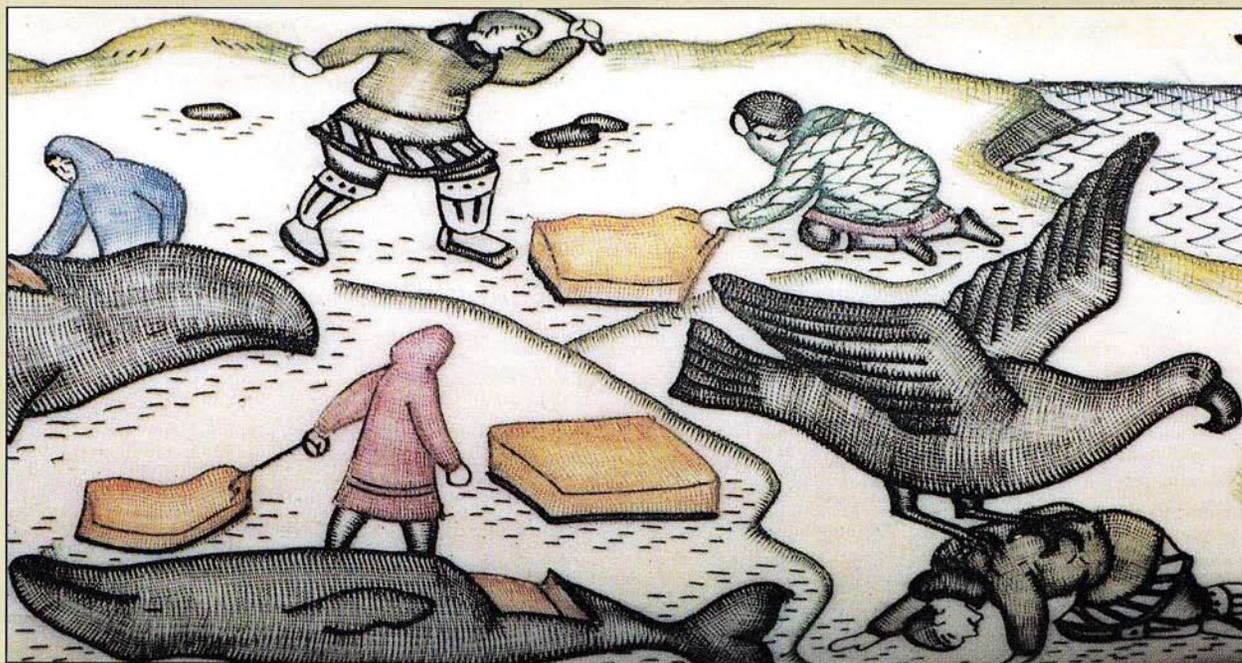
Но мальчик в девичьей кухлянке не погиб, а попал к доброму человеку. Помог он мальчику стать сильным и ловким.

А силач опять разыскал мальчика и заставил работать у него. Хозяин нерпу добывает, мальчик разделявает. Прошло время. Вырос мальчик в девичьей кухлянке. Однажды хозяин на байдаре уплыл. Решил юноша уйти. Захотел он разыскать родных. Снял он девичью кухлянку, надел мужскую одежду и пошел по берегу.

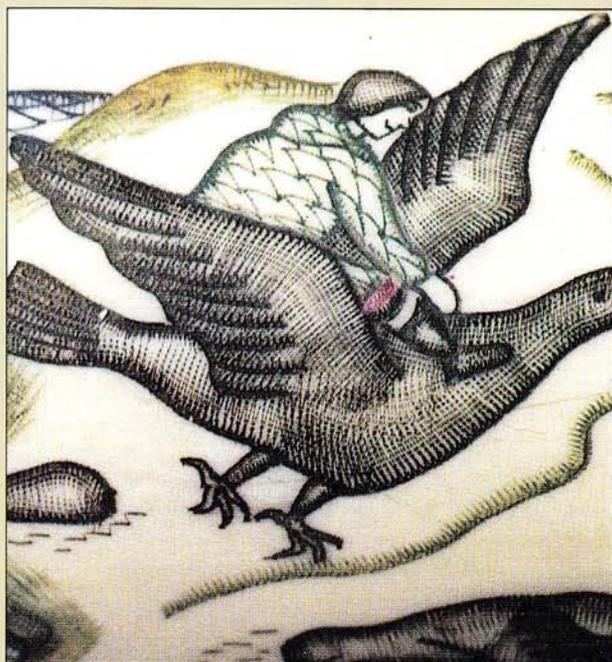
Долго шел, проголодался, убил нерпу. Только начал разделявать добычу, смотрит — яранга стоит. Выходит девушка и зовет его. „Наверное, тоже есть хочет“, — подумал юноша и отнес нерпу в ярангу. Сварила она мясо, поели. Рассказал юноша, что с ним случилось. Девушка говорит: „Возьми одежду чайки, полети, проведай мать“.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Надел юноша шкуру чайки и полетел туда, куда увел силач женщин, где работать их заставлял. Пока летел, двух китов поймал, женщинам отнес. Мать свою увидел. Обрадовались женщины, стали разделывать китов. Вдруг хозяин появился, смотрит — у женщин много еды. Рассердился, стал палкой женщин бить. Увидел это юноша-чайка, схватил силача, поднял в воздух и бросил в море. Потом посадил мать на спину и полетел. Прилетел к яранге, где девушка жила. Снял одежду чайки.

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ
ЛЕГЕНД
ЧУКОТКИ

Мать узнала, что это ее сын, обрадовалась. Стали они вместе жить.
Конец.

Мая
Гемауге
МАЛЬЧИК
В ДЕВИЧЬЕЙ
КУХЛЯНКЕ

ФОЛЬКЛОР В ГРАВИРОВКЕ ПО КОСТИ

Фольклор в культуре жителей Чукотского побережья — морских зверобоев прослеживается с глубокой древности.

Советские археологи (С. М. Руденко, Н. Н. Диков, С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев), неумолимо проводившие раскопки на местах древних поселений, обнаружили ряд удивительных предметов из дерева и клыка моржа, по которым можно судить о мировоззрении эскимосов-охотников на морского зверя, их мифах и легендах.

Известные ученые, археологи и этнографы С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, руководители раскопок на месте несуществующего в настоящее время селения Эквен, нашли деревянную мужскую маску, с характерными чертами палеоазиата, широко раскрытыми глазами, оскаленным ртом¹. Неизвестному резчику удалось создать образ, необычайный по силе выразительности. Помогавшие ученым при раскопках местные жители, эскимосы из Уэлена, определили эту вещь, как изображение „хозяина“.

В эскимосском фольклоре существует образ „хозяина Вселенной“ — Югым Ио, который повелевает жизнью на суше и на море².

Погребение, в котором нашли маску, датируется учеными III—IV веками нашей эры. Значит, можно предположить, что уже в это время в древнеэскимосском фольклоре существовал образ могущественного владыки моря и суши, который, обладая огромной силой устойчивости, прошел почти через два тысячелетия и сохранился до наших дней в памяти народа.

Не менее интересен и другой пример древнего происхождения фольклорных мотивов в культуре эскимосов. В Эквенском погребении учеными был найден крюк из клыка моржа, употребляемый охотниками для транспортировки убитого зверя. В этой вещи особенно наглядно соединились изображения женской фигуры и моржа. При разглядывании крюка с разных точек зрения одни и те же детали смотрятся то частью тела моржа, то частью тела женщины. Идея близости человека и животного, перевоплощение человека в зверя и зверя в человека, является содержанием, смыслом этой вещи³.

Сложный, многозначительный смысл этого загадочного предмета помогает расшифровать фольклор, устные предания. В эскимосском фольклоре существует образ морской владычицы, „морской женщины“, которая выступает в легендах то в роли моржихи, то принимает облик старухи⁴.

В. Г. Богораз, известный исследователь культуры и фольклора чукчей и эскимосов, писал, что в их представлениях существовал образ хозяйки моря, называемой Седной („она там внизу, старая женщина, мать моря“), женщины, являющейся хозяйкой промысловых животных. Очевидно, этот образ фигурирует во многих изделиях так называемой археологами древнеберингоморской культуры.

Идеи взаимного перевоплощения человека и животного можно усмотреть и в других предметах, таких, как дрель и штамп для керамики. В этих вещах соединяются изображения зверей — медведя, тюленя и человека.

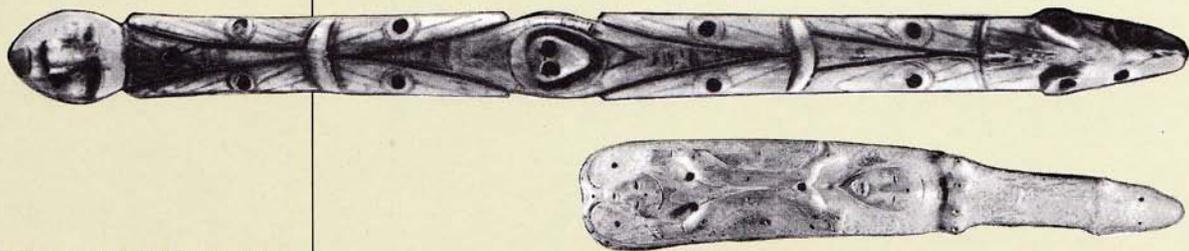
Как увидим в дальнейшем, идея близости человека и животного, их

¹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975, с. 179.

² Там же.

³ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975, с. 180.

⁴ Сергеев Д. А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре 1-х вв. н.э. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 105.

Дрель. I—V вв. н. э. Клык моржа, рельефная резьба, гравировка. МАЭ

Штамп для керамики. I—V вв. н. э. Клык моржа, рельефная резьба. МАЭ

взаимного перевоплощения является главной в большинстве дошедших до нас сказок чукчей и эскимосов. Сформировавшись в первых веках нашей эры, мировоззрение древних жителей Берингова пролива пронизывало все стороны их жизни — материальной и духовной, изобразительное и устное творчество, которые находились в синкретическом единстве.

Как справедливо отмечает С. А. Арутюнов, „соответствие основы хозяйства и художественной культуры здесь было как нигде прямым и полным“⁵.

Древнее искусство нашло выражение в создании из клыка моржа предметов охотничьего снаряжения, скульптур-амулетов. Все эти вещи имели сложное содержание, отражали мировоззрение охотников на морского зверя, были пронизаны мифологическими представлениями.

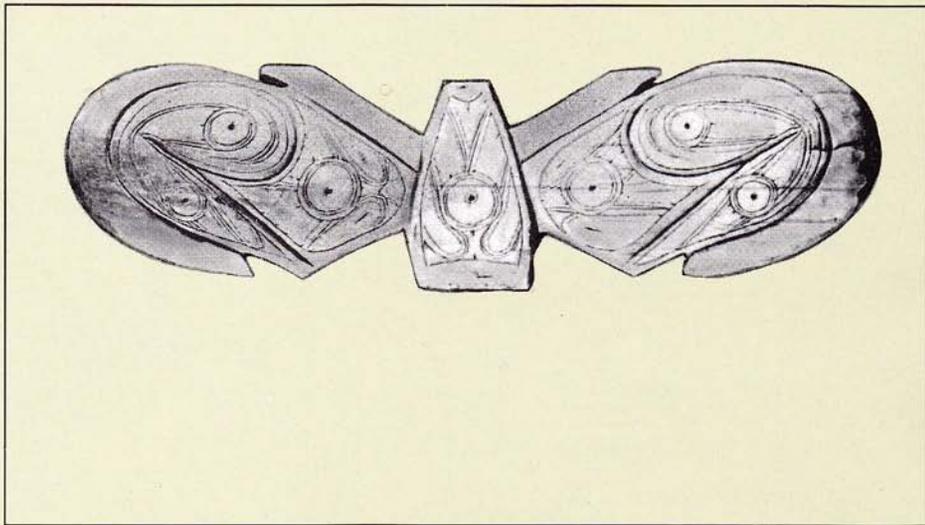
В тесноте темного полога яранги, освещаемой светом жирника, в долгие полярные ночи, когда непогода вынуждала охотников к многодневному заточению в жилище, выполнялись эти изделия древней костяной индустрии. Кропотливая, медленная, тщательная работа способствовала максимальной отделке каждого предмета, который мастер не столько разглядывал, сколько ощущал в своей руке. Содержательность, красота и целесообразность гармонично сочетались в изделиях древнеберингоморской культуры. Скульптуры изображали преимущественно животных, в основном тех, от кого зависела жизнь морских охотников.

Наконечники гарпунов, крюки для транспортировки добычи отличались при своей ярко выраженной утилитарности совершенством форм, богатством пластики. Большой частью они украшены скульптурной резьбой или гравировкой. При таком сложном украшении предмета, имеющем многозначное содержание, сохранилась удивительная приспособленность к человеческой руке, отшлифованность каждого выступа, обеспе-

⁵ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975, с. 173.

Головка древка гарпуна. I—V вв. н.э. Клык моржа, рельефная резьба. МАЭ

Крылатый предмет. I—V вв. н.э. Клык моржа, рельефная резьба, гравировка. МАЭ

чивающее наиболее оптимальное использование предмета в трудовой деятельности⁶.

Гравировка, украшающая эти предметы, имела орнаментальный характер, состояла из овалов, причудливых криволинейных и J-образных фигур, отличалась изысканной красотой. Многократно повторяемые на одном изделии тонкие, изящные узоры находились в неразрывном единстве с формой предмета, акцентируя каждый выступ, подчеркивая его пластику.

Над раскрытием магического значения этих узоров, их содержания работает ряд крупных советских и зарубежных ученых. Вполне очевидно, что орнаменты, нанесенные на предметы охотничьего снаряжения, имели магический характер, способствовали, по убеждению древних жителей побережья, успеху в охоте.

Благодаря многолетним работам археологов шаг за шагом раскрывался своеобразный мир вещей, рассказывающих о жизни, верованиях, обычаях древнего северного народа.

Известно, что народы, живущие на скалистых берегах Берингова пролива, — наследники древней и самобытной культуры. В основе этой культуры, сформировавшейся еще 4 тысячелетия назад, лежал морской зверобойный промысел, достигший уже в то время высокого уровня, показательной приспособленности к тяжелейшим условиям Арктики.

В VIII—IX веках нашей эры к живущим на побережье эскимосам присоединяются чукчи — охотники на дикого оленя. Двигаясь в поисках добычи на север, они застают на побережье Ледовитого океана высокую культуру морского зверобойного промысла. Происходит взаимослияние двух культур — оленеводческой и морской. Многовековые контакты и взаимослияния, общность социальных и природных условий — все это способствовало объединению двух культур — эскимосов и береговых чукчей, отрази-

⁶ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975, с. 173—178.

лось впоследствии, как мы видим, на их фольклоре, танцах, изобразительном искусстве, которые сегодня рассматриваются как единое явление⁷.

Жизнь на арктическом побережье требовала высочайшего напряжения духовных и физических сил. Суровая природа окружала бесстрашных морских охотников: холодное и бурное море, забитое льдом даже во время короткого полярного лета, болотистая, каменистая тундра, необъятные просторы которой большую часть года покрывал снежный саван, неприступные вершины гор на юге, пурга и штормовые ветры.

Берингов пролив, соединяющий два океана — Ледовитый и Тихий, был особенно богат морским зверем. Постоянные ветры, мешающие даже зимой сковать льдом воду, способствовали скоплению здесь морского зверя. Недаром в переводе с эскимосского (Ыкык) этот пролив означает проход для мигрирующих зверей. Продукты морского промысла использовались с удивительной изобретательностью.

Охота на моржа, кита, тюленя, белого медведя давала пищу, одежду, материал для строительства жилищ и лодок. Китовые ребра служили основой для яранг, которые обтягивали шкурами моржа. Шкуры моржа также шли на изготовление лодок, на которых бесстрашные охотники выходили в море на промысел.

Охота на морского зверя — основной жизнеобеспечивающий промысел — с глубокой древности выработала остроту зрения, отработанную четкость движений, тщательную наблюдательность, знание животных, их повадок, характеров.

Анимизм — одухотворение сил природы и предметов — лежал в основе религиозных верований охотников на морского зверя.

Невозможность объяснить загадочные явления суровой природы способствовала рождению фантастических представлений.

Вместе с тем в процессе тяжелой борьбы за существование накапливались практические знания о мире, осмысливался опыт, в результате которого человек выходил победителем из жестоких схваток с силами природы, с гигантскими животными, населяющими холодное и бурное море. Ведь в легком кожаном каяке, а затем в байдаре охотники выходили на поединок с исполином моря — китом, бесшумно подплывали к льдинам, на которых расположились моржи.

Промысел моржа на плавучих льдах требовал умения прыгать через полынью с тяжелым снаряжением; при летней охоте в море необходима была особая осторожность, быстрота реакции, меткость охотника, кидającego гарпун в зверя.

В чукотском и эскимосском языках исключительное значение имели названия промысловых зверей, деталей охотничьего снаряжения. Была выработана особая охотничья терминология. Так, для обозначения состояния моржа, его положения по отношению к охотникам, направления, в котором он двигается, существовало 15 наименований⁸.

В целях точной и быстрой ориентировки в пространстве в эскимосском языке существовало, пишет Г. А. Меновщиков, более двадцати местоимений, каждое из которых обозначало точное местонахождение предмета с определенной стороны и расстояния⁹.

⁷ Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. — Сибирский этнографический сборник, ч. III, 1961, с. 33; Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979, с. 8; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1974, с. 7.

⁸ Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1961, с. 85.

⁹ Там же.

Для обозначения разного рода ремней, входящих в снаряжение охотника, существовало 40 наименований¹⁰.

В нужный момент произносилось одно слово, точно обозначающее ситуацию. Это требовало особой четкости и отработанности действий охотников, особой слаженности небольшого коллектива.

Подобное рациональное использование языка, выделение в нем самого главного по содержанию вызывает аналогии с лаконичным и емким языком сказок, а также с изобразительным творчеством народа — его скульптурой и гравировкой, в которой скупыми художественными средствами выражалось наиболее характерное, наиболее существенное.

Образы фольклора, устного народного творчества прослеживаются с глубокой древности, обладают огромной силой устойчивости и продолжают жить в памяти народа вплоть до настоящего времени.

В нашем столетии фольклор чукчей и эскимосов привлек внимание многих ученых. Огромный материал был собран В. Г. Богоразом. „Длинные пурги, мешающие охотникам выходить на промысел, — писал В. Г. Богораз, — доводят население до голода и, что еще хуже, до полной темноты. Лампы гаснут одна за другой из-за отсутствия ворвани, и голодные люди остаются в темноте и холоде. Эти невольные досуги наполняются и как бы расцвечиваются причудливыми цветами сказочного воображения. Вместе с тем каждая сказка оканчивается неизбежной концовкой: „Ага, я убил ветер“¹¹.

Так сказывалась связь между фольклором и религиозными представлениями. Сказка наделялась магической функцией. Долгими зимними вечерами и днями, когда полярная ночь и непогода вынуждали к бездействию, от людей требовалось особое напряжение психических сил, и их стремление к деятельности выражалось в сочинении, рассказывании сказок, в которых сильные и смелые люди побеждали непогоду, а могучие звери помогали людям. Сказка служила своеобразным заклинанием.

В поселке имелись люди, которые славились как искусные рассказчики. Их специально приглашали в общественные дома, своего рода клубы, где собирались охотники. Хороший сказочник мог не прерывать рассказа несколько дней подряд, искусно нанизывая один эпизод на другой, так что слушатели не замечали спайки. Форма, содержание и акт творчества сказки представляли единый процесс. Сказка была излюбленным видом народного творчества, она вселяла надежду на преодоление таинственных и могущественных сил природы. В сказках отражался суровый мир, в котором жили чукчи и эскимосы, отважные полярные охотники. В. Г. Богораз писал: „Сравнительная простота чукотских сказок нисколько не исключает оригинального величия описываемых картин и положений, которые часто свидетельствуют о высоком напряжении творческой фантазии и прекрасно гармонируют с мрачной, но величественной природой полярного океана, с его ледяными скалами, вечно дующими ветрами и таинственными сияниями“¹².

Сказки свидетельствуют о том, как представляли себе арктические

¹⁰ Там же.

¹¹ Богораз В. Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений. — В кн.: Этнография, 1930, № 1—2, с. 10.

¹² Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора чукчей, ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб., 1900, с. 6.

жители добро и зло, прекрасное и безобразное, храбрость и трусость, в сказках обобщается накопленный в течение долгих веков борьбы за существование коллективный опыт, народная мудрость. Через сказки, как через „лупу времени“, по образному выражению писателя Д. Нагишкина, взор современного человека „проникает в глубь веков“¹³.

В сюжеты сказок вплетаются картины реального быта, повседневной трудовой жизни. Герои сказок имеют каяк и нарты, владеют копьем и луком, умеют загарпунить зверя, живут в обычной яранге. Подлинные детали быта причудливо совмещались с фантастическими, волшебными, благодаря которым люди превращались в богатырей, побеждали злых духов.

На реальную основу чукотских и эскимосских сказок указывал известный современный исследователь фольклора этих народов Г. А. Меновщиков. Говоря о специфических особенностях чукотских и эскимосских сказок, ученый отмечает, что „фантастика здесь уступает место реальному изображению жизненных ситуаций“¹⁴.

Выработанная народом целая система физического воспитания охотника, способного вступить в поединок с коварной природой Арктики, также отражалась в сказках. Длительный бег по болотистой, каменистой тундре, поднимание тяжестей, прыжки, необходимые при охоте на плавающих льдах, борьба — всем этим владели герои чукотских и эскимосских сказок.

В рассказывании сказок проявлялся талант сказителя. В предисловии к книге „Эскимосские сказки“ Г. А. Меновщиков пишет, что „сказитель из Наукана старик Ытаин сказал однажды: если рассказчик не верит в то, о чем рассказывает, то его не будут слушать, так как у него не хватит силы речи“¹⁵. Обычно рассказчик не отделяет вымысел от реальной жизни, то есть выражает то, что заложено в содержании самой сказки, где реальная жизнь и фантастика были неразрывно связаны.

Писатель Д. Нагишкин в предисловии к книге „Сказки Чукотки“ пишет, что „тяжелая борьба за существование давала примеры высоких взлетов и радости удовлетворения, когда человек выходил победителем из схваток со зверем или силами природы. Она сопровождалась опозитивированием и природы, и силы человека, его ума, труда, воли“¹⁶. Человек осмысливал этот опыт, накапливал практические знания, и все это находило отражение в его духовной жизни. „О работе ума человека, скованного отсутствием научного познания мира, находящегося в путях неверных представлений, но пробивающегося в этих дебрях, говорят создания народной фантазии Чукотки — сказки ее народов“¹⁷.

Эскимосские и чукотские сказки в отличие от сказок народов Европы не утратили своей свежести и первоначального своеобразия. Причина этого — в специфике исторического развития народов Чукотки, находившихся долгие века на архаическом социально-общественном уровне, в то время как народы Европы в своем развитии миновали несколько общественно-экономических формаций, что „неизбежно вызывает ломку прежних представлений, переоценку ценностей, глубокую смену круга понятий“¹⁸.

¹³ Сказки Чукотки. Сост. О. Е. Бабошина. М., 1958, с. 7, предисловие Д. Нагишкина.

¹⁴ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1974, с. 14.

¹⁵ Эскимосские сказки и легенды. Сост. Г. А. Меновщиков. Магадан, 1969, с. 9.

¹⁶ Сказки Чукотки. Сост. О. Е. Бабошина. М., 1958, с. 7, предисловие Д. Нагишкина.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 9.

Одни и те же сюжеты варьировались в чукотских и эскимосских сказках. Такое взаимопроникновение объясняется длительностью контактов этих народов, общностью социальных и природных условий, о чем упоминалось выше. Основные фольклорные сюжеты — о женщине-создательнице людей и животных, о вороне, о брачных союзах людей с животными, о сиротке — встречаются в фольклоре обоих народов. В чукотском фольклоре есть сказки на сюжеты морской охоты, в эскимосском — оленеводческие сюжеты.

Вместе с тем, как указывает Г. А. Меновщиков, „в эскимосском фольклоре сохранились и свои, самобытные элементы мифологических преданий, относящихся к глубокой древности, к эпохе, когда азиатские эскимосы составляли неотъемлемую часть общеэскимосского этнического коллектива“¹⁹.

В советское время сказки являются одним из излюбленных видов народного творчества Чукотки. Они живы в памяти народа, неустанно изучаются учеными — историками, этнографами, лингвистами, собираются и записываются. Значение сказок, как памятников устного народного творчества, историко-этнографического, лингвистического источника, четко осознается советскими учеными.

Огромную работу вслед за основоположником изучения фольклора Чукотки В. Г. Богоразом проделали Г. А. Меновщиков, ныне крупнейший специалист по языку и фольклору эскимосов и чукчей, а также Л. В. Беликов, Е. С. Рубцова, К. Г. Сергеева, О. Е. Бабошина. Они являются собирателями и составителями ряда сборников чукотских и эскимосских сказок.

Сказки находят интереснейшее отражение в современном искусстве чукчей и эскимосов — гравировке по моржовому клыку.

Единое мировоззрение, лежащее в основе устного и изобразительного народного творчества, обуславливает органичную связь гравировки по кости и фольклора, естественное претворение сюжетов народных сказок в гравированных рисунках. Перед нами совершенно уникальное явление, не имеющее аналогий. Это не иллюстрация сюжетов сказок в другом виде искусства, а сложный творческий процесс, обусловленный единым мировосприятием, пронизывающим устное и изобразительное народное творчество.

Характер гравировки (изобразительного фольклора) и народных сказок имеют много общего. И гравюре и сказке свойственны повествовательность, насыщенность эпизодами, происходящими в определенной последовательности, излагаемыми в спокойной, эпической манере.

Реальная основа сказок, которую отмечают В. Г. Богораз и Г. А. Меновщиков, является характерной чертой и изобразительного творчества. Действительно, как и фольклор, гравировка чукчей и эскимосов несет в себе наблюдения реальной жизни. В ней преобладают изображения морских животных, глубокое знание их повадок проявляется и в сказках и в гравировке.

В сказках и в гравировке подход к передаче пейзажа аналогичен — это типичный пейзаж Чукотского побережья во всей его суровости. Осо-

¹⁹ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1974, с. 7 (см. текст).

бый лаконизм, характерный для изобразительного творчества, свойствен и языку народных сказок, в котором скупыми средствами достигается яркость и выразительность образов.

Человек, не выделяющий себя из природы, не может провести границу между действительностью и фантастикой. У чукотского охотника совмещаются две группы представлений в подходе к природе — разумно-реальные и магические. Эти два аспекта — реальный и фантастический, являющиеся характерной чертой каждой сказки, ярко выражаются и в гравюре на сказочные сюжеты.

Как в сказке, так и в гравировке один из основных приемов построения сюжета — трансформация человека в животного и наоборот. Так же как и в рассказывании сказок многое зависит от исполнителя, обогащающего сюжет своей фантазией, так и гравюра на сказочные сюжеты обогащается талантом ее исполнителя, выражающего свое отношение к данному сюжету средствами, свойственными ему как художнику.

В обоих видах фольклора время развивается в одном направлении, в строгой последовательности действий героев. Как и в сказке, в гравюре отсутствуют статические моменты в композиции, каждый кадр изображает определенное действие героев, следующее одно за другим в соответствии с сюжетом сказки, то есть и тут и там можно наблюдать однолинейность развития действий. Время в сказке, как и в гравюре, неотделимо от сюжета. Конец сказки совпадает, как правило, с изображением последнего действия героя.

Понимание места и пространства, условное в устном и изобразительном фольклоре, имеет также аналогии. И там, и здесь — свободный переход из одного места, где происходит событие, в другое. Так например, в гравюре на сюжет сказки о ките, похитившем женщину, мастер изображает действие, происходящее то на земле, то на морском дне.

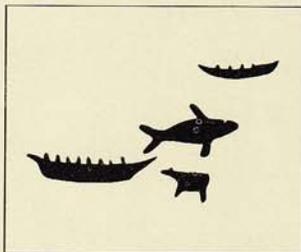
Мы постарались выявить общность поэтических и художественных законов в сказке и изобразительном творчестве. В связи с этой близостью особенно плодотворным было отражение в гравировке народных сказок, что явилось органичным претворением средствами изобразительного искусства фольклорного сюжета.

Традиция своеобразного рассказа в рисунках восходит к глубокой древности. Изыскания советских ученых, проводивших неутомимую работу на земле Чукотки, раскрывают перед нами неизвестные ранее страницы искусства северного народа.

Так, в 1967 году археолог Н. Н. Диков открыл петроглифы на реке Пегтымель, в заполярной Чукотке²⁰. На скалистых выступях были обнаружены силуэтные изображения, выполненные способом неглубоких выбивок, притирания и вышлифовывания.

Древние художники с необычайной убедительностью передают сцены охоты на кита с лодки, на носу которой можно увидеть гарпунера; охоту на оленей, переплывающих реку. Поражает реалистичность, с которой даны изображения животных: кит, пускающий фонтаны воды; олень, опущенные ноги и вытянутая голова которого убедительно создают впечатление плывущего в воде животного. Если животные изображаются реалистично,

²⁰ Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М., 1971.

то люди даются условно, схематично. В этом проявляется черта, типичная для искусства первобытных охотников, для которых главным было овладение зверем. Изображения животных здесь носили магический смысл — пожелание счастливой охоты. „Мечта об обильной добыче определила общий смысл пегтымельского наскального искусства“, — пишет Н. Н. Диков²¹. И вместе с тем петроглифы Пегтымеля — это глубоко реалистичный рассказ о жизни морских охотников. Ученый отмечает, что в пегтымельских петроглифах совмещались реальная действительность и религиозные представления²². Эта же черта типична и для устного народного творчества чукчей и эскимосов, и для отображения фольклорных мотивов в искусстве гравировки.

Н. Н. Диков справедливо отмечает общность пегтымельских петроглифов с современным чукотско-эскимосским искусством резьбы по кости: сходство сюжетов, реалистический подход в изображении животных, повествовательный характер.

Традиция изобразительного рассказа, своего рода магического заклипания, просматривается и в рисунках на дереве, относящихся к концу XIX — началу XX веков. Дерево, как известно, на Чукотское побережье попадало в качестве плавника, выбрасывалось морем. Оно считалось редким материалом. Предметы из дерева — деревянные дощечки, скамейки байдары, весла — украшались изображениями животных. Эти предметы употреблялись на специальных охотничьих праздниках.

Интересны рисунки на веслах, композиция которых в большой мере затем отражается в гравировке на моржовых клыках. Вот один из них из собрания И. П. Лаврова, ученого, художника, многие годы работавшего с мастерами Уэлена. Горизонтальная композиция состоит из двух частей, разделенных вертикальной полосой. Одна из частей — суша с изображением яранг, другая — море с изображением его обитателей: китов, моржей, тюленей, рыб. Важно обратить внимание на такую интересную черту в рисунке на весле — направление движения животных к берегу. Перед нами как бы воспроизведена удачная охота. Об этом писал В. Г. Богораз. Отмечая магический характер обрядов, связанных с морским промыслом, он так их расшифровывает: „Китов и моржей, тюленей и рыб, которые нарисованы на этой доске, пусть мы сумеем добыть в изобилии“²³.

Г. А. Меновщиков также обращает внимание на особое значение чукотских рисунков. Например, на бортах носовой части байдары помещались изображения косатки, по представлениям местных жителей, — покровительницы морской охоты²⁴.

Анимистические представления о мире у эскимосов и чукчей нашли яркое выражение в отношении к животным. Вера в родственную связь человека с животными пронизывала мировоззрение жителей Чукотского побережья вплоть до нашего времени. Считалось, что зверя не убивали — он сам приходил в гости к охотникам. В эскимосском языке отсутствовало слово убить, а говорили — добыл, онерпился, оморжился²⁵. Основной обряд и основной миф фольклора, связанный с морским зверобойным промыслом, — это умирающий во время охоты и воскресающий при при-

²¹ Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М., 1971, с. 54.

²² Там же, с. 54.

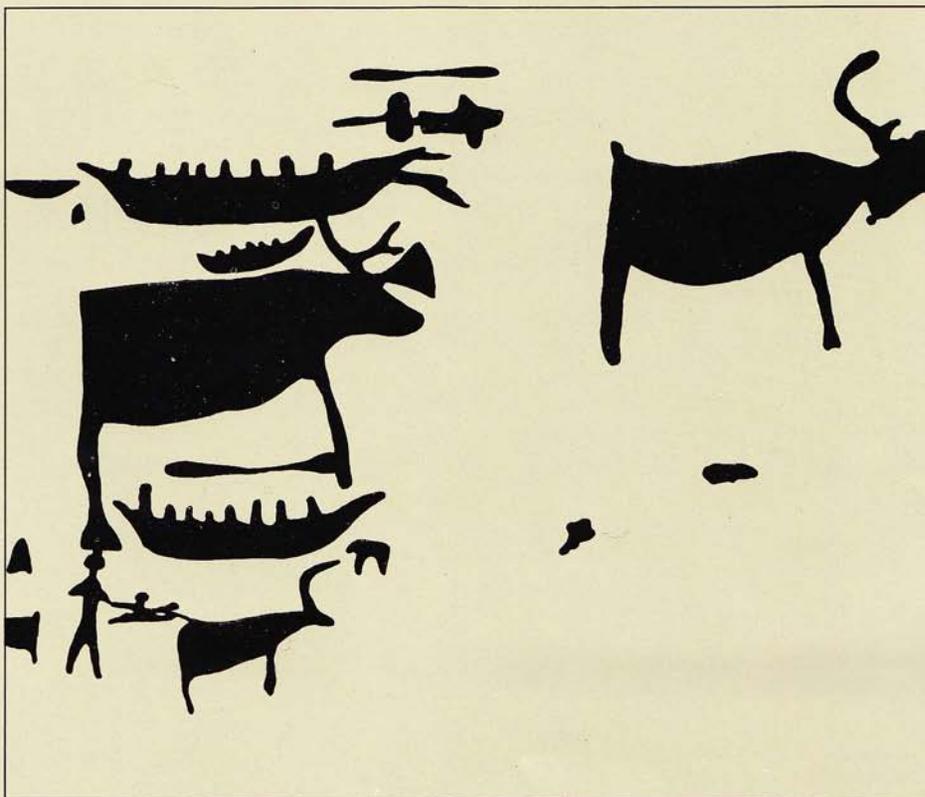
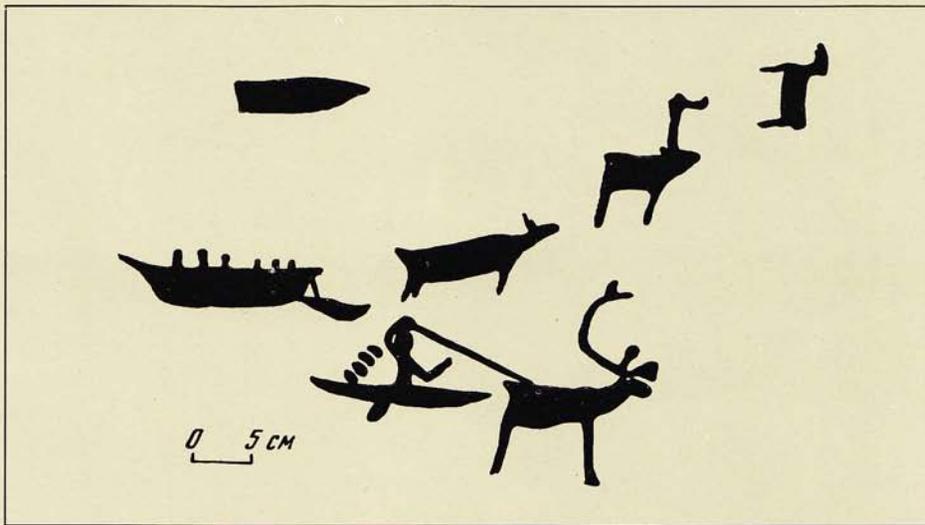
²³ Богораз В. Г. Выставка „Чукотское общество“ (путеводитель). Л., 1934, с. 18.

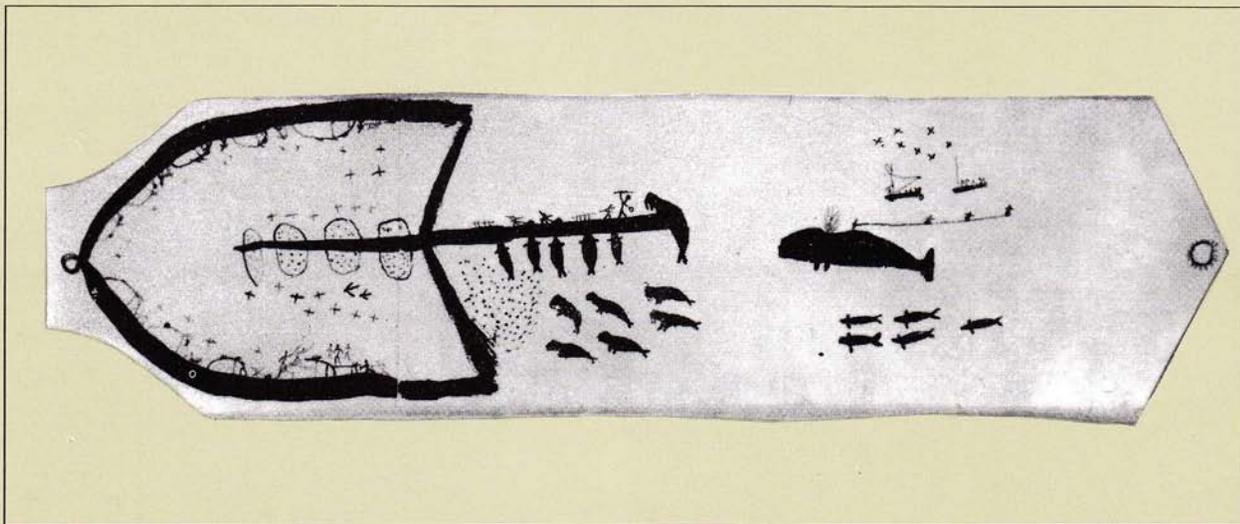
²⁴ Меновщиков Г. А. Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.

²⁵ Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1961, с. 68. 88.

**Фольклор
в гравировке
по кости**

**Наскальные росписи Пегты-
меля. От I тыс. до н.э. до сере-
дины I тыс. н.э. По книге
Н. Н. Дикова: Наскальные загад-
ки древней Чукотки (петроглифы
Пегтымеля). М.: Наука, 1971.**

Весло ритуальное. XIX в. Рисунок, бумага. Архив И. П. Лаврова.

мирении с охотниками зверь. „Добытый кит — великий гость“, — говорили эскимосы.

Бросая куски мяса в море, умиливляя зверя, люди говорили: „Ты пришел ко мне погостить, спасибо. Отпускаю тебя обратно, и в следующий раз приходи ко мне во множестве“²⁶. „Обряд является разыгрыванием фольклорного сказания, а фольклор — обрядовым сказанием, претворением в слово“²⁷. Обряд, ритуальная вещь и слово находились в синкретическом единстве.

Немецкий ученый Химмельхебер²⁸ также отмечает связь устного и изобразительного творчества, публикует фотографии, где эскимосские дети рассказывают сказки, чертя палочкой рисунки на земле. Рассказ в танце, рисунке, слове — все это синтезировалось в обряде.

Таким образом, форма рассказа органична для всех видов народного творчества, необычайно устойчива. Эта особенность просматривается в магических обрядах, где танец и слово находятся в единстве и в рисунках на ритуальных предметах из дерева и в гравировке по кости.

На исключительные способности чукчей и эскимосов к рисунку и вообще к изобразительному творчеству указывали ряд ученых, занимавшихся культурой народов Севера. В. Г. Богораз во время своего пребывания на Чукотке в 1889—1900 годах собрал множество рисунков, с достоверностью изображающих быт местных жителей, способы охоты на кита и моржа, ловлю уток²⁹.

Рассматривая их, можно прочесть своеобразный рассказ о жизни и занятиях охотников на морского зверя и оленеводов. „Целому ряду народов, живущих в условиях сравнительно примитивного хозяйства, присущи исключительно высокие изобразительные графические и живописные способности“³⁰, — пишет А. М. Шуберт.

²⁶ Там же.

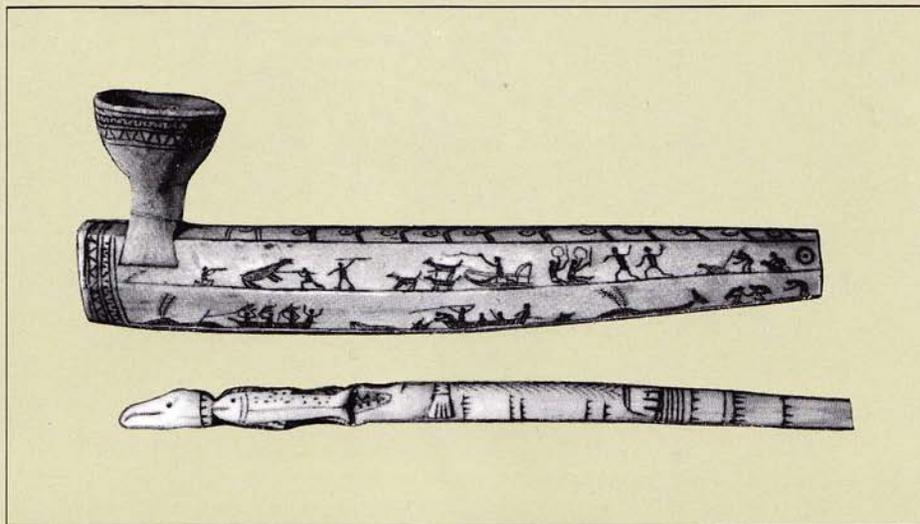
²⁷ Богораз В. Г. Основные моменты фольклора Северной Евразии и Полярной Америки. Ленинградское отделение архива АН СССР, ф. 250, оп. 1, №48, с. 3.

²⁸ Himmelheber Hans. Eskimo Künstler. Eisenach, 1951, рис. 2, 3.

²⁹ Богораз В. Г. Чукотские рисунки. — Сборник в честь восьмидесятилетия Д. Н. Анучина. М., 1913.

³⁰ Шуберт А. М. Изобразительные способности у детей эвенков (тунгусов). Л., 1935, с. 12.

**Фольклор
в гравировке
по кости**

Трубка. Конец XIX — начало XX вв. Клык моржа, резьба, гравировка. МАЭ

Палочка. Конец XIX — начало XX вв. Клык моржа, резьба, гравировка. МАЭ

Опыт изобразительного рассказа проявляется и в гравировке на клыке моржа. Бытовые предметы — ручки ведерок, курительные трубки, выполненные во второй половине — конце XIX века, украшены орнаментальной, а затем и изобразительной гравировкой. Орнаментальные формы имеют свой магический смысл. Так, ручка для ведерка, украшенная фигурами в виде раздвоенных китовых хвостов, вероятно, символизировала изображение китов, заключала в себе пожелание счастливой охоты. Рассматривая другие предметы из кости, можно увидеть миниатюрные гравированные изображения оленей, птиц, а затем и сцены охоты.

Сюжетная гравировка на клыке моржа появляется в первые годы нашего столетия, а формируется как самостоятельное художественное направление в 20—30-е годы. Это яркий период в жизни чукчей и эскимосов, когда происходит становление новых форм быта, когда искусство приобретает новое содержание, утрачивая свою прошлую магико-религиозную функцию. Однако многое в мировоззрении чукчей и эскимосов, что связано с особой близостью к природе, отношением к животным, значением в жизни людей охоты, — продолжает оставаться. Отсюда и связь искусства с жизнью, отсюда и сохраняющаяся в настоящее время связь устного и изобразительного творчества.

В наше время, когда в корне изменился уклад жизни народа, казалось бы, охота перестала быть насущной необходимостью для выживания в суровых северных условиях. Сегодня в самые отдаленные поселки Чукотки морем и по воздуху доставляются продукты питания, одежда, мебель, книги, строительные материалы и многое другое. И все-таки охота для приморских жителей является не только духовной потребностью. Они до настоящих дней продолжают в свободное время охотиться на моржа, нерпу, тюленя, могут часами сидеть в неподвижности на льду у лунок в

**Фольклор
в гравировке
по кости**

**Разделка моржа, фрагмент.
1920—1930-е гг. Клык моржа,
цветная гравировка. Дежнево,
ГМЭ**

ожидании добычи. В летнюю пору, когда над поселком пролетают утки, азартная стрельба слышна и днем и светлой арктической ночью. И когда даже коротким северным летом пролив плотно забивают льды, мужчины опечаленно говорят: моря нет, плохо — охоты нет. И какое же наступает ликование, когда южный ветер отрывает ледяной припай и открывается синяя полоса воды! Она все ширится и ширится по мере движения льда. Наступает пора охоты. В охоте житель Севера наиболее свободно, ярко проявляет свою смелость, находчивость, быстроту реакции, точность руки и зоркость глаз. Охота продолжает оставаться существенной стороной быта современного жителя Чукотки. Она питает и вдохновляет современного резчика по кости, насыщая создаваемые им работы характерными деталями.

В прошлом каждый мужчина-охотник, добывающий моржа, имеющий моржовый клык, умел его обрабатывать, создавая из него разнообразные изделия. Особое чувство материала свойственно жителям Чукотского побережья с глубокой древности. С моржовым клыком связано мировоззрение прибрежных жителей, в его обработке заключалась целая философия, поскольку моржовый клык ассоциировался с охотой, с животными, занимающими в материальной и духовной жизни чукчей и эскимосов особое по своей значимости место.

Искусство художественной обработки кости проявляется в настоящее время в двух видах: резьбе (скульптуре) и гравировке по клыку моржа. Именно в этих видах творчества выражается мировоззрение художника-охотника, чья жизнь неотрывна от природы.

Отражение в гравировке по кости фольклорных сюжетов — одно из художественных направлений в развитии современного искусства резьбы чукчей и эскимосов. Чтобы понять значение этого направления, его место в современном косторезном искусстве, надо коротко рассказать об этом

Танцы на празднике кита, фрагмент. 1920—1930-е гг. Клык моржа, цветная гравировка. Дежнево, ГМЭ

искусстве, его художественных особенностях и своеобразии, о его современном состоянии.

Начнем со скульптуры. В этой области творчества работают в основном мужчины. Общим для всех мастеров является приверженность к анималистической скульптуре — изображению животных, особое проникновение в мир северных зверей, обусловленное мировосприятием художника-охотника, зоркий взгляд которого придает каждой скульптуре особую убедительность, своеобразие. Трудно найти две одинаковые скульптуры в многочисленных изображениях животных. Особенно излюбленны изображения животных, населяющих море, — моржи, тюлени, нерпы, киты. Одиночные фигуры животных, как правило, статичны, лишены детализации, они гладкие, как бы омытые волнами холодного океана.

Минимум порезок, наполненность скульптурной формы, отшлифованная поверхность типичны для этих небольших скульптур, которые приятно держать в руках, подолгу рассматривать. Эта тактильность ощущения восходит к глубинной традиции древнеэскимосской культуры (так называемой древнеберингоморской культуры), датируемой первыми веками нашей эры.

Мастерство резчиков проявляется в скульптурных композициях. Например, медведь набросился на моржа, волки накинулись на оленя; два медведя дерутся из-за добычи — лежащей у их ног нерпы. И в этих работах чукотским и эскимосским мастерам удается очень выразительно передать характер зверей, силу нападающего, ярость обороняющегося зверя.

Статичность, особая малорасчлененность формы, исходящая от понимания скульптуры как амулета, обусловленная магическими представлениями о мире, просматривается еще в скульптуре 20—30-х годов нашего столетия. Затем, в связи с изменившимися социально-экономическими условиями, мировоззрением, происходят изменения и в чукотско-эски-

мосской пластике: появляется тенденция изобразительности, рождаются сюжетные скульптурные группы. В 40—50-е годы изображение человека — труженика Чукотки, охотника, оленевода — активно входит в скульптурные композиции, посвященные жизни современного чукотского поселка, сценам национального быта. Интересно отметить разницу в трактовке человека и животного, что также связано с древними мировоззренческими истоками. В изображении зверя в чукотско-эскимосской пластике преобладают лаконизм, обобщение, особая монументальность при небольшом размере; в передаче человека — больше изобразительных черт.

Выразительно передается тема материнства в мире животных в работах Вуквутагина.

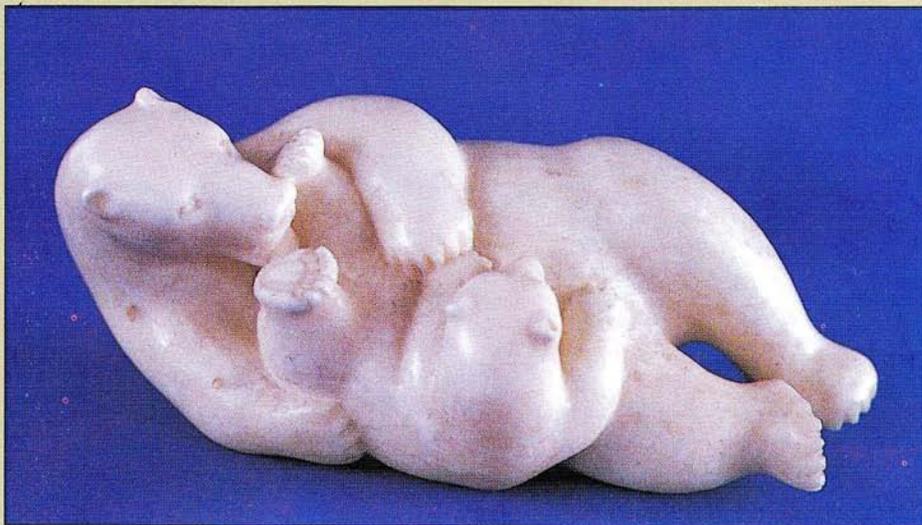
Преклонение перед могучим и вместе с тем добрым зверем, дающим убить себя ради пропитания береговых жителей, пронизывает многие скульптуры. Работы эскимоса Хухутана, относящиеся к 50-м годам, вошли в золотой фонд национальной пластики. В композиции „Охота на моржа“ отражается мировоззрение Хухутана — охотника и художника. Мастер создает убедительный образ могучего малоподвижного зверя-исполина и кажущегося рядом с ним маленьким бесстрашного охотника. Эту тему развивает в своем творчестве Николай Килилой, работы которого в основном относятся к следующему десятилетию. Он создает многофигурные композиции, целостность которых обуславливается ритмическим единством движений людей и животных. Работы этого мастера имеют общность со скульптурами Хухутана, что можно объяснить сходством мировосприятия.

В творчестве Туккая, работавшего в 70-е годы (он был долгое время художественным руководителем Уэленской мастерской), преобладают сюжетные композиции с изображениями оленеводов, морских охотников, жителей Чукотки. Как правило, работы Туккая пронизаны активным движением, что обусловлено и выбором сюжетов: борьба человека и медведя; нападение волка на оленя; оленевод, забрасывающий чаат (аркан) на оленя; перекочевка стада оленей. В творчестве этого мастера ярко просматриваются черты изобразительности в современной скульптуре из кости.

Особый интерес представляют работы рано ушедшего из жизни Льва Никитина. Молодой мастер глубоко, творчески пытался осознать лучшие традиции национальной пластики. Скульптурная группа „Охотник и лас-так“ отличается целостностью композиции, монументальностью, экспрессией движений человека и животного, изображенных в последний миг смертельной схватки.

Эти черты в работах Льва Никитина являются примером для резчиков Виктора Теютина, Анатолия Тымнетагина, Григория Татро, отражающих в своих композициях сцены национального быта (починку лыж-снегоступов, резку китового жира, обработку ремней из моржовой кожи), то есть того, что хорошо известно, близко и понятно жителю прибрежного поселка.

В лучших из работ подобного типа наблюдаются ритмичная согласованность построения скульптурной группы, правдивость и выразительность движений персонажей, обобщенная трактовка скульптурной формы.

ВУКВУТАГИН.
Медведица с медвежонком.
1956. Клык моржа, резьба. Уэлен.
УКМ

Скульптура Виктора Теютина, сына резчика Теютина и известной художницы-гравера Веры Эмкуль, отличается особым своеобразием. В понимании скульптурной формы у этого мастера преобладает блок, массивный кусок кости (независимо от размера скульптуры), а в образах зверей просматривается то особое отношение к животным, отголоски которого восходят к глубокой древности.

Другой вид современного искусства — гравировка по клыку моржа — это своеобразный рассказ о жизни маленького чукотского поселка, протянувшегося узкой полосой вдоль студеного моря. Вот охотники отправились в море на промысел зверя, спускают на воду байдары, подплывают к льдинам, где расположились тюлени, кидают гарпуны. На берегу идет разделка добычи. В поселок стремительно влетают нарты, запряженные упряжкой собак. Перед нами рассказ в гравированных рисунках, изобразительное повествование — своеобразный вид современного национального творчества чукчей и эскимосов. Казалось бы, техника исполнения относительно несложна. Но в действительности она требует глубокого понимания свойств материала, остроты зрения, таланта рисовальщика и безупречного владения нехитрыми инструментами — миниатюрными коготком и кисточкой.

Прежде всего клык моржа обрабатывают с двух сторон, снимая верхний слой, природные неровности, пока его поверхность не станет ровной, блестящей, без шероховатостей, пока не выявится его природная красота. Мастер — автор будущего произведения делает все это сам, ощущая в руке форму, слегка изогнутую, несколько выпуклую, более широкою с одной стороны и сужающуюся с другой. Эта природная форма с ее объемом и горизонталью подсказывает мастеру многое и в расположении миниатюрных рисунков, и в самом их характере.

ТУККАЙ.
Охотник, олень и волк. 1956.
Клык моржа, резьба. Уэлен.
УКМ

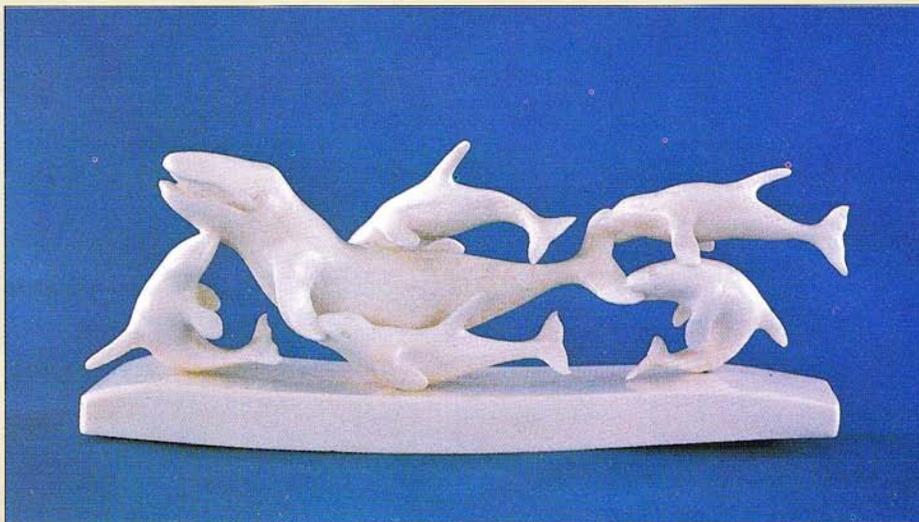

Когда клык подготовлен, специальным металлическим инструментом, имеющим форму когтя (за что его и называют по-русски „коготок“, а по-чукотски „вагыльхын“), наносится линия, обозначающая контур миниатюрного рисунка. Эти углубления обычно заштриховываются черным карандашом. Затем цветом заполняется внутренняя часть каждого изображения. Для этого поверхность кости покрывают бороздками, образуемыми миниатюрной стамесочкой с насечками на конце. Такую стамесочку называют „кисточкой“. Бороздки заполняются цветными карандашами. От частоты бороздок, образуемых „кисточкой“, зависит густота цвета.

Изображения в чукотско-эскимосской гравировке обычно имеют черный контур, оживленный цветом. Синий, красный, желтый, зеленый цвета придают декоративный характер этим необычным гравированным рисункам, цветовые решения которых очень разнообразны. Особенно интересно используется естественный цвет кости, являющийся фоном и воспринимаемый то как зимняя тундра, то как покрытое ледяными торосами море, то как северное небо. Сложные, многофигурные композиции мастер с большим искусством размещает на поверхности моржового клыка. Редко мастера пользуются карандашом, набрасывая предварительно рисунок на кости. И еще более редко рисуют на бумаге будущую композицию. Обычно они говорят: на бумаге все линии кривые.

Мастера гравируют сразу на поверхности кости. Этому помогает способность к рисованию, прекрасная зрительная память, в которой удивительно устойчивы образы северной природы.

Свою многофигурную композицию мастер-гравер складывает непринужденно, легко. Естественно рождаются одно за другим изображения. Сначала основные, крупные, как бы вехи в рассказе, а затем дополняющие их мелкие. Точный глаз безошибочно определяет масштаб

ТУККАЙ.
Кит и косатки. 1971. Клык
моржа, резьба. Уэлен. УКМ

изображений, их место на поверхности клыка, просветы белого фона — естественного фона кости. Композиция — рассказ в рисунках — ведет свое начало от широкого основания клыка, где даются наиболее крупные изображения, к его узкому концу, по мере приближения к которому и уменьшается постепенно рисунок.

Обычно моржовый клык покрывается гравировкой с двух сторон: мастер как бы продолжает свой рассказ на избранную тему. Существует и другой прием. На одной стороне изображается морская охота, на другой — занятия оленеводов: ловля или приручение оленей. Излюбленные сюжетные мотивы — жизнь морских охотников и оленеводов, жизнь моря и тундры — неоднократно варьируются мастерами, каждый раз получая новую интерпретацию. Вот почему граверов по праву называют художниками моря и тундры.

Поселок, протянувшийся узкой полосой вдоль берега моря, упирающийся в сопки, за которыми раскинулись просторы тундры; море с его неухающей жизнью даже зимой, когда охотники уходят далеко во льды в поисках добычи, и с обильной охотой и рыбной ловлей летом; тундра с пасущимися стадами оленей, в ярком цветении во время короткого северного лета и бескрайней снежной равниной зимой; занятия морских охотников и оленеводов — все это находит отражение в работах граверов. Все, казалось бы, работают над одной темой. Но в том и сила этого древнего и одновременно молодого искусства, что оно рождает внутри себя разнообразные варианты на традиционной основе. В работах мастеров на одну и ту же тему, творящих в русле коллективной традиции, можно всегда усмотреть индивидуальные черты. Эти черты выражаются в цвете, масштабе рисунков, приемах расположения их на клыке.

Каждый день, выйдя из дома, мастера видят море, которое подступает к их окнам, видят сопки и тундру, которые покрыты то снегом, то

**Фольклор
в гравировке
по кости**

ТЕЮТИН В.
Охотник и медведь. 1979. Кость
кита, резьба. Уэлен. УКМ

цветным ковром; каждый день зоркий глаз подмечает мельчайшие изменения в погоде, в цвете моря, неба, сопки и земли. Утки, летящие над косой, медведь, показавшийся на дальней сопке, приход вельбота с добычей — убитым моржом, разделка туши на берегу, охотник, тянущий за собой нерпу, — все это в поле зрения мастеров-граверов, все это они видят даже из окна мастерской. И эти непосредственные впечатления естественно и непринужденно отражаются в гравированных композициях. Способность к импровизационному рисунку очень велика у чукчей и эскимосов. Повторяя одну и ту же тему, мастер каждый раз сочиняет новую композицию.

Этот глубоко национальный и самобытный вид творчества не оставался статичным, пережив значительную эволюцию в советское время. Гравировка 20—30-х годов отличалась крупным масштабом изображений, яркими контрастными цветовыми сочетаниями, лаконичным выразительным силуэтом. Ритмическое расположение цветowych пятен сообщало гравировке этого времени черты декоративности. В последующие десятилетия, в силу стремления мастеров дать максимум информации, что связано с меняющимся мировоззрением, появляется плотное заполнение клыка, уменьшается масштаб изображений. В работах 70—80-х годов получают творческое осмысление декоративные качества гравировки 20-х годов, постепенно формируя новые стилистические черты в этом виде национального искусства. Повышается роль колорита, средствами которого передается содержание. Большое внимание мастера обращают на ритмическое расположение гравированных рисунков, образную выразительность силуэта; усиливается роль фона, входящего в общий эмоциональный строй композиции.

Естественно, что в творчестве мастеров-граверов большое место занимают и сюжеты, отражающие жизнь современной Чукотки. Излюб-

НИКИТИН Л. Н.
Охотник и лахтак. 1971. Клык
моржа, резьба. Уэлен. УКМ

ленны композиции, посвященные национальным спортивным праздникам. Здесь изображаются традиционные состязания в силе и ловкости: ходьба в мешках, бег с посохом, поднимание тяжестей, борьба, езда на собачьих и оленьих упряжках. В быту чукчей и эскимосов большое значение придавалось физическому воспитанию молодого охотника. Суровая природа, полная коварных неожиданностей, требовала выносливости, силы, смелости.

По-прежнему мастера изображают сюжеты, связанные с жизнью тундры и моря. Жизнь современного поселка, работа в Уэленской мастерской, разгрузка парохода, занятия чукотской женщины — все это находит отражение в гравированных композициях.

Разглядывая миниатюрные гравированные рисунки, можно увидеть вертолет, прилетевший в стойбище к оленеводам; вездеход, приезжающий в прибрежный поселок; корабли, стоящие вдали от уэленского берега. Часто встречается изображение поселка, имеющее почти документальную точность: новые жилые дома, здания школы, детского сада, интерната, почты. Мастера отражают в своих работах приметы нового времени, новой жизни. Чукотские и эскимосские граверы своего рода бытописатели, рассказывающие о своей жизни в глубоко своеобразной манере изобразительного повествования.

Если в прошлом резьба по кости была профессией мужчин, то теперь в этом искусстве ярко проявляют себя женщины. Можно сказать, что в советское время искусство гравировки становится преимущественно областью творчества женщин. Это значительное событие, порожденное советской действительностью. Трудно переоценить важность приобщения чукотских и эскимосских женщин к художественной обработке кости, где они выступают наравне с мужчинами как создатели произведений национального искусства, являются полноправными представителями современной художественной культуры.

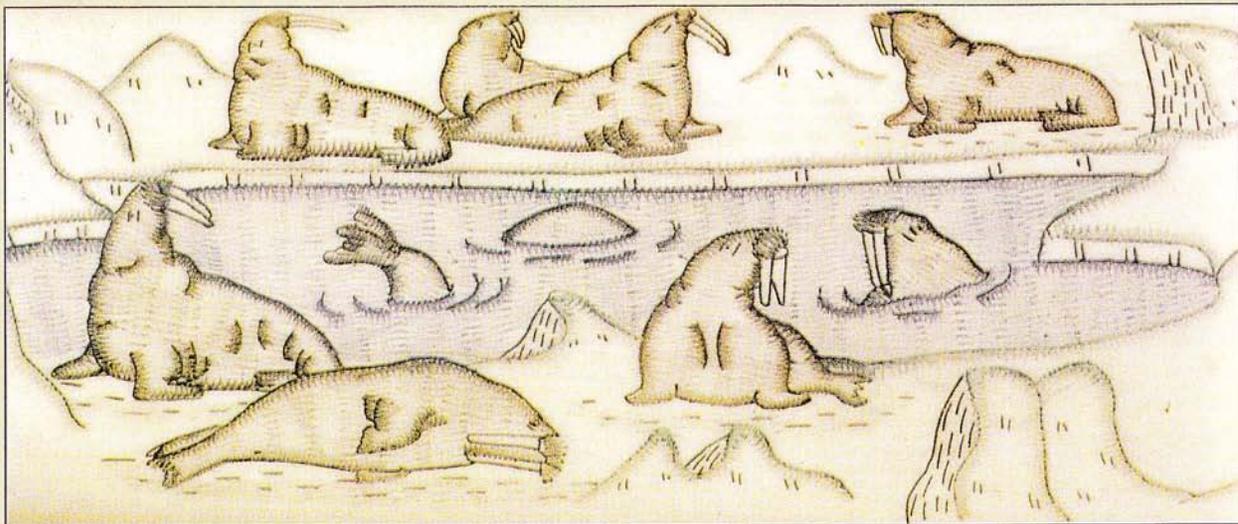
ЯНКУ Е.
Тундра и море. 1976. Фрагменты.
Клык моржа, цветная гравировка.
Уэлен, частная коллекция.

Переход женщин к искусству гравировки был облегчен тем, что каждая из них умела вышивать, украшать одежду, знала множество узоров. В разнообразии орнаментов, глубоком понимании свойств материала, меха, кожи, знании национальных швов проявилась их богатая фантазия. Все это помогло чукотским и эскимосским женщинам органично войти в новый для них вид национального искусства, освоить его и отразить в нем свою творческую индивидуальность.

До сих пор мастера-граверы старшего поколения — Вера Эмкуль, Галина Тынатваль, Елена Янку с удовольствием шьют тапочки, подушки, мячи, украшают их вышивкой, меховой мозаикой, знают множество различных орнаментов.

В последние годы гравировкой стали заниматься и молодые мастера. Интересно отметить, что у молодых наблюдается стремление овладеть одновременно обоими видами традиционного искусства — и резьбой, и гравировкой.

Оба вида современного косторезного искусства чукчей и эскимосов — скульптуру и гравировку — пронизывает единое мировоззрение. Образ животного — моржа, тюленя, нерпы, медведя, оленя — запечатлен в памяти мастера во всем характерном облике. Постоянная близость к животному миру способствует этому. Вырезая или гравировав то или иное животное, мастер не нуждается ни в наблюдении с природы, ни в помощи фотографий, иллюстраций. Образ животного отпечатан в памяти мастера, и он с легкостью переносит его в резьбу или гравированный рисунок. Особая зрительная память, острое зрение, схватывающее целиком объект — животное, пейзаж, — все это типично для прибрежного жителя Чукотки. Определить ширину полыньи, высоту льдины, длину полосы кашеобразного льда, характер и состояние животного, на которого ведется охота, — все это непосредственно может отразиться и на ре-

зультатах охоты, и на судьбе самого охотника. Пейзаж, где полоса моря, покрытого льдами, тундра под снежным покровом, бледное северное небо сливаются воедино, требуют особой остроты зрения, особой способности зрительного восприятия, охватывающего все существенное.

Своеобразием отличается и трактовка человека. Мы не увидим в его изображении каких-либо эмоций, настроений, индивидуальных черт. Дан человек вообще — типичный житель Чукотского побережья в его характерной одежде, член коллектива, который только сообща может противостоять суровому миру Арктики. Чувство коллективизма, взаимной помощи — характерная черта быта жителей Чукотского побережья. Охота на байдаре или вельботе бригадой, раздел добычи на всех, помощь одиноким старикам, сиротам — все это издавна определяло взаимоотношения людей, живущих в одном стойбище. Отсюда, очевидно, и отношение к человеку как к члену коллектива, объединенного определенными нормами жизни, единым мировоззрением. Отсюда отсутствие индивидуальных, психологических черт в изображении человека в резьбе и гравировке по кости.

Те или иные поступки героев гравированных композиций и скульптур передаются характерными движениями, позой. Психологические моменты в изображении лиц, как правило, отсутствуют. То же относится и к пейзажу, поскольку характер местности, состояние моря, льдов, направление ветра — все это имеет непосредственное отношение к охоте, все это охватывается точным зорким взглядом, оценивающим состояние природы и намечающиеся в ней изменения.

Обращение современных граверов к фольклорным сюжетам началось в 30-е годы нашего столетия. Мы уже говорили, что 20—30-е годы — яркий период в чукотско-эскимосском искусстве. Теряя магический характер, искусство чукчей и эскимосов наполняется новым содержанием,

обогащается новыми формами. В это время формируется как самостоятельный вид национального искусства сюжетная гравюра, получает дальнейшее развитие скульптура. Проявляют себя как талантливые мастера резчики и граверы. Их работы посвящены темам, отражающим новую жизнь людей советской Чукотки. В этот же период появляются и первые гравированные композиции на сюжеты чукотских и эскимосских народных сказок. Мы уже говорили о том, что особенности чукотского и эскимосского фольклора имеют аналогии с графическим искусством.

Первой сказкой, которая нашла отражение в искусстве гравировки, была сказка о злом духе Келе. Она записана В. Г. Богоразом и опубликована в 1900 году³¹. Сюжет ее примерно таков. Злой дух Келе поймал девушек, повесил их на дерево и отправился за ножом, чтобы расправиться со своей добычей. В это время появляется хитрая и умная лиса, которая освобождает девушек и вешает на дерево их меховые одежды — керкеры. Возвратившийся злой дух Келе обнаруживает обман. Он преследует девушек, перешедших реку, но по их совету выпивает воду и гибнет.

Работа над фольклорными сюжетами проходила при консультации Александра Леонидовича Горбункова — первого профессионального художника, приехавшего на Чукотку помочь возрождению косторезного промысла³². А. Л. Горбунков предлагал своеобразное проигрывание сюжета сказки в рисунках и пластилине, соединение рассказа и действия, что было характерно для чукотских и эскимосских танцев-пантомим. Каждый из граверов решал задачу по-своему. Затем при коллективном просмотре выбирался лучший эскиз, который и выполнялся одним мастером, также выдвинутым в результате коллективного обсуждения.

Многие мастера с увлечением работали над сюжетом сказки о Келе. Лучшим был признан эскиз, выгравированный двадцатисемилетним чукчей Рыпхыргином³³ из селения Янракиннот. Сюжет сказки развертыва-

³¹ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора чукчей, ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб., 1900, с. 408.

³² Митлянская Т. Б. О работе профессиональных художников с народными мастерами Чукотки. — Сб. трудов НИИ художественной промышленности. М., 1972, № 6.

³³ Эта работа находится в Музее Арктики и Антарктики в Ленинграде.

ется в рисунках, расположенных в логической последовательности, представляя своеобразный рассказ. Черный контур рисунков обогащался синей подцветкой по краю. Девушки изображались маленькими рядом с огромным безобразным многоруким Келе. По окружности широкой стороны клыка выгравирована надпись: „Черт и девки“. Так была названа мастерами эта первая работа на фольклорный сюжет.

Сюжет сказки о Келе впоследствии многократно варьировался, получая различное претворение у разных мастеров. Пробовали свои силы и молодые — Вера Эмкуль, Энмина, Кмеймит, Надя Краснова. В каждой из работ проявлялись индивидуальные черты мастера-гравера. Это выразалось как в восприятии сюжета и изображении героев сказки, так и в передаче пейзажа. Один и тот же сюжет в зависимости от исполнителя получал разную интерпретацию, изображения одних и тех же персонажей — разную трактовку.

Например, в гравюре Нади Красновой деревья имеют толстые стволы и длинные, опущенные вниз ветви. Тонкий графический рисунок дан почти без подцветки. Вода изображена в виде вертикальных линий. Злой дух Келе нарисован с лицом, расположенным посередине туловища.

В работе Кмеймит — интенсивная подцветка, деревья с тонкими стволами и горизонтальными ветвями. Вода передается в виде густо заштрихованных косых полос. Келе — с огромной треугольной головой и раскрытой пастью. Вся композиция делится на кадры вертикальными полосами.

Вера Эмкуль создала несколько вариантов сказки о злом духе Келе. Ее работы отличают очень точный, выразительный рисунок с выверенным силуэтом, четко организованная композиция.

Вместе с тем в работах этих трех мастеров трудно отделить элементы личного от коллективного, как и во всяком народном искусстве. Рассма-

тривая гравюры, мы видим, что всюду Келе изображается огромным, угрожающе безобразным, многоруким чудовищем, а девушки — маленькие, легкие, быстрые в движениях. Общим является и изображение лисы, действующей так же разумно, как и люди. Эта черта, объединяющая в мировоззрении мастеров людей и зверей, — отголосок древних представлений.

Излюбленной была в коллективе мастеров сказка о великане Лолгылине, дремлющем на льдинах среди океана и спасающем заблудившихся охотников. Великан сажает охотников вместе с байдарой в свою гигантскую рукавицу, где они переживают зиму и благополучно возвращаются домой.

Сказка о великане Лолгылине, связанная с бытом охотников на морского зверя, была известна жителям прибрежных поселков. Художник и искусствовед Игорь Петрович Лавров, работавший с мастерами Уэлена, записал в 1940 году сюжет этой сказки со слов чукчи Рыпхыргина из поселка Янракинот³⁴. Рисунки для гравировки выполнил молодой и талантливый мастер Вуквол³⁵.

Вуквол, чье имя носит Уэленская мастерская, известен как автор гравированных композиций „Легенда о Ленине“ (1939 г.)³⁶, „Спасение челюскинцев“ (1936 г.), которые находятся в Музее В. И. Ленина и Центральном музее Революции СССР. Этот художник успешно пробовал свои силы и в новых видах искусства. Так, в 1937 году он разрабатывал роспись портала на выставке „Народное творчество“ в Москве, сделал также иллюстрации к сборнику чукотских сказок. Жизнь Вуквола оборвалась рано — он погиб, защищая Родину во время Великой Отечественной войны.

Вуквол выполнил три рисунка на сюжет сказки о Лолгылине. Изображение огромного кита, уже загарпуненного охотниками и увлекающего за собой байдару в бездну моря, занимало большую часть первого листа. Здесь чувствовалось, что автор владеет перспективой, иллюзорной передачей пространства. На втором листе можно было увидеть огромную фигуру Лолгылина и охотников, прячущих байдару в рукавицу великана. Третий лист рассказывал о том, как великан пытается проглотить кита, как охотники вытаскивают байдару, чтобы возвратиться домой, и как спит великан, а от его дыхания кувыркаются медведи. Все эти рисунки расположены на листе еще не в логической последовательности. В дальнейшем, как мы уже видели, в гравировке на моржовом клыке избирательное претворение этого сюжета получает логическое развитие.

В горизонтальной композиции, соответствующей форме клыка, кадры следуют один за другим по ходу сюжета сказки. Важно еще отметить, что иллюзорность пространства, свойственная рисунку Вуквола, не проявляется в работах мастеров-граверов. Связь рисунка с поверхностью моржового клыка, чувство материала определяет иное решение, скорее плоскостное, и преимущественно профильную трактовку изображений.

Уже в рисунке Вуквола мы видим сочетание реальности и фантастики, являющееся типичной чертой фольклора чукчей и эскимосов и ставшее характерным впоследствии и для гравировки на сюжеты на-

³⁴ Архив И. П. Лаврова. В 50-е годы он был художественным руководителем Уэленской мастерской.

³⁵ См. об этом художнике: Широков Ю. А. Чукотский художник Вуквол. — Записки Чукотского краеведческого музея, вып. VI. Магадан, 1973.

³⁶ Об этой работе мы расскажем далее.

ЭМКУЛЬ В.
Охота на кита. 1945. Фрагмент.
Клык моржа, цветная гравировка.
Уэлен. МНИ

родных сказок. Великан, когда шагал по морю, заглатывая мимоходом кита, как мелкую рыбешку, был одет в плащ из моржовых кишок, типичный для берегового охотника. Когда же он сидел на берегу, на нем была также типичная для жителя Чукотки одежда — кухлянка и торбаса. Реальные наблюдения жизни и быта пронизали рисунки на сказочный сюжет.

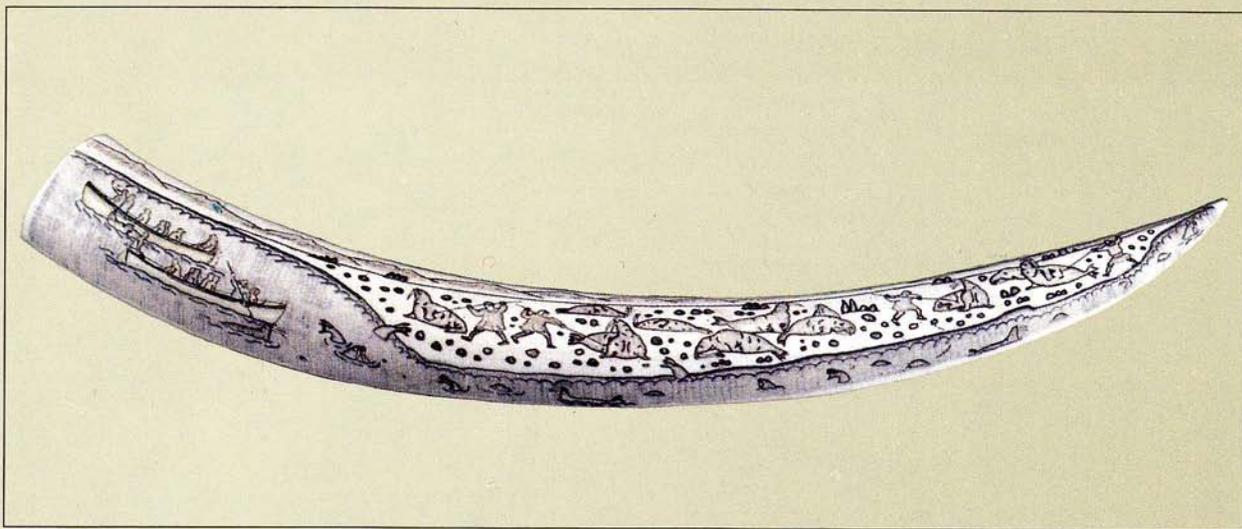
Внимание мастеров привлек образ могучего и доброго великана Лолгылина. Вера Эмкуль, Энмина, Галина Тынатваль создали работы на этот сюжет. Вера Эмкуль выполнила несколько вариантов. Один из них помещен в первой главе нашей книги. Здесь же следует сказать, что художницей была создана не только гравированная, но и рельефная композиция на сюжет сказки о великане. Вера Эмкуль была в то время единственной женщиной, владеющей техникой рельефной резьбы. Естественно, что техника исполнения непосредственно отражается на характере композиции. В работе, выполненной в рельефе, меньше деталей, композицию отличает строгая простота, сдержанность. Особое значение имеет здесь и силуэт. Поскольку цвет отсутствует, силуэт является основным выразительным средством.

Впоследствии Галина Тынатваль создала на сюжет сказки о великане Лолгылине гравировку, украшающую декоративные стаканы из кости.

Интересно здесь рассказать о рисунках на мифологические темы чукотского художника Онно³⁷. Эти материалы опубликованы И. П. Лавровым³⁸, который в те годы работал в школе культбазы, организованной на берегу залива Лаврентия, на месте современного села Лаврентия — административного центра Чукотского района. Онно нарисовал серию рисунков о Пичвучине — маленьком человечке — хозяине зверей. Ночью Пичвучин превращается в великана, упирающегося головой в звездное небо, побеждает медведя, загарпунивает кита, а днем становится маленьким, пугается наваги, с трудом ловит в тундре мышей.

³⁷ Онно — внук шамана и готовился посвятить себя профессии деда. Однако советские преобразования на Чукотке, становление новых форм жизни заставили Онно изменить свои прежние замыслы. Он стал гравером, талантливым рисовальщиком. В его памяти сохранились многие предания.

³⁸ Лавров И. П. Рисунки Онно. — Советская этнография, 1947, № 2, с. 122—133.

ЯНКУ Е.
Охота на моржей на лежбище.
1970. Клык моржа, цветная
гравировка. Уэлен. МНИ

В изображении сказочного существа преобладают реальные черты чукотского охотника. Только гигантский размер человека, свободно перешагивающего через селение, человека, которому кит, поставленный на хвост, достает лишь до пояса, выдает в рисунках о Пичвучине фантастическое существо.

Серия рисунков о Пичвучине представляет изобразительное претворение сказки на бумаге с присущими ему чертами последовательного развития сюжета.

Наряду с названными сюжетами, отраженными в работах мастеров, следует отметить и космогонические.

Еще в 30-е годы Вуквол разработал рисунок для гравировки — „Сын солнца“. Солнце в облике юноши, одетого в кухлянку и торбаса, с лучеобразным головным убором, спускается по лучу на землю на упряжке стремительно несущихся оленей. Эта композиция была выполнена на портсигаре старым резчиком Аромке в технике рельефа. Позднее, в 50-е годы, мастер Ако создает гравировку на ту же тему. Мелкий рисунок, насыщенный цветными заполнениями, множество эпизодов, передающих сюжет, — эти черты типичны для работы старого гравера³⁹.

Родившееся в 30-е годы фольклорное направление в работе мастеров получает дальнейшее развитие. Это свидетельствует об устойчивости интереса к национальному фольклору, о близости сюжетов, мотивов фольклора и изобразительного творчества, убеждает в их единых истоках. В гравюре находят отражение сказки о диком существе Терыкы; о муже-медведе; мальчике, победившем врага; о мачехе и двух ее падчерицах и другие. Во всех этих рисунках мастера сохраняют повествовательный характер сказки, изображая один эпизод за другим в их логической последовательности.

Здесь необходимо выделить двух мастеров, создавших много работ

³⁹ Эти работы находятся в Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике.

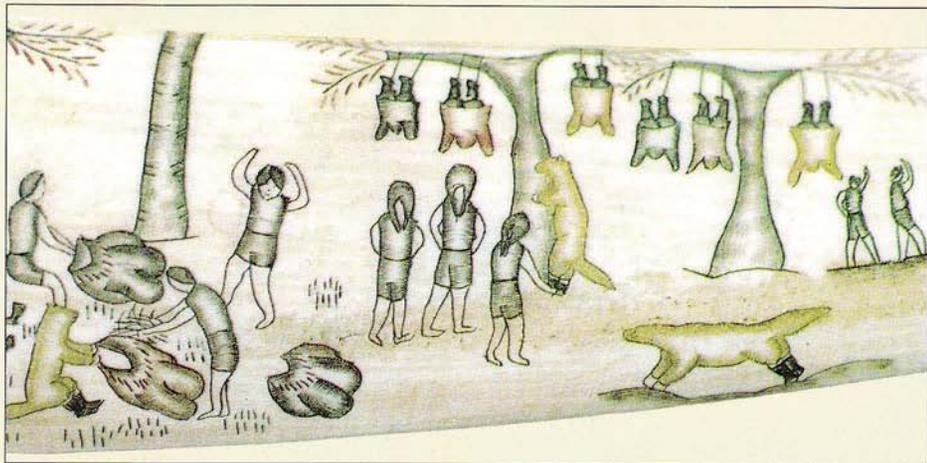
ЭМКУЛЬ В.
О Келе. 1945. Фрагменты. Клык
моржа, цветная гравировка.
Уэлен. МНИ

на сюжеты сказок, — старого мастера Ичеля и молодую Веру Эмкуль.

Для гравера Ичеля характерно увлечение цветом. Большинство работ этого мастера имеют живописный характер независимо от того, изображены ли в них сюжеты народных сказок или жизнь современного чукотского поселка. Художественные черты, свойственные почерку мастера, проявляются в работах на разные темы. В гравюре на сюжет сказки „Сын медведя“ — сопки на горизонте, одежда людей, изображение медведей — густо заштрихованы цветом, имеют ярко выраженный объем. Гряда сопки на дальнем плане, протянувшаяся по горизонтали клыка,

ЭМКУЛЬ В.
О Келе. 1945. Фрагмент. Клык
моржа, цветная гравировка.
Уэлен. МНИ

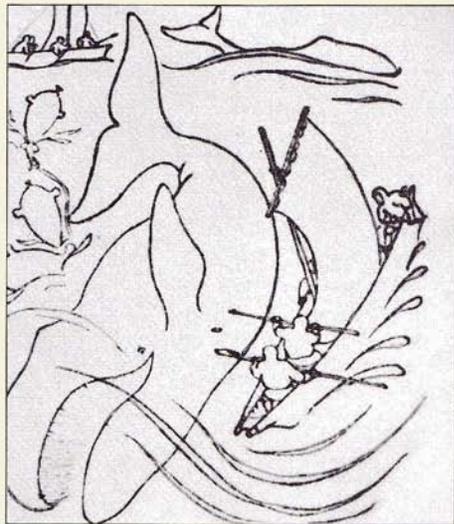
объединяет все кадры. Однако в каждом из кадров мастер дает определенную сцену в соответствии с сюжетом. Подобный прием деления повествовательной композиции, как мы увидим, будет впоследствии часто применяться мастером. Интересно внимание Ичеля к изображению растительного и животного мира тундры: олени, птицы, лисы, тонкие веточки кустарника передаются мастером в реалистическом плане.

В работе Ичеля находит отражение древняя идея перевоплощения зверя в человека и человека в зверя. Этот основной мотив чукотского и эскимосского фольклора в дальнейшем четко будет просматриваться и в других работах.

Если сравнить работы Ичеля „Сын медведя“ и Веры Эмкуль „Муж-медведь“, то увидим, что обе гравировки имеют много общего в сюжетах и содержании. Они рассказывают о близости человека с медведем — хозяином ледяных просторов, о перевоплощении человека в животное и животного в человека. Однако в силу своей индивидуальности каждый мастер находит присущие его творчеству изобразительные средства. В отличие от Ичеля, для которого типична живописность, у Эмкуль преобладает графический подход. Эта черта, проявившаяся уже в 40-е годы, сохраняется и в последующие десятилетия. И даже там, где цвет заполняет внутреннюю часть изображений, контур играет основную роль.

В последние два десятилетия наблюдается особый интерес мастеров к изображению в искусстве гравировки сюжетов чукотских и эскимосских сказок. Возможно, подобное обстоятельство объясняется тем, что именно в этом виде творчества способна наиболее ярко проявиться фантазия мастера, его индивидуальное видение мира. Интерес к фольклору связан также с ростом национального самосознания, гордости за свою древнюю культуру.

В гравюрах на фольклорные сюжеты ярко проявляется осознанный

ВУКВОЛ.
О Лолгылине. 1936. Рисунки на
бумаге. Уэлен. Архив А.Л. Гор-
бункова

подход художника-гравера к построению многофигурного изобразительного повествования, к образной эмоциональной передаче сюжета средствами колорита, масштаба, композиции. Отмечая это, следует учитывать, что сюжетная гравюра превратилась в самостоятельный вид искусства в 20—30-е годы, и опыт, накопленный за это время, весьма значителен. Мастера 60—80-х годов, работающие с увлечением над фольклорными сюжетами, используют то лучшее, что было достигнуто в этом виде национального искусства.

Возросший уровень искусства гравировки в целом, разнообразие индивидуальных творческих почерков мастеров, работающих в русле коллективной, глубоко своеобразной национальной традиции, — все это не могло не сказаться и на характере работ на фольклорные сюжеты.

Плодотворное развитие фольклорной линии в современном искусстве гравировки свидетельствует о сохраняющемся единстве устного и изобразительного творчества, устойчивости их единых истоков.

Увлеченность работой над фольклорными сюжетами проявили не только мастера старшего поколения, но и в то время молодые — Лидия Теютина, Елена Илькей, Татьяна Печетегина, Галина Иргутегина.

В памяти современных жителей Уэлена сохранились многие сказки, передаваемые из поколения в поколение. Мастера младшего поколения узнавали сказки от родителей, родственников, старших товарищей по профессии. Так например, много сказок рассказал гравер-резчик Куннукай, вышивальщица Полина Эйнес. Мае Гемауге рассказывал сказки ее отец — старик Гемауге, в прошлом охотник и косторез, Лида Теютина слышала сказки от своей матери Веры Эмкуль. Много сказок поведала молодым мастерам художница-гравер старшего поколения Елена Янку. Ее сказки воплощены в гравюрах молодых художниц Татьяны Печетегиной и Елены Илькей.

ЭМКУЛЬ В.
О Лолгылине. 1956. Клык
моржа, рельефная резьба.
Узлен. МНИ

Как же проходила работа над претворением в гравированных рисунках сюжета сказки? Каждый из мастеров выбирал сказку по своему вкусу, то есть уже в выборе сюжета сказывался индивидуальный подход. Выбранная сказка соответствовала его внутренним убеждениям, склонностям, особенностям его творческого и психологического склада. Этим, очевидно, и объясняется, что среди гравюр, выполненных на сюжеты сказок разными мастерами, нет повторов. Это обстоятельство также свидетельствует о росте индивидуального начала в коллективном по своей основе искусстве. Недаром мастера подписывают свои гравюры.

Бывали случаи, когда один и тот же сюжет привлекал двух мастеров. Однако это не приводило к аналогиям или повторам в гравированной композиции. Каждый из авторов по-своему прочитывал сюжет, выделял в соответствии со своим выбором те или иные эпизоды. Кроме того, манера каждого мастера — характер рисунка, композиция, цветовое решение, масштаб изображений — все это определяло индивидуальные черты изобразительного повествования. Далее мы это рассмотрим на конкретных приемах.

Сюжет сказки переписывался в специальную тетрадку. Затем мастер обдумывал, какие сцены можно отобрать для рисунка, ведь не все из текста сказки можно передать в изобразительной форме. Поэтому мастер выбирал определенные сцены, поступки персонажей, стараясь при этом не нарушать главную сюжетную линию.

Если проанализировать этот творческий процесс, то мы увидим, что гравер из текста сказки выбирает основные действия главных героев, ни в чем не нарушая последовательность событий, оставляя неизменным основной сюжетный стержень сказки. Гравер опускает присказки, заполняющие разрыв между различными действиями героев, мотивировки этих действий, начальные и конечные фразы.

ТЫНАТВАЛЬ Г.
Великан Долгылин. 1983. Клык
 моржа, цветная гравировка.
 Узлен, частная коллекция

Таким образом, выбирая из текста сказки определенные эпизоды, передающие главную сюжетную линию, мастер как бы является создателем нового варианта сказки, участвует, по существу, и в процессе устного народного творчества.

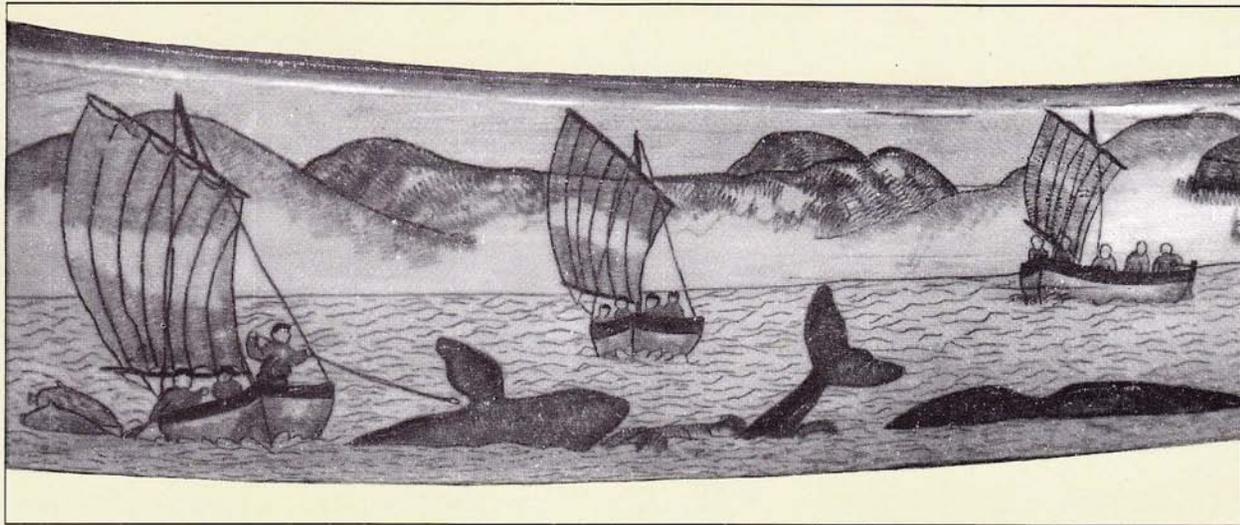
Затем наступает этап обдумывания изображений героев: какими они должны быть, каковы их одежды, каков окружающий пейзаж. И тут особенно ярко проявляются фантазия каждого мастера, присущие только ему индивидуальные черты. Порой мастера советуются со старыми людьми, которые знают и помнят древние обычаи, легенды, могут подсказать, как изобразить того или иного сказочного героя.

Какие же сказки нашли отражение в искусстве гравировки? Это в основном сказки, в которых фигурировали люди и животные (киты, ласты, моржи, нерпы, олени, песцы, медведи), а также птицы (вороны, орлы, чайки). Известно, что чукотский и эскимосский фольклор богат героическими сказаниями и историческими преданиями. Однако в памяти народа лучше сохранились и оказались более близкими именно сказки о животных. В этих сказках сохраняются следы древнейших верований, первобытной мифологии, когда животные почитались, воспринимались как тотемные помощники. Именно в недрах мифологии первобытного общества формируются образы героев сказок — животных как хозяев и помощников, которые впоследствии, в период разложения родового строя, становятся героями волшебных сказок⁴⁰.

В чукотском языке есть специальный глагол, который в переводе означает — „уподобиться зверю“ (черкичауркин)⁴¹. В. Г. Богораз пишет: „Звери, как люди. Во многих случаях зверь, принимая человеческое естество, сохраняет часть своих звериных качеств, тем самым он, хотя и становится вполне подобным человеку, все же представляет собой особую категорию живых существ, отличную от людей. Так например, кит,

⁴⁰ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958, с. 257.

⁴¹ Богораз В. Г. Народная литература палеоазиатов (Литература Востока), вып. 1. Пг., 1919—1920, с. 68.

ИЧЕЛЬ.
Охота на кита. 1945. Фрагмент.
Клык моржа, цветная гравировка.
Уэлен. МНИ

который берет себе в жены молодую женщину, продолжает оставаться китом, и она жалуется на то, что он заставляет ее вырывать ногтями раковины из его кожи . . .⁴²

Так, нерпа, спрятавшаяся в глыбе льда, превращается в жениха молодой девушки („Нерпа-жених“); женщина перевоплощается в медведицу („Жена-медведица“); лахтак, воспитанный людьми, становится юношей и отправляется на поиски невесты („Ляхтак-жених“).

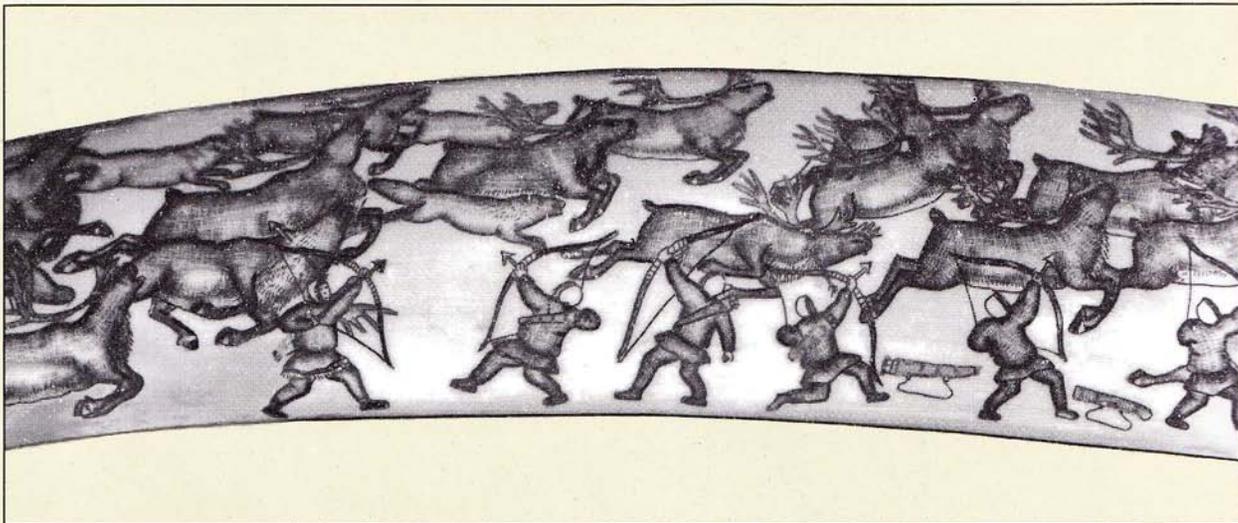
Интересно отметить, что до превращения в людей герои сказок животные — нерпы, моржи, киты, лахтаки — действуют как люди еще в зверином облике, и это воспринимается другими героями сказок — людьми как вполне естественное явление. И здесь мы видим аналогии между сказкой и гравировкой, между устным и изобразительным творчеством.

Во многих из выбранных для изобразительного претворения сказках фигурировал ворон — наиболее распространенный и архаичный образ чукотского и эскимосского фольклора. Существует множество мифов о вороне, в которых он является творцом суши. Он добывает свет, похищая у злого духа Келе мячи — солнце, луну и звезды, создает животных — собак, китов, тюленей. Все эти мифические предания относятся к наиболее древним, называемым „начала творения вестн“⁴³.

В сказках о животных, относящихся к более позднему времени, ворон выступает в роли плута, хитреца, обманывающего лису, сову, волка, богатых оленеводов. Г. А. Меновщиков, живший в 1932 году в поселке Имтук, вспоминает, что „вороны, гнездившиеся на ближайших скалах, были постоянными иждивенцами поселка. Они питались не только кухонными отбросами на помойках, но получали обязательную долю мяса во время кормления охотниками собак. Обычно ворон приземлялся в нескольких шагах от кормящего собак хозяина и получал свой кусок, и если при этом собаки пытались отнять у ворона его еду, люди жестоко наказывали

⁴² Богораз В. Г. Чукчи, т.1. Л., 1934, с.6–7.

⁴³ Мелетинский Е. М. Палео-азиатский мифологический эпос. М., 1979, с.21.

ЭМКУЛЬ В.
Олени и волки. 1956. Фрагмент.
 Клык моржа, цветная гравировка. Уэлен. МНИ

животных. Вороны не боялись людей и жили вблизи поселков⁴⁴. Убийство ворона считалось тяжким преступлением. Ворон являлся олицетворением древности и мудрости. Жители поселков запоминали отдельных птиц и даже называли их по имени.

В первой главе нашей книги вы прочли и рассмотрели сказки на сюжеты о вороне, выполненные Еленой Янку и Галиной Тынатваль.

Многие работы художников-граверов отражают сюжеты, связанные с темой сирот. Это одна из широко бытующих в фольклоре чукчей и эскимосов тема. Тяжелейшие природные условия, жестокие голодовки, когда целые семьи вымирали, обусловили, по всей вероятности, эту тему. Оставшихся без родителей детей воспитывали часто чужие люди, одинокие старики, о них заботились всем селением, при удачной охоте сиротам выделялось мясо.

Сюжеты сказок о сиротах находят претворение во многих работах мастеров-граверов. В нашей книге представлена работа Г. Тынатваль „Про мачеху и двух падчериц“.

Внимание мастеров привлекают также сказки о животных — покровителях человека, помогающих ему выйти из тяжелых испытаний. Такова сказка „Два мудрых оленя“, послужившая основой для работы Май Гемауге, которую читатель прочел и рассмотрел в первой главе.

Привлекают мастеров сказки о сестрах и братьях, что связано с представлениями, типичными для матриархата. Эти сюжеты находят отражение в работах Елены Янку, Май Гемауге. В этих сказках сестры смело вступают в единоборство с мужчинами, сражаются на копьях, состязаются в силе и ловкости и выходят замуж за того, кто побеждает их в спортивных играх.

Излюбленны сюжеты о браке женщины и кита, рождении китенка, о близости женщины и медведя, то есть о родстве людей и животных, сюже-

⁴⁴ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1974, с. 19.

ТУККАЙ.
Женщина-нерпа. 1976. Клык
моржа, резьба. Уэлен. УКМ

ты, в которых находят отголоски древнего мировоззрения. „Женщина, отбившаяся от племени, похищается медведем или китом, рождает ребенка — полузверя, получеловека, затем ее похищают родственники, сын зверя становится посредником между людьми и животными — это основной сюжет чукотского и эскимосского фольклора“⁴⁵. Сюжеты о браке женщины и кита особенно распространены и имеют разную интерпретацию как в устной форме, так и в изобразительной⁴⁶.

В первой главе нашей книги мы специально помещаем работы двух художников Галины Тынатваль и Василия Емрыкаина на сюжет сказки о ките. Сравнение этих двух работ особенно ярко выявляет индивидуальные черты творчества мастеров, работающих в русле коллективной традиции. Подробный, эмоциональный рассказ, активный цвет — у Тынатваль; Емрыкаин немногословен, основное художественное средство у него — контур.

Близка к этому сюжету сказка „Похищение“, услышанная гравером Лидией Тютютиной от матери Веры Эмкуль. В своей композиции Тютютина рассказывает о том, как кит похитил из селения женщину, как она жила с ним на дне моря, родила сына-кита и потом возвратилась к своим родным на берег моря.

В гравюре „Похищение“ женщина изображается в виде фантастического существа с лапами и хвостом — когда она в море, и в обычном виде — когда на земле. Кит также предстает то в виде мужчины (в сцене похищения женщины, сидящей на берегу), то в фантастической одежде, напоминающей плащи из моржовых кишок, которые надевали охотники, выходящие в море. Реальное и фантастическое совмещается здесь естественно, органично, как и в других работах на фольклорные сюжеты.

Сравнение этих трех близких сюжетов показывает особенность развития народной сказки и гравюры на ее сюжет, когда исполнители „рас-

⁴⁵ Богораз-Тан В. Г. Миф об умирающем и воскресающем звере. — Художественный фольклор. М., 1926, №1, с. 67.

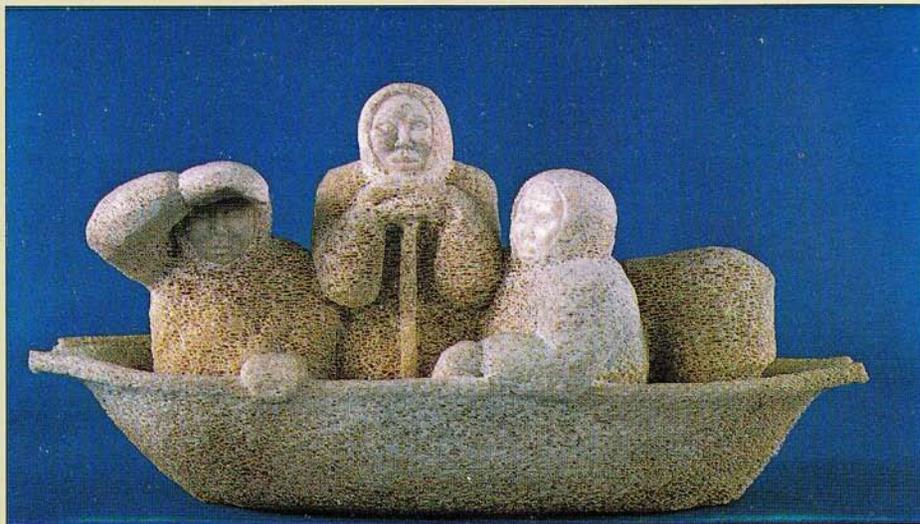
⁴⁶ См.: Кит, женщиной рожденный. — В сб.: Эскимосские сказки. Сост. Г. А. Меновщиков. Магадан, 1958, с. 67; Нунагмитский кит. — В сб.: Сказки Чукотки. Сост. О. Е. Бабошина. М., 1958, с. 164; Раупелен. — Там же, с. 174.

**Фольклор
в гравировке
по кости**

ТЕЮТИН В.
Дети тундры. 1976. Кость кита,
резьба. Уэлен. УКМ

НИКИТИН С. Н.
В ледяном плену. 1978. Кость
кита, резьба. Уэлен. УКМ

цветчивают, — как пишет П. Г. Богатырев, — узорами индивидуального творчества фольклорное произведение⁴⁷. В этом — источник вариаций, вечного обновления традиционной основы.

Как мы уже упоминали, интерес к фольклору проявили мастера разных поколений. Выросли в подлинных художников, имеющих свой индивидуальный почерк, Лидия Теютина, Татьяна Печетегина, Галина Иргутегина, Елена Илькей. Активно включились в работу на фольклорные сюжеты молодые граверы З. Гемауге, Н. Гоном, Л. Эйнес, С. Тегрылькут.

Лидия Теютина, дочь Веры Эмкуль, — ведущий художник в коллективе граверов среднего поколения. Она переняла от матери очень точный выразительный рисунок, отличающийся монументальным характером. Художница одинаково уверенно владеет и рисунком и цветом. Обычно ее композиции насыщены цветом, но контур каждого изображения, как и в работе ее матери Веры Эмкуль, ярко выражен.

Многие сказки, услышанные от матери, послужили основой для гравированных композиций. Так, Лидия Теютина выполнила гравировку на сюжет сказок „Лахтак“, „Похищение“, „Девушка и дикарь“.

Галина Иргутегина обладает ярким, самобытным талантом. Ей присуща творческая смелость, она уверенно берется за любое новое решение. Крепкая рука, монументальность изображений, выразительность рисунка — все это четко видно в работах Галины Иргутегиной на сюжеты сказок „Нерпа-жених“, „Победители врагов моря и тундры“. Она первая с большим вдохновением, интересом, присущим ей темпераментом включилась в работу над новой техникой — росписью по коже и создала ряд талантливых композиций.

Татьяна Печетегина — автор многих фольклорных сюжетов. Ее сложные многофигурные изобразительные повествования насыщены большой информацией. Художница старается передать текст сказки со всеми по-

⁴⁷ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 374.

ИРГУТЕГИНА Г.
Охотник и Келе. 1976. Кожа, рос-
пись. Уэлен. МНИ

дробностями. Она много читает, выбирая из опубликованных сказок сюжеты, близкие ей, интересные. Татьяне Печетегиной принадлежат работы на сюжеты сказок: „Похищение девочки“, „Сирота“, „Ворон и девушка“, „Волчий приемыш“. Для ее творческого почерка характерна значительная роль цвета. Можно сказать, что она работает скорее пятном, чем рисунком. Печетегина любит пастельные тона, желтые, красные цвета.

Елена Илькей — дочь известного резчика Туккая — также автор многих работ на фольклорные сюжеты. Для творческого почерка этой художницы характерны большие просветы фона, немногословные композиции, свободное расположение рисунков, ритмические повторы, слегка подкрашенный контур изображений. Этими чертами отличаются работы на сюжеты сказок „Человек и медведь“, „Птица-невеста“, „Человек, рожденный оленем“.

Фольклорные мотивы находят претворение и в скульптуре. Хотя наша книга посвящена отражению народных чукотских и эскимосских сказок в гравировке, следует упомянуть и о тех немногих работах резчиков, что посвящены сюжетам сказок. Такова работа Туккая „Нерпа-женщина“ на излюбленный сюжет перевоплощения человека и животного. Анатолий Тымнетагин — автор многофигурных скульптурных композиций „Спор кита с навагой“ и „Борьба за жену“. Виктор Текутин выполнил две композиции на сюжет сказки о Солнце. Одна из работ представляет объемную композицию, другая — рельефное панно.

В последние годы наблюдается интересное явление: увлечение древними фольклорными сюжетами совмещается с рождением новых легенд. Появляются работы, в которых рассказывается о людях, принимавших активное участие в становлении новой жизни на Чукотке.

Еще в 1936 году Вукволом была создана „Легенда о Ленине“. В этой работе рассказывалось о том, как, по преданию, сложенному народом, Ле-

НИКИТИН С. Н.
Великан и киты. 1980. Ярап.
Кожа, китовый ус, роспись.
Уэлен.

нин приезжал на Чукотку помогать охотникам и оленеводам строить новую жизнь. Интерес к этой теме устойчив и все больше привлекает внимание гравиров.

В 1965 году Галина Тынатваль выполняет по заказу Чукотского окружного краеведческого музея в Анадыре копию с работы Вуквола, а в 1969 году, по мотивам работы Вуквола, художница создала собственную гравированную композицию. Так осуществилась своеобразная эстафета мастерства.

В настоящее время Галина Тынатваль работает над композицией, посвященной жизни Вуквола, личность которого стала легендарной.

Татьяне Печетегиной принадлежит многофигурное изобразительное повествование, рассказывающее о жизни Отке — славного сына чукотского народа, принимавшего активное участие в становлении Советской власти на Чукотке, председателя Чукотского окрисполкома.

Галина Иргутегина посвятила свою работу жизни Тегрынкеу — другого замечательного представителя северного народа, борца за Советскую власть на Чукотке.

Мастера с увлечением читают литературу, выбирая оттуда волнующие их образы людей и связанные с ними сюжеты. Однако литературному материалу придается форма фольклорного произведения. Пропущенный через призму сознания народного мастера, этот материал в изобразительном претворении приобретает привычные для гравиров черты, превращаясь в легенду, переданную в рисунках. Народное восприятие сюжета здесь проявляется четко.

Таким образом, столь традиционный вид национального искусства, как резьба по клыку моржа, не статичен, находится в движении, в процессе трансформации старого и рождения нового. Мирвосприятие современного мастера, живущего в условиях огромных изменений во всех

сферах духовной и материальной жизни, рождает новые творческие импульсы.

Говоря о современном состоянии искусства резьбы по кости, нельзя не сказать о становлении новых художественных направлений. Мы имеем в виду скульптуру из скелетной кости морского зверя и роспись по коже.

Обращение к новому материалу в определенной мере было связано с дефицитом клыка моржа, с сокращением лицензий на отстрел этих животных. Новый материал, обладающий совершенно другими свойствами, чем клык моржа, по цвету, фактуре, возможности обработки, поставил перед мастерами-резчиками существенные трудности. Однако проникновение в природные качества материала — традиционная черта для подлинно народного мастера, обусловило успех в этом начинании. Резчики почувствовали суровый облик нового материала; нашли значительно более крупный, чем в скульптуре из клыка моржа, масштаб; выявили шероховатую, пористую поверхность. В скульптуре из скелетной кости мастера-резчики сохранили лучшие черты чукотско-эскимосской пластики, специфическое мировоззрение художника-охотника. Работы из нового материала, изображающие тюленя, нерпу, оленевода, выполнены Виктором Текутиным, Анатолием Тымнегаиным, экспонировались на выставке „Народное искусство Чукотки“ в Москве в 1976 году и привлекли внимание как специалистов, так и широкой публики. В последние годы интересные работы создал Григорий Татро. Новое художественное направление существует в настоящее время как один из видов современного национального художественного творчества параллельно с традиционной скульптурой из клыка моржа.

Талант мастеров гравировки находит проявление и в новом виде творчества — росписи по коже. Здесь реализуется способность мастеров к импровизационному рисунку, претворяются отработанные коллективным опытом художественные приемы, свойственные гравировке по клыку моржа. Имеется в виду узорная разработка или заливка цветом внутренней части изображений, плоскостный характер, их силуэтность. Естественно, что новый вид творчества, новый материал поставил перед мастерами ряд трудностей: создание композиции, заключенной в определенную геометрическую форму, укрупненный масштаб изображений, целостное решение предмета декоративного характера. Все ведущие мастера гравировки с увлечением пробовали свои силы в росписи декоративных панно из кожи. И в декоративных панно мастера Елена Янку, Галина Тынатваль, Галина Иргутегина обращаются к излюбленным фольклорным мотивам, перерабатывая в соответствии с новой техникой и материалом трактовку знакомых сказочных образов.

Однако отношение художников к этим образам остается прежним, свойственным народному мировосприятию, в котором продолжает сохраняться единство устного и изобразительного народного творчества.

Факт формирования новых художественных направлений свидетельствует о жизненности древнего искусства в современных условиях, о живом процессе, развивающемся в древней культуре, о больших потенциальных творческих возможностях мастеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов С. А.,
Сергеев Д. А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
- Беликов Л. В.** Основные виды устного народного творчества чукчей. Л., 1956.
- Богораз В. Г.** Материалы по изучению чукотского языка и фольклора чукчей, ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб, 1900.
- Богораз В. Г.** Чукчи. Ч. 1. Л., 1934.
- Вдовин И. С.** Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965.
- Диков Н. Н.** Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегты-меля). М., 1971.
- Лавров И. П.** Рисунки Онно. — Советская этнография, 1947, №2.
- Мелетинский Е. М.** Герой волшебной сказки. М., 1958.
- Мелетинский Е. М.** Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979.
- Меновщиков Г. А.** Эскимосы. Магадан, 1961.
- Меновщиков Г. А.** Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Митлянская Т. Б.** Художники Чукотки. М., 1976.
- Пропп В. Я.** Морфология сказки. М., 1969.
- Рубцова Е. С.** Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.—Л., 1954.
- Сергеев Д. А.** Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре 1-х вв. н. э. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970.
- Сказки** Чукотки. Сост. О. Е. Бабошина. М., 1958.
- Сказки** и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1974.
- Чукотские,** эскимосские, корякские сказки. Сост. Г. А. Меновщиков. Хабаровск, 1950.
- Эскимосские** сказки. Сост. Г. А. Меновщиков. Л., 1939.
- Эскимосские** сказки и легенды. Сост. Г. А. Меновщиков. Магадан, 1969.

Принятые сокращения

- ГМЭ** — Государственный музей этнографии народов СССР
(Ленинград)
- МАЗ** — Музей антропологии и этнографии (Ленинград)
- МНИ** — Музей народного искусства (Москва)
- УКМ** — Узленская косторезная мастерская

НОВАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ ЛЕГЕНД ЧУКОТКИ

О творчестве Веры
Эмкуль,
Галины Тынатваль,
Елены Янку,
Василия Емрыкаина,
Маи Гемауге

Авторы текста
Т. Б. МИТЛЯНСКАЯ,
И. Л. КАРАХАН

Фотосъемка
Ю. Я. МУРАВИНА,
А. Ю. МУРАВИНА
Макет, художественное
оформление
Н. А. УШАЦКОЙ,
Б. К. УШАЦКОГО

Редактор Л. А. САВЕЛЬЕВА
Художественно-технический
редактор И. И. САВЕЛЬЧЕВА
Корректор В. И. ОГРЫЗКО

ИБ № 764

Сдано в набор 13.03.86. Подписано к
печати 12.02.86.

АХ-00095. Формат 80 × 66/12 17 п. л.
Бумага мелованная. Гарнитура Гель-
ветика.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,62.

Усл. кр.-отт. 100,52. Уч.-изд. л. 16,92.

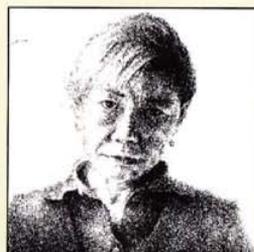
Тираж 30000. Заказ № 005712.

Цена 7 р. 30 к.

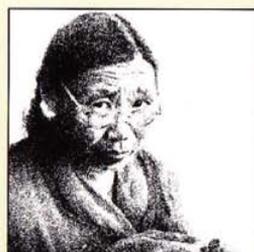
Магаданское книжное издательство,
685000, Магадан, пр. Ленина, 2
Типография Фортшритт Эрфурт – ГДР.

**Вера
ЭМКУЛЬ**

**Галина
ТЫНАТВАЛЬ**

**Елена
ЯНКУ**

**Василий
ЕМРЫКАИН**

**Мая
ГЕМАУГЕ**